

Даниэл О. Грэм • Космический щит

Даниэл О. Грэм

КОСМИЧЕСКИЙ ЩИТ

Нью-Йорк

1988

ТЕЛЕНОС
СОНЕТ

Даниэл О. Грэм

КОСМИЧЕСКИЙ ЩИТ

Авторизованный перевод с английского
И.Ефимова

ТЕЛЕКС

Нью-Йорк
1988

Даниэл О. Грэм

КОСМИЧЕСКИЙ ЩИТ
(Перевод с английского И. Ефимова)

Daniel O. Graham

Kosmicheskii shhit

(Translation of *The Case for Space Defense*)

Редактор А. Серебренников

ISBN 0-938181-01-7

Copyright of Russian text © 1988 by TELEX

Published by TELEX

New York, 1988

Distributed by MANUSCRIPT BOOK HOUSE

321 Varick St.

Jersey City, N.J. 07302, U.S.A.

Генерал Даниэл О. Грэм (справа) с президентом Рональдом Рейганом

ОБ АВТОРЕ

Генерал-лейтенант Даниэл О. Грэм закончил в 1946 г. Вест-пойнтскую военную академию, после чего служил в Западной Германии, Корее и Вьетнаме. Отмечен многими военными наградами. Занимал посты заместителя директора Центрального разведывательного управления и директора Агентства военной разведки.

Во время президентских избирательных кампаний Рональда Рейгана в 1976 и 1980 годах генерал Грэм был его советником по военным вопросам. Он автор нескольких книг об оборонной стратегии Запада.

В настоящее время генерал Грэм председатель Американского комитета по космической обороне и Коалиции за стратегическую оборонную инициативу, а также учредитель и глава корпорации «Верхняя граница».

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	6
Схема СОИ	8-9
Глава 1. Космос как Верхняя граница	11
Глава 2. Тени прошлого	28
Глава 3. Задача	32
Глава 4. Программа действий	37
Глава 5. Военная программа	45
Глава 6. Мирные программы	60
Глава 7. Реакция Советов	70
Глава 8. Противники программы	76
Глава 9. Перспективы	99
<i>Приложения</i>	
Речь президента Р. Рейгана 23 марта 1983 г.	109
Советская стратегическая оборона в космосе	115

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В 1972 г. Соединенные Штаты и Советский Союз заключили Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО-1972), по которому они обязались не разворачивать у себя более чем по одной такой системе. Советский Союз, по вполне понятной причине, решил защитить Москву и ее окрестности, где сконцентрированы все его жизненные центры — ЦК партии, КГБ, Генеральный штаб, министерства, а также 70 процентов научно-исследовательского потенциала страны. Соединенные Штаты не имеют эквивалентного центра, а так как тогда считалось, что всю территорию страны защитить нельзя, то американская сторона в одностороннем порядке решила не создавать у себя противоракетную оборону.

Одновременно с подписанием Договора стороны согласились принять обоюдную военно-стратегическую доктрину — так называемую стратегию «взаимного гарантированного уничтожения» (по-английски МЭД)*. За этим зловещим словосочетанием скрывалась простая вещь: в случае, если одна из сверхдержав атакует другую межконтинентальными ракетами с ядерными боеголовками, то другая немедленно ответит тем же. Взаимоуничтожение гарантировано. В течение первых десяти лет эта доктрина представлялась единственно возможным сдерживающим фактором.

Ситуация изменилась с усовершенствованием ракетного оружия. Развитие электронной техники, снаряжение ракет и боеголовок автономными компьютерами сделали ракетную стрельбу чрезвычайно точной, стало возможным перейти от стрельбы «по площадям» к стрельбе «по точкам», то есть первым же ударом разрушить ракетные установки противника и тем самым предупредить ответное «гарантированное уничтожение». На новую ситуацию следовало искать новый ответ.

В начале 1983 г. по инициативе президента Р. Рейгана в Соединенных Штатах начались работы по созданию оборонной системы (СОИ), которая вообще исключит ракетно-

* По первым буквам тех же английских слов Mutual Assured Destruction, читаемых Мючизэл Эшуэд Дистракшэн.

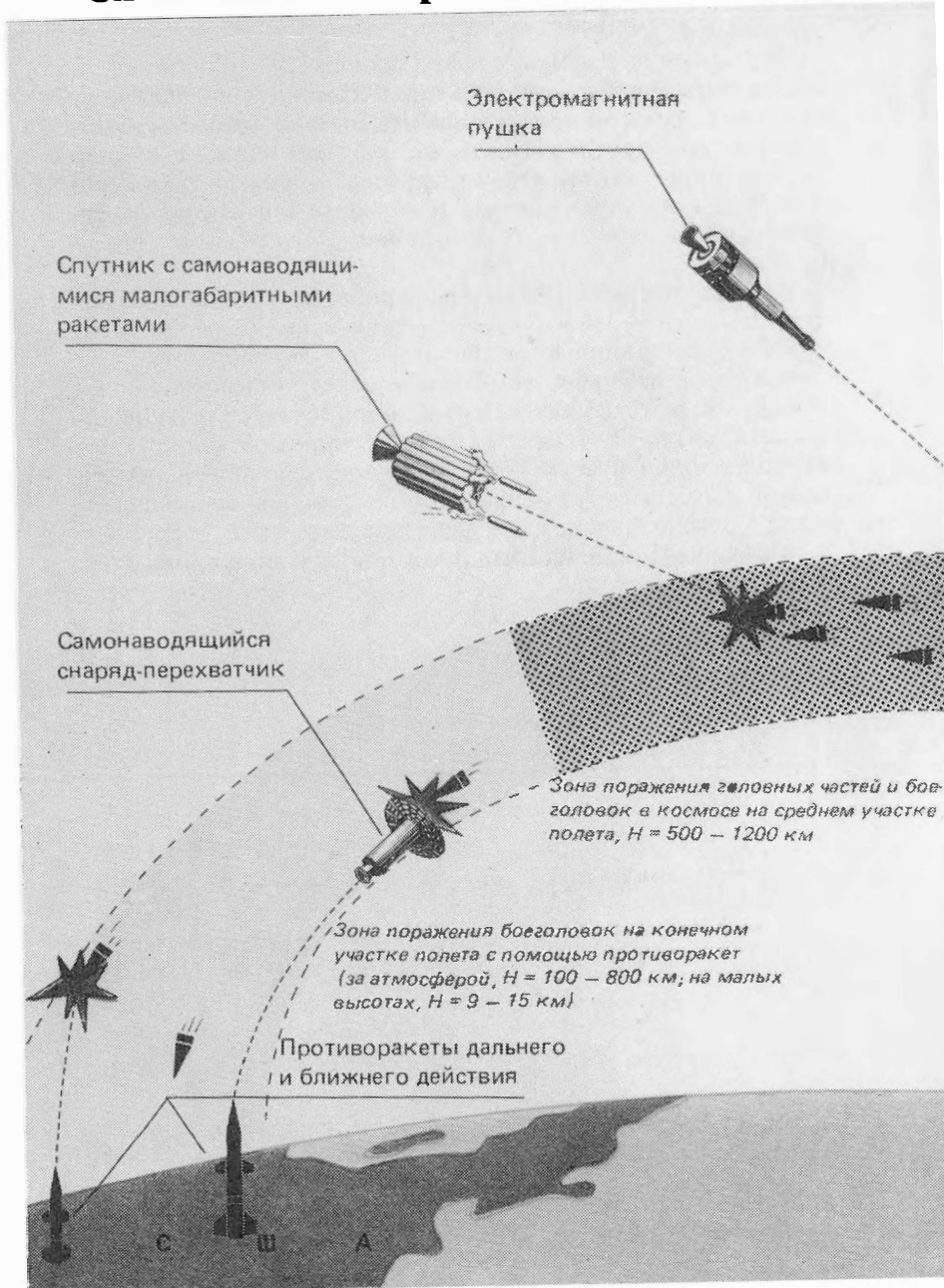
ядерную войну, сделает бессмысленным владение межконтинентальным оружием. Частично размещенная на Земле, частично в Космосе, она засечет взлет ракет противника и уничтожит их в полете.

Во время предновогоднего (декабрь 1987 г.) визита в Вашингтон генеральный секретарь Михаил Горбачев признал, что Советы тоже работают над созданием собственного «космического щита». Ну что же, как говорится, в добрый час! Не лишне напомнить, что президент Рейган пообещал Москве техническую помощь в случае, если американская система уже заработает, а противная сторона со своей еще не справится.

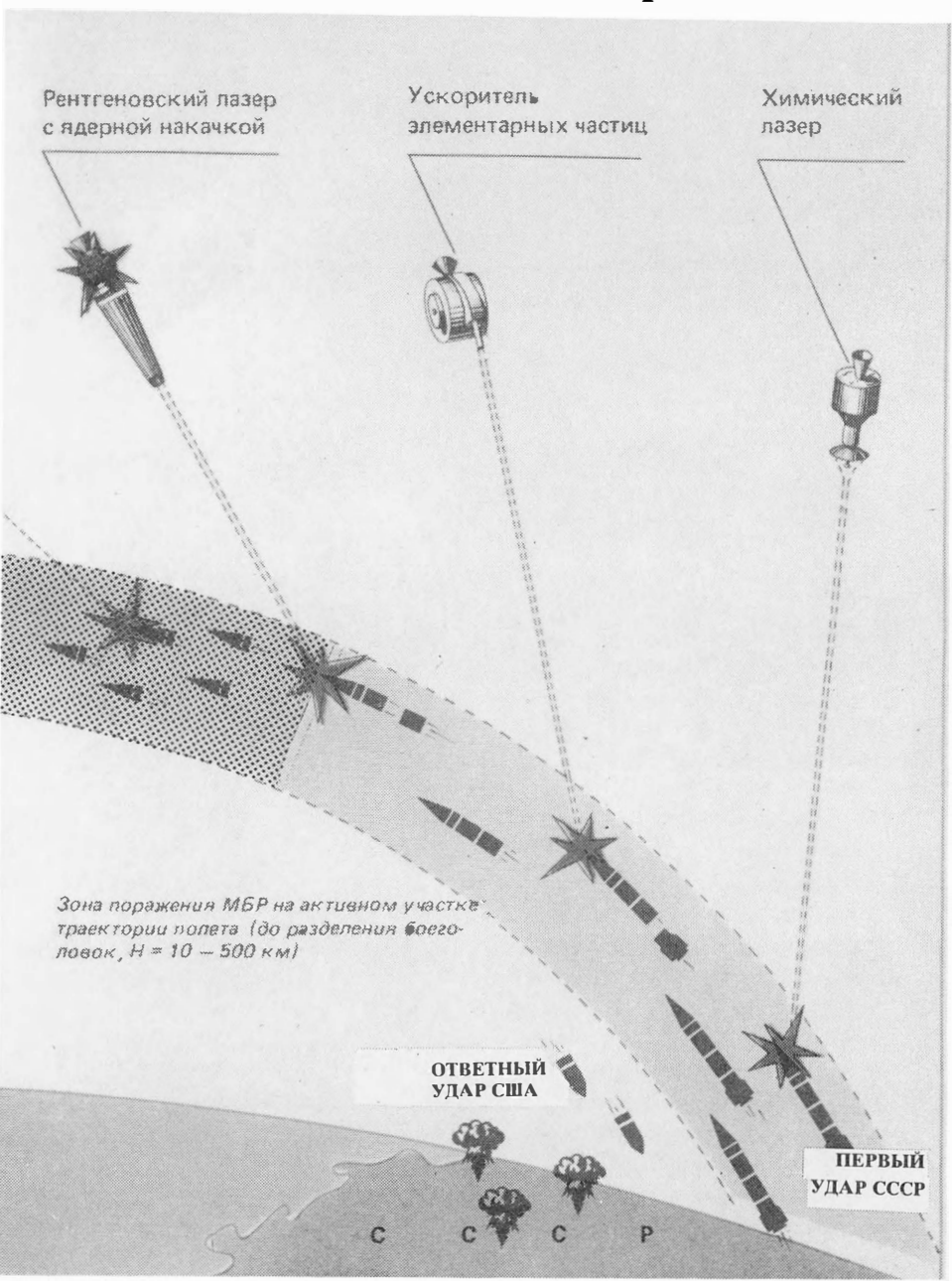
Осуществление СОИ будет сопровождаться грандиозными прорывами во многих научно-технических областях. Создаваемые сверхмощные и одновременно сверхминиатюрные компьютеры, лазерная, химическая, электромагнитная аппаратура, новые технологические приемы помогут усовершенствовать жизнь на Земле и откроют широкий выход человечества в мирный Космос. Уже следующее поколение людей сможет вывести за атмосферу всю «грязную» промышленность, а Землю превратить в цветущий сад.

Создание Космического щита — первый шаг на этом пути.

Схема системы противоракетной обороны

С элементами космического базирования

КОСМОС КАК ВЕРХНЯЯ ГРАНИЦА

В марте 1982 года был опубликован доклад "Верхняя граница: новая государственная стратегия". С ним ознакомили ведущих работников государственного аппарата, сделали доступным и для широкой читающей публики. В докладе суммировались аргументы, доказывающие тезис: Соединенные Штаты, используя свое превосходство в космической технике, могут проявить решительность и сделать шаг, который обеспечит безопасность свободного мира и откроет доступ к бескрайним возможностям космоса, поставит их на службу экономическому и общему прогрессу человечества.

Военный аспект доклада сводился к предложению отказаться от давней советско-американской доктрины "взаимного гарантированного уничтожения" (МЭД), принятой сторонами в 1972 году при заключении Договора об ограничении противоракетной обороны. Доктрина строилась на предположении, что ни одна из сторон, лишенная средств противоракетной обороны, не решится на ракетно-ядерную войну из страха перед ответным ударом. Доклад рекомендовал создание многослойной оборонительной системы, базируемой главным образом в космосе, которая достаточно эффективно защищала бы военные и гражданские объекты и сводила бы к минимуму возможность намеренного или случайного развязывания атомной войны.

Расматривая проблемы, не связанные непосредственно с вооружением, доклад подчеркивал необходимость снижать стоимость космических перевозок, ибо она препятствует эффективному научному и коммерческому использованию космоса. Авторы обращали внимание на огромные возможности, таящиеся здесь для человечества, включая, например, возможность накапливать в космосе солнечную энергию, которую затем можно было бы переправлять посредством лучеиспускания в страны третьего мира, испытывающие нехватку энергоресурсов.

Господствующее представление о том, что можно провести четкую грань между чисто гражданским (т. е. "мирным") использованием космоса и военным использованием, доклад объявлял мифом. Авторы считали, что в любом случае основные технологические компоненты будут применимы как в военной, так и в гражданской сфере. Кроме того, подчеркивалось, что крупные капиталовложения, необходимые для развития космоса, не удастся привлечь, если не будет гарантирована их безопасность.

Первоначальный доклад включал в себя проект "декларации" принципов Верхней границы, которые мог бы использовать любой государственный деятель Соединенных Штатов, согласившийся с ними. В ней ясно изложены основы концепции Верхней границы:

Соединенные Штаты и их союзники в настоящее время обладают таким арсеналом технологических, экономических и моральных возможностей, который может быть успешно использован для преодоления многих болезней, подтачивающих нашу цивилизацию. Нет никакой необходимости оставлять нашим детям в наследство жуткую доктрину "Взаимного Гарантированного Уничтожения", это постоянное балансирование на грани страха, которое идет на пользу только тем, кто стремится использовать страх для сокрушения наших свободных стран. Нет необходимости также и в том, чтобы сгибаться под гнетом еще более мрачных предсказаний о сокращающихся запасах энергии, сырья, продовольствия. Экономически и политически свободным системам нет нужды постоянно отступать перед агрессией тоталитаризма. Народы свободного мира снова могут взять в руки свою судьбу — нужно лишь, чтобы у них достало на это воли.

В апреле 1981 года космический челнок "Колумбия" совершил свой первый исторический полет в космос и благополучно вернулся на Землю. Это событие не было просто очередной победой в космосе великолепной американской техники. Оно явилось вехой начала новой эры в процессе освоения человечеством Верхней границы — космоса. Для будущего человечества запуск космического челнока значил больше, чем строительство трансконтинентальной железной дороги, открытие Суэцкого и Панамского каналов, полет братьев Райт. Несмотря на гибель "Челенджера" в начале 1986 года, космические челноки остаются первыми нашими машинами, дающими возможность построить "дорогу в космос", по которой люди и приборы отправятся на освоение новых пространств, необходимых для того, чтобы защитить нас от нависшей угрозы термоядерного нападения.

Это постыдное историческое упущение — и история велит нам не упустить его.

Несколько тысячелетий назад вся деятельность человека — труд, торговля, связь, так же как и военные столкновения — были привязаны к земле.

Постепенно совершенствование технических средств

и неумная предприимчивость человека перенесла его из глубин континентов в сферу прибрежных морских путей. Труд, торговля, связь, военные мероприятия быстро приспособивались к этой новой области. Нации, достаточно умные или удачливые для того, чтобы первыми использовать военные и коммерческие возможности, открывавшиеся здесь, получили огромные стратегические преимущества. Так, викинги, которые никогда не были слишком многочисленны, сделались хозяевами прибрежных зон, и их власть распространилась от Скандинавии на всю прибрежную Европу, они проникли в Средиземноморье, подошли к воротам Византии.

В начале 16 века, после героических плаваний таких людей как Магеллан и Колумб, человеческая деятельность перенеслась на океанские просторы. И снова, народы, вырвавшиеся вперед в деле освоения новых сфер, оказались в огромном выигрыше. Сначала Испания и Португалия использовали свою морскую мощь, чтобы основать колонии и укрепить свое положение в Европе. Позже Великобритания, с ее непревзойденным флотом торговых и боевых кораблей, установила столетие относительного мира, которое мы помним как Pax Britannica.

Жизнь нашего поколения была отмечена продвижением человеческой деятельности в новую сферу, как бы в "прибрежную зону космоса" — в воздух. И опять народы, эффективно и быстро освоившие эту область для хозяйственных и оборонных задач, получили огромные преимущества. Как американцы мы вправе гордиться успехами нашей военной и торговой авиации.

Но сегодня, после героических полетов наших астронавтов на Луну и наших беспилотных кораблей — к кольцам Сатурна и дальше, мы видим, как человеческая деятельность делает очередной скачок в сторону новой, неизведанной области — к космическому океану. Соединенные Штаты, как и другие крупные страны, включая Советский Союз, делают огромные вложения в космос. Большой объем нашей радио-телефонной связи, сбор разведывательных данных, предсказание погоды, ориентирование кораблей и самолетов в значительной мере базируются на использовании спутников. И, как учит нас история, те народы или группы народов, которые обгонят других в космосе, добьются существенных преимуществ, связанных с захватом новой "высоты".

Мы должны направить все усилия на то, чтобы эти преимущества достались народам свободного мира, а не тоталитарным государствам. Мы можем улучшить

или заменить Челнок, создать "железнодорожный путь в космос", разместив на нем космические станции и резко снизив стоимость заброса материалов на орбиту. Тем самым мы откроем двери для развития совершенно новых отраслей промышленности, базирующихся в космосе, новой продукции и созданию рабочих мест для людей на Земле. В конце концов мы можем найти средства доставлять на Землю космические минералы и солнечную энергию, запасы которой в космосе безграничны. Осуществив это, мы свели бы на нет мрачные предсказания об уменьшении энергоресурсов и сырья здесь на Земле. Космические ресурсы не только увеличили бы процветание развитых индустриальных наций Свободного мира, но и дали бы возможность справиться с трудноизлечимыми недугами развивающихся стран.

Далее, мы могли бы расположить в космосе средства обороны, необходимые для защиты этих мирных начинаний от нападений со стороны враждебных сил. Мы можем запустить на космическую орбиту систему чисто оборонных спутников, использующих неатомные виды оружия. Это лишит наших противников возможности нанести удар по нашим существующим или будущим космическим установкам или осуществить эффективное военное нападение на нас или на наших союзников с использованием баллистических ракет. Подобная система глобальной защиты против ракетного нападения вполне осуществима даже на современном технологическом уровне и может быть развернута в космосе в начале 1990-х, причем с гораздо меньшими затратами, нежели любая другая система, нацеленная на восстановление стратегического равновесия.

Нам нет нужды отменять существующие договоры ради достижения вышеописанных оборонных задач. Договор Организации объединенных наций запрещает размещение в космосе оружия массового уничтожения, но ничего не говорит об оборонном космическом оружии. Договор о противоракетной обороне (ПРО) требует предварительного обсуждения представителями обеих сторон – Советского Союза и США – любого решения о вводе оборонных систем, "основанных на иных принципах", к каковым относятся космические системы. Мы можем начать такие обсуждения и предложить, если понадобится, изменения в договоре ПРО, который как раз намечен к пересмотру в 1987 году. Советская сторона уже многократно нарушала этот договор.

По сути, речь идет о решении обеспечить нашу страну

и наших союзников надежной защитой против термоядерного нападения. Подобный шаг представлял бы из себя давно назревший отказ от теории "взаимного гарантированного уничтожения" (МЭД), которая утверждала, что единственным реальным препятствием для атомной войны может быть лишь постоянная угроза – возможность для Советского Союза и Соединенных штатов разрушить города и истребить население друг друга. Неизбежным дополнением к теории МЭД был тезис ненужности защиты гражданского населения, ибо оно оказывалось как бы заложником в чудовишной схватке двух гигантских сил. Доктрина МЭД, подчеркивавшая, что попытки защищать себя окажутся "дестабилизирующими" и "провокационными", привела к почти полному свертыванию системы стратегической обороны, которая когда-то существовала у нас.

В течение многих лет представители нашего высшего командного состава громко предупреждали о разрушительном воздействии, оказываемом теорией МЭД на нашу государственную безопасность. Они пытались снова и снова разъяснить ее теоретическую несостоятельность и использовали имеющиеся у них возможности для ослабления вреда, наносимого ею. Тем не менее вред этот налично. Единственная реакция на возрастание атомной угрозы для США и их союзников, разрешавшаяся доктриной МЭД, сводилась к праву наращивать собственную ответную угрозу. Далее, стратегия Соединенных Штатов, исходящая из допущения гибели гражданского населения и лишавшая солдата его традиционной роли защитника своих сограждан, разрушала моральный дух американской армии, подтачивала атмосферу доверия и взаимной поддержки, обычно существовавшую между армией и обществом.

Это наследие МЭД является источником и причиной многих проблем, связанных сегодня с безопасностью Соединенных Штатов и их союзников. Мы должны оставить теорию, обанкротившуюся как в военном, так и в моральном плане, и перейти от "взаимного гарантированного уничтожения" к "гарантированному выживанию". Если Советский Союз пожелает присоединиться к нам в этом плане, мы будем только приветствовать такой шаг. Наша главная задача и наша обязанность состоят

в обеспечении обороноспособности нашей страны и наших союзников. У нас нет ни малейшего намерения подвергнуть атомному опустошению Советский Союз.

Если и Восток, и Запад смогут избавить себя от угрозы внезапного атомного удара, который может обезоружить их, им не будет никакой нужды накапливать такие гигантские арсеналы термоядерного оружия. Нет никакого сомнения в том, что мир станет гораздо более стабильным и жизнь будет безопаснее, чем сегодня. Благодаря такой смене политики мы сможем избавить будущие поколения от тягостного наследия — необходимости балансировать на грани гибели.

То, что мы предлагаем, не является панацеей, которая залечит все язвы нашей системы обороны. Космическая защита не будет означать, что мы должны ослабить или демонтировать установки, предназначенные для нанесения ответного атомного удара. Соединенным Штатам следует сохранить силы ответного удара, но мы сможем существенно уменьшить их численность. Советы, хотя и утратят в значительной мере возможность нанесения внезапного первого удара, все еще будут способны ответить ударом на удар. Новый подход к проблеме стратегического равновесия термоядерных сил не устранил необходимости создавать и укреплять оборонные силы обычного типа.

Мы, американцы, всегда добивались успеха на новых границах; мы должны преуспеть и на этой новой — на Верхней космической границе. Нашим детям и внукам нужны надежды и возможности, открывающиеся здесь. Для того, чтобы они могли добиться успеха, нам следует лишь быть такими же смелыми и изобретательными, как наши отцы и деды.

23 марта 1983 года президент Рейган сделал шаг в указанном направлении (хотя и менее решительный, чем того хотели бы основатели концепции Верхней границы), произнеся по телевизору свою, ныне ставшую знаменитой, речь. В этой речи он поддержал главную концепцию сдерживания врага путем создания стратегической обороны и противопоставил ее концепции сдерживания путем угрозы возмездия. Этот призыв к смене стратегии был мастерски сведен к риторическому вопросу: "Вместо того, чтобы мстить за мертвых, не лучше ли защищать живых?"

Предложения президента были немедленно окрещены его противниками "Звездными войнами", хотя он уделил им всего лишь небольшую часть своей длинной речи. (Большая часть была посвящена разъяснению военного бюджета на 1983 год.) Инициаторы движения за Верхнюю границу, хотя и ободренные словами президента, предпочли бы, чтобы вся речь была посвящена новой стратегии в том ключе, как это представлено в приведенных выше отрывках. Хотя концепция была сжата до нескольких параграфов довольно умело, неизбежные пропуски и упрощение аргументов были немедленно использованы теми, кто хотел очернить главную идею. Ее насмешливо называли "фантазией", "воздушными замками президента", сорвавшимся с языка бредом. Эти насмешки, конечно, не имели ничего общего с истиной.

Те, кто внимательно следил за политикой Рейгана, хорошо знают, как давно он был озабочен несостоятельностью и моральной двусмысленностью доктрины "взаимного гарантированного уничтожения". Еще в 1976 году он описал ситуацию в мире, сравнив ее со сценой, в которой два человека держат у виска друг друга атомный пистолет со взведенным курком, так что случайное движение указательного пальца может привести к тому, что обоим разнесет головы. Рейган считал, что можно придумать что-то получше этого. Поэтому его соратники не были удивлены, когда он с такой готовностью поддержал идею Верхней границы, возникшую как противовес доктрине МЭД.

В феврале 1980 года, в Нашуа, штат Нью-Хэмпшир, я сделал краткий доклад о возможной альтернативе теории МЭД президенту Рейгану и доктору Ричарду Аллену, который вскоре стал советником по национальной безопасности при Белом доме...

Примерно год длились дебаты между министерством обороны и инициаторами Верхней границы, в результате которых Совет начальников штабов пришел к выводу, что предлагаемая концепция не только желательна, но и осуществима. После этого Совет информировал о своих выводах президента, который после этого и решил взять новый курс в оборонной стратегии США и союзников.

Таким образом мы видим, что президент был не только отлично информирован, но и внимательно следил за ходом дебатов, шедших в правительственных кругах. Утверждение, что он высказал идею "Звездных войн" из пальца, является просто злостной сплетней.

Другая настойчиво повторяемая противниками клевета

сводилась к тому, что президент якобы с кавалерийской лихостью отбросил концепцию "сдерживания" ради концепции стратегической обороны. Подобное искажение мысли президента делалось вопреки тому, что в его речи, произнесенной 23 марта 1983 года, все было сказано вполне ясно. Президент безоговорочно поддерживал идею сдерживания, но указывал на то, что наше оружие, служившее задаче сдерживания в течение нескольких десятилетий, стало устаревшим. Только после этого он призвал к созданию системы стратегической обороны. Вот цитата из этой знаменитой мартовской речи:

Стратегия сдерживания не изменилась. Она все еще работоспособна. Изменились средства, необходимые для сдерживания. Когда у нас было неоспоримое преимущество в термоядерном оружии, требовалась одна система военного планирования. Но когда Советы создали достаточное количество точных ракет с термоядерными боеголовками, которые практически могут уничтожить все наши наземные ракеты, нам нужна другая система.

Чаще всего приходится сталкиваться с таким – невольным или намеренным – искажением смысла слов президента: он якобы призвал к созданию стопроцентно надежной, непроницаемой системы космической защиты. Ни к чему подобному он не призывал, но оппоненты ухватились за выраженную им надежду "сделать атомное оружие беспомощным и устаревшим" и объявили это программой создания *безупречной* системы обороны. Конечно, они вполне способны отличать эффектный оборот, используемый в политической речи, от точного формулирования технической задачи, но политические интересы мешают им сделать это. Ведь создание чего-то безупречного – это такая удобная мишень для атаки. Человек не в силах создать ничего абсолютно совершенного. И разница между "очень хорошее" и "безупречное" это разница между тем, что может быть создано при существующей технологии и разумных затратах, и тем, что осуществимо лишь ценой безумных затрат на решение неодолимо трудных технических проблем. Занятно, что требующие создать безупречную систему обороны никогда не требуют создания безупречных средств нападения или совершенных соглашений о контроле за вооружениями.

Другие критики речи, произнесенной 23 марта, говорят, что тема ее не была достаточно обкатана в правительственных учреж-

дениях, не прошла настоящую проверку бюрократическими инстанциями. Формально это замечание справедливо, но оно упускает главный момент. Если бы президент предложил идею изменения оборонной стратегии сначала на рассмотрение вечно враждующих отделов правительственной бюрократической машины, она была бы задушена в зародыше. Бюрократы любят проторенную колею, боятся и избегают любых перемен.

Если бы президент пошел обычным путем, то есть создал бы "комиссию для изучения вопроса", составленную из представителей разных министерств — обороны, национальной безопасности, иностранных дел, — ему почти наверняка представили бы длинный список причин, по которым перемена стратегии оказалась бы нежелательной. Хорошо известно, что и в самом Белом доме поднялось недовольное кудахтанье, как в потревоженном курятнике, когда стало известно, что президент собирается поднять этот вопрос в своей речи 23 марта.

Отклик бюрократии на эту речь — еще одно доказательство того, что она утопила бы идею СОВ (стратегической оборонной инициативы), если бы имела возможность. По распоряжению президента, министр обороны Каспер Уайнбергер назначил комиссию по изучению осуществимости идеи. В нее вошли видные представители научных и военных кругов, председателем был назначен бывший администратор НАСО, Джеймс Флетчер. Однако группа сотрудников Пентагона — и именно та группа, которая потеряла бы больше других, если бы выводы комиссии Флетчера оказались благоприятными, а именно — руководители исследовательских работ, которым пришлось бы в этом случае потесниться, — эта группа выдвинула условие убийственное для всего начинания. Она настаивала, чтобы технические решения, не обеспечивающие 99,99% надежности не рассматривались вовсе. Иными словами, любые системы, которые из 10 тысяч выпущенных боеголовок пропускали бы две боеголовки или больше, должны были быть игнорированы. Подобный критерий можно было бы для простоты сформулировать таким образом: "полная непробиваемость или ничего". И действительно, на первых стадиях задания, дававшиеся инженерам, ученым, промышленникам на разработку рекомендаций, подчеркивали, что им не следует использовать *существующую* технологию, а предлагать лишь идеи для каких-то будущих, близких к совершенству, проектов.

Заслуга доктора Флетчера состояла в том, что он уперся и отказался исследовать безнадежные варианты создания технически совершенных систем. Он хотел изучить то, что можно

было создать уже сейчас. Но все что он мог сделать свелось к тому, что бюрократы согласились на критерий 99,9% надежности (вместо 99,99). После долгих препирательств он получил разрешение опубликовать "дополнение" к своему отчету с описанием реально возможной противоракетной защиты. Не приходится удивляться, что выводы этого "дополнения" почти совпали с предположениями инициаторов Верхней границы. Удивительно другое: комиссия Флетчера пришла к заключению, что даже пугающие 99,9% надежности противоракетной защиты были достижимы.

Впоследствии, выступая перед комиссией Конгресса, бюрократы из министерства обороны говорили о проекте СОИ так пренебрежительно и негативно, что сенатор Малкольм Уоллоп (республиканец из Вайоминга) обратился к Уайнбергеру с гневным письмом. Он писал, что если работники министерства обороны могут проявлять такую неполяность к собственному министру и к главнокомандующему (т. е. президенту), то он не будет верить ни единому их слову и не станет голосовать ни за какие ассигнования на крупные оборонные проекты.

Хотя пентагонским чиновникам не удалось задушить СОИ путем выдвигания невыполнимых требований стопроцентного совершенства, им удалось, не без поддержки других правительственных учреждений, объявить противоракетную защиту чисто "исследовательской" программой. До тех пор пока СОИ оставалась на стадии "исключительно экспериментальной", она не представляла из себя опасного претендента на бюджетные ассигнования, отпущенные на уже запущенные в работу проекты. До тех пор пока СОИ оставалась лишь предметом исследовательских разработок, изменение стратегии, которое заставило бы бюрократию покинуть привычную колею, можно было заблокировать. Миллионы дорогостоящих программ, созданных для осуществления стратегии МЭД, могли катиться и дальше по проторенной дорожке.

Перемен опасались не только руководители Пентагона. Дипломатическим службам, агентству по контролю за вооружениями, комиссии по разоружению тоже было что терять.

Атмосфера, существовавшая до выдвигания СОИ, характеризовалась сильным политическим сопротивлением попыткам создания все новых и новых систем атакующего термоядерного оружия, необходимых для уравнивания советской угрозы. Многим казалось, что при такой ситуации нет иного выхода из атомного тупика, кроме успешной дипломатической

сделки с Советами. Это устраивало профессиональную гордость и, к сожалению, политические склонности многих наших дипломатов. Менее интернационалистское решение проблемы, которое бы меньше зависело от них, а больше от наших инженеров, было не по вкусу дипломатическим кругам. И это вопреки тому факту, что история американской инженерной мысли отмечена блистательными победами, а история американской дипломатии колеблется между "посредственно" и "катастрофически".

Учитывая это политическое и бюрократическое сопротивление идее стратегической обороны, представляется поразительным, что президенту Рейгану все же удалось утвердить программу СОИ. Это безусловно делает честь его мудрости. Результаты оказались ошеломительными.

В сфере международной СОИ заставила Советский Союз перейти от наступления к обороне впервые со времен кубинского ракетного кризиса. СОИ заставила их побежать обратно к столу переговоров в Женеве, но теперь с одной только задачей — остановить это начинание.

Советы начали даже поговаривать о сокращении числа баллистических ракет. Оно и понятно. Для них было бы гораздо выгоднее иметь даже вдвое меньше ракет, но при условии, что им будет обеспечен свободный полет к целям на американской территории, чем обладать учетверенным арсеналом ракет, на пути которых станет космическая защита, уничтожающая советское превосходство в числе боеголовок. Еще больше им бы хотелось, чтобы мы, американцы, оказались достаточно глупы, чтобы ответить на это тоже двойным сокращением наших сил ответного удара (а ведь наши ракеты и составляют *цели* советских ракет), чтобы Советы снова смогли пользоваться тем превосходством в стратегических силах, которое они имеют сейчас.

Отчаянное советское сопротивление программе СОИ — лучшее доказательство успеха этой идеи. Советская реакция показывает, насколько неправы были наши противники программы, то утверждавшие, что "это неосуществимо", то говорившие, что "Советы в ответ легко и дешево могут создать свою систему обороны". Советы, развивавшие свою программу "Звездных войн" уже в течение 15 лет, прекрасно знают, что нам она по силам, и что мы можем создать противоракетную защиту быстрее, чем они. Они понимают, что американцы и их союзники могут создать оборону, которая окажется эффективным противовесом их стратегии, основанной на угрозе опережающего термоядерного удара.

Хотя поначалу программа СОИ была встречена союзниками США с некоторым сомнением, вскоре она стала очень популярна в главных государствах свободного мира. В значительной мере такой прием был обеспечен тем, что разъяснительную работу вела заранее созданная группа сторонников Верхней границы в Европе и позже — в Японии. Союзники сейчас все дружнее поддерживают Соединенные Штаты в их начинании. На первых стадиях они проявляли беспокойство по поводу того, что усиление атомной стратегической обороны может привести к ослаблению американских сдерживающих сил обычного типа. Но вскоре это сменилось осознанием того, что огромные запасы советских баллистических ракет, нацеленных на их страны, представляли бы собой серьезнейшую угрозу даже в том случае, если бы они были оснащены неатомными зарядами.

Внутри страны успех программы СОИ тоже превзошел ожидания. В месяцы предшествовавшие призыву президента к созданию неатомной обороны, движение за замораживание атомного оружия разрасталось неудержимо. Казалось, оно набирало силу равную силе антивоенного движения во время вьетнамской войны и могло так же вынести своих пацифистских вождей на очень сильные в политическом отношении позиции. Профессиональные политики нервничали и подписывались под лозунгами "замораживания".

Через несколько месяцев после мартовской речи президента движение за замораживание атомного оружия почти исчезло с первых страниц журналов и газет, оттесненное дебатами "за" и "против" СОИ. Но только через год пацифистское руководство осознало, что идея Верхней границы и СОИ остановила их крестовый поход. Их последняя попытка вернуть потерянное влияние, организовав многотысячный марш за мир через всю страну, провалилась — участников оказалось очень мало и они не ушли далеко от Лос-Анджелеса, где этот шумно рекламировавшийся марш начался.

СОИ представила неразрешимую проблему для хорошо организованного и хорошо оснащенного "движения за мир". Его руководители утратили возможность претендовать на моральную правоту. Чтобы выступить против неатомной оборонной системы СОИ, они вынуждены были открыто стать на сторону альтернативной концепции — атомного равновесия страха, лежащего в сердцевине доктрины МЭД. Им пришлось делать такие, например, высказывания: "Мы должны позволить советским ракетам беспрепятственно долетать до их целей" (Шейла Тобиас, Универ-

ситет штата Айова, февраль 1986); или: "Нет никаких оснований метаться в поисках новой стратегии только по той причине, что наша нынешняя стратегия угрожает жизни миллионов невинных мужчин, женщин и детей в России" (Ричард Гарвин, Харпенс, июнь 1985).

Многие американцы, поддерживавшие до этого движение за замораживание, повидимому не осознавали, что они выступают на стороне морально сомнительной доктрины МЭД. Ужасы атомной войны (усердно расписываемые участниками движения за мир) так запугали многих, что они поверили в то, что нет выхода из дилеммы – "заморозить" или "изжариться". Но как только появилась *другая* возможность, позволявшая ускользнуть от атомных жерновов, причем даже не заботясь о том, последует Кремль нашему примеру или нет, энтузиазм и численность сторонников "атомного замораживания" пошли на убыль. И здесь-то – в политическом аспекте – и лежат корни всей борьбы вокруг этого вопроса, часто выдаваемой за простые споры о технологических возможностях и стоимости проекта.

Наконец, как и предсказывал доклад инициаторов Верхней границы, идея космической обороны оказалась мощным экономическим стимулом для Соединенных Штатов и других развитых стран свободного мира. Одна солидная фирма экономического анализа оценивает возможное возрастание экономической активности в невоенных отраслях, связанное с СОИ, в сумму, колеблющуюся между пятью и двадцатью *триллионами* долларов. Если такая оценка справедлива, то даже невероятно завышенная стоимость СОИ, которой (без всяких оснований) противники стратегической обороны запугивают слушателей, покажется весьма соблазнительной сделкой. Экономический потенциал СОИ был очень хорошо охарактеризован руководителем итальянской компании "Фиат", Джованни Анджелли. Сеньор Анджелли отметил, что президенту Рейгану удалось сделать то, что в демократических странах обычно удается сделать лишь в экстремальных условиях войны, – создать порыв к максимальному повышению индустриальной и технологической продуктивности. Он высказал это мнение в своей речи, обращенной к другим европейским промышленникам на митинге в Брюсселе в ноябре 1985 года и призвал их присоединиться к Соединенным Штатам в создании системы СОИ.

Если мы взглянем на экономическую проблему в более узком аспекте, а именно – в плане необходимости снижать оборонные расходы Соединенных Штатов, мы увидим, что и с этой

точки зрения СОВИ окажется выгодной. После принятия закона Грэма-Рудмана-Холлинкса о снижении дефицита бюджета проблемы военных расходов США снова вышли на первый план. Но здесь следует отметить ключевой момент: не так важно, сколько денег мы тратим на оборону, а то, на что мы их тратим. То есть, говоря попросту, можно уменьшить расходы и сохранить уровень обороноспособности страны на высоком уровне. Однако нам не удастся сделать это, подрезая края бюджета, натягивая тут и там расходы на создание новых видов оружия, сокращая жалование военных. Если мы всерьез хотим сократить военный бюджет, мы можем сделать это только путем изменения нашей государственной стратегии.

Наши сегодняшние расчеты базируются на исключительно наступательном варианте стратегии сдерживания, т. е. на концепции МЭД. Количество термоядерных боеголовок таким образом становится главным показателем "стратегического баланса", ибо стратегия МЭД утверждает, что сдерживающий эффект может существовать лишь в том случае, если у Соединенных Штатов будет достаточно ракет, чтобы часть их уцелела после внезапного советского удара и могла бы уничтожить большую часть Советского Союза.

Значительное возрастание военных расходов, имевшее место в последние годы, является платой за нашу приверженность доктрине МЭД. Где-то в конце 1970-х или в начале 1980-х произошло кардинальное изменение стратегического баланса. Сейчас нет смысла спорить о точной дате или о том, насколько значительна происшедшая перемена. Но сами споры на эту тему показывают, что многолетнее превосходство США в термоядерном вооружении сейчас подвергается сомнению.

Реакцией Соединенных Штатов до сих пор были мощные капиталовложения в строительство новых наступательных ядерных сил. Программы по созданию межконтинентальных ракет МХ, "Миджитмен", ICBM, подводных лодок класса "Трайден-2" с ядерными ракетами, бомбардировщика Б-1 привели к возобновлению открытых дебатов о целесообразности траты денег налогоплательщиков на наступательное ядерное оружие. Во время этих дебатов некоторые настаивали на том, что все эти программы необходимы для "сдерживания". Тем не менее в 1986 году произошло сокращение бюджета, которое обернулось тем, что у нас нет готовых к использованию ракет МХ, испытательные образцы бомбардировщика Б-1 имеют серьезные недостатки, а ракеты для подводных лодок Д-5 еще

только на стадии проектирования. И это при том, что все эти системы *необходимы* нам — необходимы, если мы будем по-прежнему придерживаться стратегии МЭД.

То, как мы прореагируем на существующую ситуацию, может оказаться самым важным решением за многие, многие годы. Вместо того, чтобы наращивать наступательное оружие, мы можем воспользоваться иной альтернативой — перейти от МЭД к новой стратегии сдерживания.

Президент, призвав к осуществлению СОИ, открыл нам путь к иной и лучшей возможности стратегии сдерживания. Как указал президент в своей речи, СОИ дает нам возможность полностью изменить нашу оборонную стратегию, перейти от полной зависимости от ядерного оружия к неядерной обороне. Такая перемена может оказаться единственным выходом из сегодняшней бюджетной ситуации.

Большинство американцев могут не заметить изменения стратегии, ибо опросы показывают, что только 25% из них знают, что сегодня мы беззащитны против советских ядерных ракет. Когда остальные 75% узнают, что мы можем создать защиту при помощи СОИ, их поддержка программе будет обеспечена.

Было бы разумно предположить, что большинство американцев, и в особенности те 75%, которые только что узнают, что у нас нет защиты против советской атаки, согласились бы на пятипроцентное увеличение военного бюджета. Но для создания СОИ нет нужды увеличивать военный бюджет. В действительности возникнет возможность даже *сокращать* бюджет по мере того, как противоракетная защита будет вводиться в действие. Произойдет это потому, что можно будет отказаться от многих дорогостоящих программ, созданных исключительно для укрепления нашей возможности "сдерживания угрозой возмездия".

Например, администрация президента Картера предложила создание новой группы ракет МХ, которая обошлась бы в 60 или 80 миллиардов долларов (примерно по 350 миллионов долларов за каждую ракету). Позже администрация Рейгана предложила добавить еще сотню, общей стоимостью 36 миллиардов. Большая часть расходов приходилась на строительство укрытий для ракет, *необходимых потому, что у нас не было защиты от советских ракет!*

И цена продолжает расти. Сегодня стоимость ракеты с делятью боеголовками достигает 300 миллионов. И даже за эту непомерную цену мы готовы отпускать средства из бюджета на их строительство. Эта и другие программы Министерства обороны

могут быть без ущерба сокращены или отменены, если мы примем решение создать космическую защиту. Короче, стратегическая оборона не только более эффективна как сдерживающий фактор; она также дешевле, чем наступательные системы, не имеющие реальной защиты.

Вдобавок результативная защита даст нам вскоре возможность сократить наши наступательные силы. Мы сохраняем 1000 ракет класса Минитмен, потому что доктрина МЭД утверждает, что мы должны оставить наши ракеты, так же как нашу страну и народ, беззащитными против советской атаки, но при этом иметь возможность пережить первый внезапный удар. Эти ракеты легко могут быть уничтожены тяжелыми и очень точными советскими Ай-Си-Би-Эм. Чтобы компенсировать это, мы строим другие ракеты в огромных количествах, исходя из теории, что чем больше их у нас будет, тем выше шанс, что сколько-то из них уцелеют и нанесут ответный удар. (Если верить некоторым исследователям, число уцелевших будет невелико!). Стратегическая же оборона, с одной стороны, уменьшит уязвимость наших ракет и позволит сократить их число, а с другой — повысит вероятность того, что уцелеет гораздо больше ракет для ответного удара.

Сколько же будет стоить подобная система обороны? Конечно, оборонные спутники, которые составят космический щит, будут недешевы. Цена спутников, которые сейчас вращаются вокруг земного шара, колеблется от 50 до 250 миллионов долларов, в зависимости от сложности их аппаратуры и удаленности орбиты от Земли. Но все эти спутники создавались по индивидуальным проектам. Редки случаи, когда мы строили три спутника одной модели. Представим теперь, что нам предстоит запустить 500 спутников одинаковой модели. Можно быть уверенным, что стоимость их снизится во много раз. Допустим, что каждый обойдется в 40 миллионов долларов. Это будет означать, что на запуск оборонных спутников нам понадобится 20 миллиардов. Конечно, сумма эта нешуточна даже для правительства Соединенных Штатов, но она намного ниже тех астрономических цифр, которые называют критики программы СОИ.

Если каждый 40-миллионный спутник сможет сбить хотя бы одну 350-миллионную ракету, соотношение получится неплохим. Но нет сомнения в том, что каждый спутник будет спроектирован таким образом, чтобы он мог уничтожить несколько ракет или боеголовок.

Именно поэтому ошибочным является утверждение, что Советы просто пробьют космическую защиту большим количеством ракет. Мы сможем гораздо быстрее вводить в строй дополнительные противоракетные спутники и это будет стоить нам намного дешевле. Конечно, в теории, противник может преодолеть нашу линию стратегической обороны. Но чтобы решиться на это, он должен будет прежде всего взвесить — не проще ли и не дешевле ли ему будет усилить собственную оборону, нежели наращивать наступательные силы? Стратегическая оборона выигрывает это важнейшее сражение — сражение цен. Но если бы даже оказалось, что дешевле запустить ракету, чем сбить ее, как насчет стоимости целей, которые будут разрушены, если мы не перехватим ракету? Наверное, Канзас-Сити чего-нибудь да стоит!

Верхняя граница выгодна как стратегическое решение, но дело еще и в том, что мы должны следовать этой стратегии любой ценой. Будущее наших детей, внуков и правнуков зависит от этого.

Космос это будущее. Мы можем либо использовать его для собственной безопасности и для процветания свободного мира, либо уступить его Советам — а вместе с ним и свободу нашего народа.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Тот, кто не помнит прошлого, обречен повторять его.

Джордж Сантаяна

В марте 1983 года президент Рейган повернул Соединенные Штаты на новый курс, призвав нас к восстановлению реальной государственной обороны. Он призвал лучшие научные и инженерные умы Америки и всего свободного мира справиться с грандиозной задачей — обеспечить наши народы космическим щитом, способным противостоять нависшей угрозе атомной войны. С этого момента и с момента первого издания этой небольшой книги мы сделали свидетелями расцвета надежды на то, что термоядерную катастрофу можно предотвратить, прилагая наш собственный труд, а не пытаясь умиротворить наших тоталитарных врагов. Появилась надежда, что мы сможем избежать трагического повторения истории.

Взяв на вооружение стратегическую оборонную инициативу, Соединенные Штаты — лидер противостояния мощному коммунистическому блоку — следуют примеру Великобритании, которая в прошлом возглавила оппозицию нацизму. При власти прежнего президента гнилой запах замирения, пацифизма, самобичевания и измены нашим принципам полз над страной. Президент Картер называл это "недомоганием". Страусовый отказ видеть реальность ставил под угрозу существование свободных стран в мире. Безрассудный ужас перед войной приближал нас все ближе к войне, в то время как решения, направленные на ослабление Соединенных Штатов, только провоцировали иностранную агрессию. Многие американские интеллектуалы и политики повторяли вопли интеллектуалов и политиков, раздвавшихся в Великобритании перед второй мировой войной: "Мир сегодня — любой ценой!" К сожалению, многие повторяют это и в наши дни.

Как история, так и природа дают нам однозначный урок: агрессоры не нападают на тех, кто способен и готов защищать себя. Швейцария жила без войны столетия, потому что была мирной, но не пацифистской страной. Каждый швейцарец в возрасте от 18 до 55 лет всегда готов поднять оружие на защиту своей страны. Слабость и пацифизм — вот что ведет к войне. Политика

умиротворения и разоружения, доминировавшая в Америке, только приближала нас к третьей мировой войне, точно так же, как такая же политика Англии и Франции подтолкнула Гитлера начать вторую мировую войну.

Телевизионный фильм 1983 года "Черчилль, годы исканий" красочно изобразил самообман Невилля Чемберлена, Стэнли Болдуина и лорда Галлифакса – британских лидеров в 1930-е годы, нацеленных на политику умиротворения. Эти люди брели по дороге, ведущей к второй мировой войне, используя точно ту же самую аргументацию, какую используют современные пацифисты. Они не обращали внимания ни на предупреждения Черчилля, ни на требования большинства англичан, настаивавших на необходимости укреплять оборону.

Когда Черчилль предупреждал, что Гитлер собирается завоевать мир, миротворцы только издевались над ним. Они называли его "чудовищем войны" и "милитаристом". Трудно в это поверить, но британские политики были убеждены, что с Гитлером можно достичь соглашения, по которому мир будет поделен между Великобританией и Германией. Это подразумевало отнятие африканских колоний у других стран, например, у Португалии и передачу их Гитлеру. Миротворцы во всем оправдывали нацистскую Германию, пили шампанское с нацистскими вождями и изо всех сил старались затушевать сообщения о варварстве нацистов.

Когда Черчилль и военное командование потребовали восстановления британской обороноспособности, Болдуин и Чемберлен выступили против, заявляя, что подобная деятельность будет "провокационной и дестабилизирующей", что "возрастание оборонных расходов нанесет ущерб программам социального обеспечения" и что небольшой отряд британских бомбардировщиков дальнего действия является "достаточной сдерживающей силой". Когда английское общественное мнение требовало уделить больше внимания обороне, Болдуин и Чемберлен в своих речах давали соответствующие обещания, но на деле тормозили усиление вооруженных сил.

Британские правители 1930-х были, кроме всего прочего, преданными сторонниками контроля за вооружениями, не желавшими видеть, что контроль этот не достигает цели. Главным соглашением тех дней был Лондонский договор о военно-морских силах, перечислявший, по скольку военных кораблей могут иметь главные державы. Болдуину и Чемберлену больше всего нравилось в этом договоре то, что он давал им основание пустить

на слом устаревшие корабли британского флота и при этом не строить новых.

Трудно поверить в те нелепости, до которых доходило английское правительство в своей страсти к контролю за вооружениями. Например, в середине 1930-х британская военно-морская разведка обнаружила, что на верфи в Германии строится линкор "Бисмарк", и доложила об этом правительству Болдуина. Водоизмещение этого линкора явно превосходило предел, допускавшийся Лондонским договором, но "миротворцы" ни за что не хотели признать это. Офицеров-разведчиков подвергли детальному допросу, и они сказали, что видели только верхнюю часть "Бисмарка", а нижнюю не видели. Тогда их спросили, будет ли тоннаж этого линкора нарушать соглашение, если окажется, что он имеет плоское днище. Офицеры вынуждены были признать, что нет, не будет. После этого правительство Болдуина заявило, что "Бисмарк" не является нарушением договора и что всякий должен только радоваться видя, как строго Германия соблюдает условия и даже строит большой линкор с плоским днищем. "Бисмарк", говорили они, очевидно спроектирован таким образом, чтобы иметь возможность пройти через Кильский канал в Балтийское море, где он будет использован против Советского Союза — только не против Великобритании. Позднее тысячи английских моряков погибли в бою с крупнейшим линкором мира — "Бисмарком".

Даже в 1937 году, когда массовое наращивание вооружений нацистской Германией было налицо, Чемберлен продолжал утверждать, что с Гитлером можно достичь соглашения о контроле и что такое соглашение предотвратит войну.

Предвоенная Англия была пронизана пацифизмом. Большое число молодых людей присоединилось к Оксфордскому движению, которое требовало от своих членов принести клятвенное обещание никогда, ни при каких обстоятельствах не брать в руки оружие для защиты своей страны. Эта крайняя форма пацифизма быстро перекинулась в Соединенные Штаты.

Пацифисты терроризировали английское население картинами "конца мира", неизбежного при любой будущей войне. Орудиями предсказываемого разрушения жизни на земле были в те годы, конечно, не атомные бомбы, а химическое и биологическое оружие. Ужасы этого апокалипсиса расписывались в фильмах и спектаклях, в памфлетах и радиопередачах, даже делались сюжетами картин и литературных произведений.

Не нужно быть историком, чтобы заметить опасное сходство

между предвоенной Англией и Америкой недавних лет. Перед лицом силы, еще более открыто заявляющей о своем намерении покорить мир, американские политики и интеллектуалы размахивали теми же аргументами и проводили ту же политику, которая спровоцировала агрессора нанести удар по Великобритании в 1939 году.

Тот факт, что вторая мировая война и гибель 41 миллиона человек могли быть предотвращены, если бы западные демократии своевременно прислушались к Черчиллю, представляется поистине трагическим. Немецкий генеральный штаб был готов сбросить Гитлера, если бы Великобритания и Франция показали малейшие признаки стойкости перед лицом нацистской агрессии. Вместо этого они демонстрировали тупую готовность верить будущее своих стран клочку бумаги, подписанному вождем Третьего рейха. Особенно в момент подписания позорного Мюнхенского соглашения они убедили тирана да и весь немецкий народ, что нацистскому фюреру будет позволено беспрепятственно достичь осуществления его грандиозных замыслов.

Хотя Черчилля и игнорировали, его настойчивость обеспечила тот минимум военной готовности, который позволил Великобритании уйти от поражения, когда "миротворцы" в конце концов ввергли ее в войну.

Мы также двигались в сторону третьей мировой войны под старым и знакомым лозунгом: "Мир сегодня". Нам следует отказаться от этого пути и укреплять оборону нашей страны. Быстрое создание космического щита необходимо для нашего выживания.

ЗАДАЧА

Когда политиков из обеих главных партий рассматривают под углом их отношения к национальной безопасности, тех, кто ясно видит существующую военную угрозу со стороны левых тоталитаризмов, возглавляемых агрессивным Советским Союзом, называют "консерваторами". В республиканской партии это просто "консерваторы"; в демократической их именуют "нео-консерваторами".

В обеих партиях им противостоят политики, которые повторяют аргументы, использовавшиеся в 1930-х Чемберленом и Болдуином против Черчилля. Такая точка зрения называется "либеральной", хотя по сути она призывает к терпимости и умасливанью в отношении к самым безжалостным режимам.

Водораздел между "черчиллеанцами" и "чемберленианцами" в американской политике есть водораздел между реалистами и прекраснодушными мечтателями. Пропасть отделяет тех, кто готов поставить будущее Америки в зависимость от честности Советов, от тех, кто никогда не пойдет на это. В то время как идея "мир путем доверия" доминирует среди наших интеллектуалов, "мир путем силы" пользуется массовой поддержкой среднего американца. Лучшим доказательством этого является полный провал Джорджа Мак-Говерна в 1976 году, крах "голубиных" сенаторов и конгрессменов на выборах в 1978 и 1980 и широчайшая поддержка твердой позиции, занятой Рейганом.

Средний американец вовсе не является простодушным ура-патриотом, когда он восстает против политики слабости, проповедуемой левыми, и когда игнорирует антиоборонные тирады журналистов. Он мудро отказывается присоединять свой голос к тем решениям в области национальной безопасности, при которых от него требуют доверять Советскому Союзу. Его можно одуричь ненадолго планами разоружения и "ядерного замораживания", но как только он замечает, что все это будет держаться на необходимости доверять Кремлю, он начинает пятиться.

Для рекламирования своих политических рецептов — рецептов, целиком зависящих от сотрудничества Советов, — левые ораторы должны убедить слушателей, что Советскому Союзу можно доверять. Они должны, следовательно, изо всех сил

стремиться к созданию "климата доверия". Для этого необходимо все время находить оправдание действиям СССР. Нужно прятать от общественного сознания такие преступления коммунистического тотализма, как геноцид в Камбодже, трагедию "лодочного народа" во Вьетнаме, "желтый дождь" отравляющих веществ, обрушиваемый на беззащитных людей, подавление Польши и вторжение в Афганистан, сбитие гражданских самолетов и преднамеренное уничтожение 40 миллионов советских граждан, или давать им подходящие объяснения, чтобы они не вредили "климату доверия". Неустанное наращивание Советами арсеналов наступательного термоядерного оружия нужно игнорировать или истолковывать как защитную реакцию на коварство Соединенных Штатов — особенно тех "воинствующих" американцев, которые выступают в поддержку усиления обороноспособности. Таким образом наиболее рьяные адвокаты контроля за вооружениями и атомного замораживания становятся неумолимыми защитниками самых безжалостных тоталитаристов и поджигателей войны известных новейшей истории и постоянными критиками Соединенных Штатов и их политики.

Естественно, такие взгляды вызывают поддержку и аплодисменты Кремля. Если бы среди русских возникло движение, которое всегда бы изображало Соединенные Штаты в наилучшем свете и осуждало бы советский режим, разве мы не поддерживали бы его? Тем не менее, защитники ядерного замораживания начинают вопить "маккартизм!", как только кто-нибудь замечает, что они пользуются всесторонней поддержкой Советского Союза. Они никогда не признают того факта, что Советский Союз с готовностью признает свое активное участие в западных пацифистских движениях, но безжалостно подавляет подобные выступления в собственной империи.

Мы говорим здесь о руководстве движений за разоружение и ядерное замораживание, а не о рядовых американцах. Многие американцы, терроризированные сильно преувеличенными ужасами ядерного разрушения и гибели, в отчаянии начали поддерживать левых пацифистов. И этот феномен вырастает не из одной только наивности.

В значительной мере эмоциональное напряжение наших дней, связанное с термоядерным оружием, вырастает из непродуманного решения предыдущего поколения не создавать оборонных систем вовсе. Пришло время переоценки этого устаревшего решения в свете многих научно-технических достижений

и других перемен, происшедших с того времени.

Отказаться от всех имевшихся элементов стратегической обороны и махнуть рукой на создание новых — а именно это мы и делали в течение последних двадцати лет — было ничем иным как глупостью. Советское руководство никогда бы не позволило себе совершить подобную ошибку и никогда ее не совершило. Нам следует как можно скорее поставить во главу угла создание лучших антиракетных систем, какие только возможны на базе современной науки, ибо потенциальная отдача этих усилий должна быть очень значительной.

Если мы станем на этот путь, успех поможет укрепить мужество и решительность Запада, а также облегчит нам переговоры с Советами по ядерным вопросам. Другими положительными результатами будут:

а) рассеются мифы и взгляды, которые делали все предыдущее поколение слепым к очевидным фактам;

б) мы сможем трезво оценить, что может дать разумно применяемая современная технология в плане обороны;

в) наконец, осознание психологических и политических выгод, таящихся в антиракетной оборонной системе, само по себе наполнит нас надеждой и уверенностью.

Все это позволит нам вырваться из зависимости от сбалансированного страха, построенного на картинах неопишуемого разрушения всего и всех, — а ведь ничего, кроме этого страха, наша упорная сосредоточенность на наступательных системах не может нам предложить.

Может быть, наиболее опасной ошибкой за последние двадцать лет была наша неспособность оценить главную выгоду оборонных систем в термоядерный век, а именно: разрушение уверенности агрессора в том, что планы термоядерной атаки приведут к успеху. Если агрессору предстоит сначала пробиться сквозь оборонную систему, он не может предвидеть, сколько его ракет достигнет цели и где они взорвутся. Он не сможет предугадать результатов своей ядерной атаки и, следовательно, не сможет позволить себе идти на риск, когда шансы на провал так велики. Таким образом, оборона оказывается незаменимой для целей долговременного сдерживания.

В течение жизни предыдущего поколения мы не сумели оценить катастрофические психологические последствия ситуации, при которой наша страна и весь Западный мир оказывались абсолютно беззащитными перед ядерной атакой. Человеческий ум не сможет дольше выносить подобную меру безна-

дежности. Естественная самозащитная реакция заставит его обратиться к самообману и отрицанию реальности, чтобы крохи надежды могли занять место отчаяния. Когда чувство безнадежности соединяется с тем ужасом, который охватывает многих при одной мысли о возможности термоядерного конфликта, политические последствия оказываются непредсказуемыми. Отсюда все эти многочисленные антиядерные предложения и движения, столь обильно представленные сегодня в Европе и Америке, которые так на руку Советам.

Если бы народ нашей страны и наши союзники были защищены от термоядерной атаки, страх больше не толкал бы их выступать в поддержку непродуманных предложений, основанных на смешной надежде на то, что советских людей обуревают те же страхи. Было бы непростительной ошибкой сейчас бездумно хвататься за дорогостоящее латание старой стратегии, не проведя трезвого анализа существующих альтернатив. Техническая осуществимость такой альтернативной стратегии возрастает и, в значительной мере, она будет базироваться на нынешнем превосходстве Соединенных Штатов в космической технике. Подход двух предыдущих десятилетий должен быть отброшен, иначе мы упустим огромные стратегические возможности, заложенные в нашей непревзойденной технике.

В нашем обществе глубоко укоренилось представление о том, будто у свободных народов есть только две возможности: либо приспособление к тоталитаристам, правящим в СССР, либо катастрофа термоядерной войны. Появление водородной бомбы, с ее ужасной разрушительной силой, дало мощный толчок пацифистским эмоциям, которые всегда находили отклик на Западе. Страх перед ядерным оружием сделался мощным и *абсолютно необходимым* союзником большой коалиции левонастроенных радикалов, утопических энтузиастов всемирного единства и религиозных групп, осуждающих все усилия других людей, направленные на защиту свободных стран.

Массированная и эффективная кампания по внедрению термоядерного страха в наше общество на всех его уровнях сделалась отличительной чертой этой хорошо финансируемой и хорошо организованной группы. Ее конечной политической целью является доведение американского общества, запуганного термоядерным оружием, до такого состояния, при котором желание избежать уничтожения станет сильнее естественного отвращения к коммунистической агрессии и тирании. Мы видим концентрированные усилия наполнить термоядерным страхом

умы наших детей путем пропаганды в школах, как государственных, так и частных. Дети буквально оказались объектом массовой кампании запугивания. Их учат, что в будущем для них есть лишь один выбор: приспособляться к Советскому Союзу, если они не хотят, чтобы глаза их были выжжены термоядерными взрывами. И еще их учат, что советское правительство вовсе не "носитель зла", как сказал их президент, а ничем не хуже нашего собственного правительства. "Конечно, советское правительство далеко от совершенства, но ведь и наше – тоже. Кроме всего прочего, был Вьетнам".

Можно легко убедиться в эффективности этой кампании. Когда окажетесь в группе молодых людей, попробуйте спросить их, какое из двух утверждений является верным: 1) Советский Союз вступил во Вторую мировую войну на стороне союзников; 2) Советский Союз вступил во Вторую мировую войну как союзник Адольфа Гитлера и нацистской Германии. Значительное большинство ответит неверно.

Опасность этой пропаганды таится не только в том, что наша молодежь получает искаженное представление об истории. Дело еще и в том, что ей предлагают будущее, лишенное как надежды, так и воли к свершениям. Либо погибни в термоядерной катастрофе, либо восстань против ценностей и установлений твоих родителей и Соединенных Штатов в целом, чтобы принудить их приспособиться к тоталитаризму. Поистине небогатый выбор. Немудрено, что многие молодые люди ищут сиюминутных удовольствий, вместо того чтобы готовить себя к будущей жизни. Неудивительно и то, что, столкнувшись с реальной, с незапамятных времен существующей болью взросления, кое-кто впадает в полное отчаяние, а то и прибегает к самоубийству.

В космосе спрятан ключ к безопасности от агрессии. В космосе спрятан ключ к сохранению свободы и частного предпринимательства. И в космосе спрятан ключ к достижениям, которые принесут неопределимую пользу всему человечеству. Здесь таится надежда и здесь же поле деятельности для молодых американцев и молодежи всего свободного мира. Если мы дадим им возможность приложить свои силы, они поразят нас своими свершениями.

Нет нехватки таланта и мужества у нашей молодежи – надо только дать им надежду и поле деятельности, на котором можно показать себя. И мы можем это сделать.

Г л а в а 4

ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ

Никакое праведное возмущение не заменит
правильных действий.

Отто фон Бисмарк

Трезвомыслящие американцы обеих партий, независимо от их социальной принадлежности, решительно высказывались против опасного перевеса военной мощи Советской империи над силами западных союзников. Праведное возмущение заполняло эфир, и было оно вполне обоснованным. Советский Союз, обретающий все большую уверенность благодаря своему возрастающему военному превосходству, подавляет поляков, вторгается в Афганистан, нарушает договоры, силой устанавливает коммунистические режимы у нас под боком — в Центральной Америке. Растущий арсенал баллистических ракет высокой точности представляет собой угрозу существованию нашей нации. Поистине, для праведного возмущения есть все основания.

Но слова Бисмарка остаются в той же степени справедливыми сегодня, в какой они были, когда он произнес их. Американский народ нуждается в чем-то большем, чем просто возмущение. Мы должны выработать программу действий, которая исправит возникшую ситуацию. Эта программа должна быть понятной нам самим, нашим согражданам-американцам и свободным людям во всем мире. Мы должны предложить план, который обеспечит безопасность Соединенных Штатов, который не будет зависеть от советского сотрудничества и который поймут и поддержат все простые американцы.

Вот для чего была создана концепция Верхней границы.

Верхняя граница представляет собой новую, продуманную стратегию для Соединенных Штатов, предложенную американскому руководству в 1982 году. В ней разрабатываются не только проблемы обороны, но также экономические, политические и моральные цели, стоящие перед нашей страной. Если стратегия Верхней границы будет принята на вооружение, она должна привести к следующим результатам:

1. Заменить провалившуюся и этически неудовлетворительную доктрину "взаимного гарантированного уничтожения" (МЭД) стратегией *гарантированного выживания*.

2. Эффективно снизить уязвимость Соединенных Штатов, лишив Советы возможности нанести первыми термоядерный удар, — и это не производя ни единой новой водородной бомбы.

3. Защитить Соединенные Штаты и наших союзников против случайной атаки или нападения какого-нибудь фанатика из Третьего мира — задача абсолютно невыполнимая *без* создания стратегической обороны.

4. Создать надежную и эффективную систему сдерживания, которая будет предохранять США и наших союзников от атомной войны сама по себе, а не путем угрозы уничтожения мирного советского населения.

5. Стимулировать стремительное развитие тех отраслей американской экономики, которые связаны со сложной современной техникой.

6. Дать положительные и манящие цели американской молодежи, возродить за рубежом уважение к американскому руководству и нашей способности добиваться успеха.

7. Достигнуть всего вышеперечисленного, не возлагая на налогоплательщика дополнительного бремени, то есть за цену гораздо более низкую, чем цена любых других способов противостояния советской угрозе.

8. И все это — *независимо от того, будут Советы сотрудничать с нами или нет.*

Таков вкратце перечень задач, выдвигаемых стратегической концепцией Верхней границы. Конечно, этот список может вызвать скептическую усмешку и справедливый вопрос: "Если все эти замечательные результаты достижимы, почему же Верхняя граница не сделалась до сих пор национальной политикой?" Ответ на этот вопрос будет невеселым, но простым: потому что концепция Верхней границы столкнулась с мощным бюрократическим и идеологическим сопротивлением, вырастающим, во-первых, из стремления продолжать тенденции провалившейся и аморальной доктрины МЭД, а во-вторых, из того тугого клубка правил, запретов и циркуляров, который стал неотъемлемой чертой применения новейшей техники в американских государственных организациях.

Группа ученых, инженеров и экономистов, разрабатывавшая концепцию Верхней границы, выяснила, что превосходство американской техники может быть наилучшим образом использовано, если применить многослойную систему стратегической защиты против внезапного советского удара. К нашему удив-

лению, мы обнаружили, что эффективную оборонительную систему можно создать за пять-шесть лет, используя уже имеющуюся технологию, и что техника, находящаяся сейчас в стадии разработки, даст возможность значительно усилить первый слой стратегической обороны в течение десяти-двенадцати лет. Вдобавок к этому, мы выяснили, что имеются относительно недорогие и легко осуществимые способы защиты наших ракетных пусковых площадок и прочих имеющихся средств сдерживания противника, которые могут базироваться на земле. Их можно было бы использовать в период создания космической системы обороны. Причем ни та, ни другая системы не требуют применения атомного оружия. Не нужны для них и лазеры или другие установки лучевого действия, хотя в будущем такое оружие может занять видное место в космической обороне, создаваемой на втором этапе (десять-двенадцать лет).

С самого начала концепция Верхней границы выделила то, что должно быть осуществлено в первую очередь, чтобы достижение поставленных стратегических задач оказалось возможным. Для демонстрации осуществимости намеченного мы выбрали из множества имеющихся возможностей четыре военные и четыре гражданские программы, предложенные космическими фирмами или независимыми инженерами, — программы, способные выдержать критическую проверку с точки зрения технологии, стоимости, сроков. На этом этапе возникла оппозиционная группа среди инициаторов Верхней границы. Некоторые из нас считали, что любая конкретная программа подвергнется немедленной атаке наших противников, которые таким образом получают возможность не обсуждать главные положения концепции Верхней границы. Большинство соглашалось, что такая опасность существует, но все же считало, что без включения в нашу программу конкретных технических проектов вся идея будет просто игнорирована и отправлена пылиться на полку рядом с другими "стратегическими прожектками".

Пессимисты оказались частично правы. Первая же яростная атака наших противников была направлена на одну из восьми предложенных программ — на первый слой космической обороны, так называемый ГОБР-1 (глобальная оборона против баллистических ракет № 1). Другие военные программы встретили слабое сопротивление, а гражданские — почти никакого.

Раскритикованная программа, ГОБР-1, предлагала запустить на орбиту большое число спутников (а именно 432), каждый из которых будет оснащен сорока или пятьюдесятью

малыми ракетами, способными перехватить до 80% советских ракет дальнего радиуса действия на начальных участках траектории. Для создания этой системы использовалась исключительно технология, имеющаяся в наличии, и завершена она могла быть в течение пяти-шести лет. Стоимость — 60 миллиардов. Конечно, мы предлагали лишь примерную разработку, а не законченный инженерный проект. Критика, обрушенная на ГОБР-1, варьировалась от безжалостной до разумной.

Прежде всего эта система была объявлена "пренебрегающей законами физики" и стоящей (в перспективе) около 400 миллиардов. Подобные выражения использовались, чтобы поставить под сомнение компетентность и даже добросовестность нашей группы. Эти возражения исходили главным образом от бюрократов, этих неизменных защитников проторенных путей, и опровергнуть их не составляло труда.

К середине 1982 года атаки на концепцию Верхней границы стали ослабевать, потому что слишком многие авторитеты в мире техники подтвердили инженерную осуществимость наших предложений. Главным сторонником выступила компания Боинг, которая, без нашего ведома, передала нашу программу для анализа своим лучшим инженерам, и они нашли ее выполнимой, хотя и возражали по некоторым деталям.

В течение 1982 года группа Верхней границы тратила большую часть своего времени на отстаивание осуществимости предложенных оборонных систем, доказывала, что затраты будут в пределах допустимого и что ввод в строй займет не больше десяти лет. На этом этапе ответственным членам правительства следовало бы вспомнить недавнюю историю.

В 1956 году президент Эйзенхауер выслушал доклад военно-морского командования о смелом проекте, способном необычайно усилить сдерживающие возможности Соединенных Штатов. Дерзкие авторы проекта считали, что нам по силам построить очень большую подводную лодку, использующую атомное топливо и способную запускать ракеты из-под воды. Они утверждали, что современные навигационные приборы дадут лодке возможность точно определять свое положение, а значит и возможность поразить с большой точностью цели на территории Советского Союза. Эйзенхауер разглядел огромные стратегические возможности, заложенные в таком корабле, и, несмотря на множество технологических неясностей, приказал приступить к постройке его. Среди флотских офицеров в те дни господствовало мнение, что такую систему строить не следует, потому

что она окажется неработоспособной. Тем не менее, четыре года спустя первые подводные лодки класса Поларис вышли в море.

В 1959 году, на самой заре космической эры, президент Эйзенхауер осознал огромные преимущества использования нашей передовой технологии для защиты от советских баллистических ракет. Он приказал Пентагону срочно провести многосторонние исследования, чтобы определить оборонные возможности в этом направлении. И это произошло в то время, когда ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты еще не изготовили ни одной межконтинентальной ракеты.

Тревожные вопросы возникают в связи с этим историческим эпизодом. Как могло случиться, что в те времена президент Эйзенхауер мог приказать строить подводные лодки Поларис — проект, включавший в себя множество технических неясностей, — и услышать от военно-морского командования "слушаюсь, сэр", а затем увидеть успешное выполнение приказа через четыре года? Как удалось президенту Кеннеди несколькими годами позже отдать приказ о запуске человека на Луну — проект еще более проблематичный с технической точки зрения — и получить успешные результаты через семь лет? И каким образом в наши дни система глобальной обороны против баллистических ракет (ГОВР-1), предложенная группой Верхней границы, может подвергаться такой уничтожающей критике на почве технических трудностей, стоимости, сроков? Разве Соединенные Штаты за последние 20 лет сделались технически отсталыми? И как могло случиться, что инициатива Верхней границы исходит не из правительственных организаций, а от частных лиц, не зависящих от кругов продавцов и покупателей военного оборудования?

Дело в том, что в 1960-е годы министр обороны Роберт Макнамара ввел новый принцип разработки военной техники, так называемый "подход без риска". Он отличался от подхода времен Эйзенхауера тем, что требовал от поставщиков доказать, что у них уже имеется на руках вся необходимая технология, прежде чем им будет позволено запрашивать фонды на разработку и создание новых систем.

Хотя на первый взгляд такой подход казался логичным, ибо он снижал риск дорогостоящих провалов и завышения цен, на самом деле он не только добавлял годы к длительности производства новых систем, но также обрекал их на то, что они будут устаревшими уже в самый момент ввода их в строй. Почему? Да потому что проектирование и создание займут года три-четыре, и ясно, что никакая новая технология, возникающая

за этот период, не будет использована в новой системе, разве что добавлена впоследствии в процессе переоборудования. Так что вместо экономии денег, эта политика приводила только к резкому удорожанию.

На новые виды оружия стали смотреть как на что-то нежелательное, потому что после их появления имеющееся оружие начинало выглядеть устаревшим и возникала нужда в новых расходах на оборону. Хотя вслух никто бы в этом не признался, оглядываясь назад, мы видим, что такая политика создавала атмосферу, при которой создание новых систем оружия тормозилось или даже останавливалось. Производство многих обещавших видов было прекращено.

Суммарный эффект принесения нашего технологического приоритета в жертву на алтарь контроля за вооружениями и бюрократического протекционизма выразился в том, что Советы смогли не только догнать Соединенные Штаты в нескольких важнейших областях, таких как стратегические ракеты, но также взять достаточный разгон, чтобы выйти вперед. Вместо того чтобы остановиться на точке равновесия, как надеялись наивные политики 1960-х, Советы воспользовались американским замедлением в разработке и создании новых видов оружия, чтобы повернуть стратегический баланс в свою пользу.

Сейчас было бы слишком поздно и слишком дорого восстанавливать равновесие, пытаясь догнать ушедшего вперед противника и следуя при этом доктрине МЭД, то есть наращивая арсенал наступательного оружия. Единственный путь для Америки восстановить приблизительное равновесие за приемлемую цену состоит в принятии стратегии Верхней границы, предложенной в 1982 году и ставшей осуществимой благодаря нашему технологическому превосходству.

Мало кто замечает, что стратегия МЭД полностью зависит от контроля за вооружениями. Вся концепция базируется на соглашениях, при которых обе стороны обязуются сохранять равные заряды страха друг для друга. Без точной договоренности с Советами, сколько ядерных зарядов и какого типа позволено иметь каждой стороне, тенденция добавлять все новые и более совершенные виды наступательного оружия оказывается непреодолимой. МЭД без договоров ОСВ толкает обоих участников наращивать свои арсеналы, потому что каждый зависит от того небольшого числа ракет, которые смогут уцелеть после первого удара. И число это все понижается по мере технического улучшения наступательного оружия. Таким образом

общее количество оружия должно постоянно возрастать, чтобы была гарантирована какая-то часть, которой удастся уцелеть. В буквальном смысле новые и новые партии оружия изготавлиются для того лишь, чтобы быть уничтоженными первым ударом противника.

МЭД тесно связана с двумя составляющими: с отказом от стратегической обороны и со всем комплексом договоров ОСВ. Уберите что-нибудь одно, и вся доктрина рухнет. Отсюда вырастает парадоксальный негласный союз между горячими сторонниками контроля за вооружениями и энтузиастами наступательной стратегии. Поклонникам ядерного замораживания и одностороннего разоружения представляется весьма выгодным поддерживать МЭД, потому что эта доктрина требует оставлять американский народ беззащитным перед лицом атомной катастрофы. До тех пор пока их лозунг "Защиты нет!" соответствует реальности, они могут заманивать испуганных людей в свои политические сети. Энтузиасты наступательного оружия поддерживают МЭД по диаметрально противоположным причинам, опасаясь, что эффективная стратегическая оборона отнимет у них часть средств из военного бюджета. Это напоминает те времена, когда "сухой закон" отстаивали как бутлегеры, так и члены союза "Христианки за трезвость". Обе группы поддерживали запрещение винной торговли, но по совершенно разным причинам: бутлегеры хотели наживаться на продаже спиртного, а "Христианки" хотели покончить с пьянством путем законодательных постановлений.

В действительности, несмотря на 15 лет следования стратегии МЭД, она была обречена на провал с самого начала. Единственным ее шансом на успех была бы ситуация, при которой Советы приняли бы на вооружение ту же доктрину. Но они этого не сделали. Они окрестили ее "буржуазной наивностью" — что было справедливо — и во всю занялись подготовкой к победной атомной войне. Они не отбросили идею стратегической обороны. На каждый рубль, истраченный ими на наступательное оружие, приходился рубль, истраченный на оборонные системы. В отличие от них Соединенные Штаты тратили только один доллар на оборону там, где на наступательное оружие тратилось 10 000 долларов. Советские не связывали свою позицию на переговорах СОЛГ с доктриной МЭД, как это делали мы, но вместо этого внимательно следили, чтобы пункты договора не препятствовали достижению ими победного превосходства.

Наша привязанность к МЭД создала гротескную и опасно

нестабильную ситуацию, напоминающую сцену из классического вестерна, когда два человека стоят друг перед другом посреди главной улицы и каждый ждет, когда другой потянется за своим шестизарядным атомным пистолетом, отдавая себе отчет в том, что шансов уцелеть гораздо больше у того, кто выхватит пистолет первым. Плохо еще и то, что советский стрелок стоит наполовину прикрытый системой своей стратегической обороны, в то время как американский никакого прикрытия не имеет.

Диковинная доктрина МЭД, наличие которой время от времени отрицается нашими политическими и военными лидерами, все еще доминирует в формировании наших вооруженных сил, в создании наших наступательных термоядерных систем (таких как МХ и "миджитмен") и в нашем подходе к контролю за вооружениями. В этом главная причина того, что сегодня мы не можем решиться на такие же смелые шаги, какие были сделаны во времена Эйзенхауэра. По этой же самой причине рядовые американцы смотрят на споры, идущие в Вашингтоне вокруг оборонного бюджета и вокруг необходимости тратить миллиарды на создание все новых и новых наступательных ракет как на безумие.

ВОЕННАЯ ПРОГРАММА

Почти два десятилетия следования необоснованным теориям и неразумной стратегии привели Соединенные Штаты и наших союзников к кризису всей системы нашей безопасности. Десять лет назад Соединенные Штаты были так сильны, что удар по нашей территории казался почти невыносимым; ни нам самим, ни нашим друзьям и недругам такая возможность не казалась реальной. Мы были просто слишком сильны, чтобы кто-то решился нападать на нас или запугивать. Не то теперь.

Сегодня американцы чувствуют себя под угрозой термоядерного нападения, причем некоторые ощущают это так остро, что в отчаянии хватаются за такие нереальные меры как "ядерное замораживание", в тщетной надежде, что само себе выражение страха может уничтожить его причины. Наши союзники больше не испытывают уверенности в том, что американская стратегическая мощь достаточна для того, чтобы помочь им противостоять уговорам и угрозам, исходящим из Кремля. Советы же становятся все более смелыми, манипулируют своими огромными армиями, флотами, ядерными силами в твердой уверенности, что американская беззащитность перед возможным масштабным ударом ракет дальнего радиуса действия приведет к тому, что американцы будут вести себя тихо.

День ото дня ситуация становится хуже. Она нуждается в срочном исправлении, и вся американская изобретательность и все производительные силы должны быть направлены на это. В противном случае размывание обороноспособности Свободного мира станет необратимым; свобода либо медленно погаснет, пока мы уступаем ее шаг за шагом, или погибнет в ослепительной вспышке атомной войны.

Можно снова и снова перечислять мрачные цифры, показывающие превосходство Советской империи в числе дивизий, самолетов, танков, кораблей, атомных ракет, бомбардировщиков, подводных лодок и ядерных боеголовок. Достаточно будет указать на одно численное соотношение, чтобы продемонстрировать огромное военное преимущество советской стороны:

если Советы осуществят термоядерный удар по территории Соединенных Штатов всеми своими ракетами, число погибших американцев достигнет примерно 150 или 160 миллионов человек. Если мы после этого нанесем ответный удар уцелевшими атомными силами, число погибших советских граждан будет равно 10 или 20 миллион. И это не расчеты энтузиастов создания стратегической обороны, но официальные данные администрации президента Картера.

Никакой американец не согласится погубить десять или двадцать миллионов человек ради достижения наших глобальных целей. Но мы должны помнить, что цифра эта меньше того, что Советский Союз потерял во Второй мировой войне, и вдвоевтрое меньше числа советских граждан, ликвидированных коммунистической партией только за то, что они с недостаточным энтузиазмом поддерживали режим. У Соединенных Штатов нет более важной военной цели, нежели изменение этого грозного цифрового соотношения и предотвращение возможной бойни.

Один из возможных подходов состоит в том, чтобы быстро увеличить наш арсенал наступательного термоядерного оружия, так чтобы можно было рассчитывать на гибель 100 миллионов советских граждан при ударе возмездия. При этом баланс страха сместится в сторону большего равновесия. Конечно, это будет означать, что мы должны будем построить гораздо больше ракет и бомбардировщиков, чем нужно для выполнения подобной задачи, потому что многие из них погибнут при первом советском ударе.

Другой подход, способный обеспечить большие потери советской стороны состоял бы в переводе наших ядерных сил на постоянную боевую готовность и на нацеливание этих сил непосредственно на советские населенные центры. Это будет означать, что мы отказываемся от нашей политики — возмездие лишь после того, как удар нанесен противником, отказываемся и от претензий, что наши ядерные ракеты нацелены только на военные объекты. Если наша разведка и системы раннего предупреждения покажут, что советские ракеты запущены или вот-вот будут запущены, мы открываем огонь по их городам.

Но можно заняться и другой стороной уравнения — полной беззащитностью Соединенных Штатов перед ударом, который может унести 150 миллионов жизней, то есть практически привести к гибели нации. Если мы сможем обеспечить выживание Соединенных Штатов и свести на нет соблазн для противника нанести первый уничтожающий удар, риск ядерной войны

уменьшится во много раз.

Во всей военной истории главной целью вооруженных сил было поражение вооруженных сил противника, а не уничтожение гражданского населения. Но именно это подразумевает "второй удар" или "удар возмездия", включенный в стратегию МЭД. Любые сомнения в этом исчезли, когда администрация президента Картера доказывала необходимость ратифицировать договор ОСВ-2. Противники договора возражали против ратификации, указывая на численное преимущество в ракетах, имевшееся у Советов, и тогда президент Картер подчеркнул, что у Соединенных Штатов всегда останутся ракеты на подводных лодках, которые смогут нанести ядерный удар по сотне советских городов. Он так и сказал — *городов*, а не военных объектов.

То же внутреннее противоречие проявилось и в недавних предложениях Пентагона по размещению новых ракет МХ. МХ представляет собой противоракетное оружие, предназначенное для уничтожения советских ядерных ракет еще до их запуска. Они должны сыграть роль противовеса советским ракетам СС-18, если Америка сможет построить их в соответствующем количестве. В принципе это рационально спроектированная система вооружения, которая должна уменьшить масштабы разрушений на американской территории. Но размещение Эм-Экс пытаются увязать со стратегией МЭД и со связанными с ней принципами контроля за вооружениями. Один из планов, предложенный еще картеровской администрацией и поддерживавшийся военно-воздушными силами и при власти Рейгана, назывался "рэйс-трэк". Он подразумевал создание 200 ракет Эм-Экс, которые постоянно перемещались бы между 4400 пусковыми площадками, укрытыми под землей. Располагаться эта система должна была на больших участках территории в Неваде и Юте. Другой вариант был предложен позднее: сконцентрировать сотню Эм-Экс в огромном подземном ангаре, построенном из усиленного бетона. Подобные системы увеличивают стоимость проектов в десять раз — не за счет стоимости ракет, а за счет стоимости железобетонных конструкций.

Но парадоксальна не стоимость сама по себе. Подчиняясь принципам стратегии МЭД, оба проекта нацелены на то, чтобы выдержать первый советский удар, хотя изначально ракеты Эм-Экс были задуманы именно для уничтожения советских ракет еще до запуска. (Уцелевшим Эм-Экс уже нечего будет уничтожать!)

Теория Верхней границы утверждает, что возможность защитить Соединенные Штаты от атомной атаки, возможность, которой так долго пренебрегали, существует. Она может быть реализована с такой эффективностью, что любой "первый удар" будет ослаблен в несколько раз, и, в свою очередь, это заставит Советы отказаться от мысли нанести первыми термоядерный удар. Мы можем перейти от *взаимного гарантированного уничтожения* к *гарантированному выживанию* и тем создать выход из тупика страха, в котором мы живем сегодня.

Однако сначала нужно договориться о том, что мы понимаем под словом "защитить". Если к эффективной системе стратегической обороны будут предъявлены требования превратиться в сплошной щит, который не пропустит ни одной термоядерной ракеты, тогда ни о какой "защите" не может быть речи. Ни одна оборонная система в истории не была совершенной — хотя именно этого потребовал министр обороны, Роберт Макнамара, в середине 1960-х от любой противоядерной защиты. Этот демагогический абсолютизм был ключевым элементом в формулировании теории МЭД, а впоследствии играл роль смертного приговора для любого предложения об активной защите или гражданской обороне в течение двух десятилетий. Активная защита объявлялась негодной, если она позволяла хоть одной бомбе прорваться сквозь нее. Точно так же программы гражданской самообороны отбрасывались, если они не обещали спасти всех. Спасти три четверти наших городов или 120 из 150 миллионов потенциальных жертв ядерного удара по Америке считалось не только бесполезным, но и недопустимо жестоким актом по отношению к тем, кого спасти не удастся. Вспомните хотя бы странную логику одной австралийки, миссис Элен Калдикот, и других членов организации "Врачи за социальную ответственность", которые считают, что было бы аморально готовиться помогать больным и раненым — жертвам атомной войны.

Теория Верхней границы отвергла абсолютистские требования к стратегической обороне и, вместо этого, изучила возможные оборонные системы и программы, которые могли бы значительно усилить возможности Соединенных Штатов предотвратить ядерную войну. Иными словами, Верхняя граница не требует от оборонных систем больше того, что требуется от наступательных ядерных систем, таких как Эм-Экс. Защитники этих систем не говорят, что *все* ракеты Эм-Экс уцелеют после советского удара, но они указывают на то, что само наличие их

делает для советского агрессора сомнительной возможность нанести успешный "первый удар". С теми же требованиями теория Верхней границы подходит и к оборонной системе — она хочет от нее не больше и не меньше того, что требуют от наступательных систем.

На сегодняшний день Советам нужно лишь обеспечить, чтобы две их боеголовки высокой точности пришили на каждую американскую ракету. По мере наращивания американцами числа наступательных ракет Советам нужно решать лишь арифметическую задачу. Если же им будет противостоять система стратегической обороны, они не смогут заранее рассчитать, сколько их боеголовок прорвется сквозь оборонную завесу, не будут знать и того, какие именно цели окажутся пораженными, а какие — нет. Таким образом советские стратеги окажутся уже не перед арифметической, а перед весьма сложной, если вообще разрешимой, проблемой.

Технический уровень американской промышленности позволяет уже сегодня создать эффективную систему обороны и за вполне доступную цену. Группа Верхней границы рассмотрела множество систем и остановилась на одной — не потому, чтобы она представляла единственно возможное решение, но потому что она наглядно показывала, насколько реальны концепции Верхней границы.

Не следует думать, что система, выбранная нами, — единственно возможный путь, позволяющий изменить стратегическую политику. Ниже будет рассказано и о другой системе, которая была предложена на наше рассмотрение годом позже и которая кажется нам даже лучше первой.

Главные военные требования к системе национальной обороны можно свести к трем основным элементам:

1. Расположенная в космосе система, способная нанести тяжелый урон (50% и более) на начальной стадии полета советским ракетам дальнего действия, запущенным против Соединенных Штатов. Должна быть введена в действие в возможно короткий срок.

2. Второй слой космической защиты, способный также сбить в полете значительное число советских ракет (50% и более от уцелевшего числа).

3. Защита пусковых шахт американских ракет (МХ и "минитмен"), которая гарантировала бы их способность выдержать внезапную атаку, с тем чтобы нанести ответный удар. Эту систему можно ввести в строй довольно быстро.

Эти три яруса составляют "многослойную оборону", предложенную Верхней границей, которая должна обеспечить 96% безопасности объектов, являющихся целями для советских межконтинентальных ракет, а главное — обеспечить на 100% вероятность того, что наши ракеты, расположенные на земле, выдержат удар. Такая система обороны может быть введена в строй через шесть лет после того, как будет принято решение создать ее. Так называемое "окно уязвимости", представляющее собой угрозу для наших пусковых площадок на земле, может быть "закрыто" при помощи наземных противоракетных установок в течение двух лет.

Концепция Верхней границы отдает предпочтение неядерным системам обороны и в этом состоит ее привлекательность, но мы отнюдь не отказываемся от идеи использовать ядерное оружие в целях обороны. Если ядерное оружие где-то может быть использовано без особого вреда, так это в космосе. Нет сомнения в том, что, если атомный взрыв произойдет в космосе и остановит термоядерные боеголовки, летящие к наземным целям, любые вредные последствия такого взрыва будут пустяком, по сравнению с огромной выгодой для всего человечества. Если бы защита страны от термоядерного уничтожения выиграла бы от применения атомных бомб, Верхняя граница выступила бы за их использование невзирая на огромные политические сложности, связанные с этим. Верхняя граница отказалась от применения атомных зарядов в системе стратегической обороны, потому что, с точки зрения военной и технической, они не являются наилучшим решением.

Во-первых, система космической защиты подразумевает наличие большого числа спутников, каждый из которых должен нести большое число ракет-перехватчиков. Такая система требовала бы больше атомных боеголовок, чем мы имеем сейчас во всем нашем арсенале. Во-вторых, любая система, использующая атомное оружие — в космосе или на земле, — требует разрешения президента на запуск. Так как антиракетные системы должны стрелять по выпущенным ракетам противника почти сразу после их обнаружения, сложный порядок отдачи приказа о применении атомного оружия может непоправимо замедлить открытие заградительного огня. Наконец, неатомные ракеты-перехватчики могут остановить советские ракеты столь же эффективно.

Другой примечательный аспект концепции Верхней границы в плане военной программы состоит в том, что космическая

система обороны может быть осуществлена без применения лазерных лучей или какого-то другого оружия будущего. Это было ясно подчеркнуто уже в нашем первом докладе, но каким-то образом как друзья, так и противники Верхней границы пришли к выводу, что лучевое оружие является ключевым элементом нашего проекта. Мы выдержали настоящий шквал критических нападок, нацеленных на техническую сложность и дороговизну проекта, включающего лазерные установки. С другой стороны, люди, симпатизировавшие нам, решили, что мы выступаем за системы, взятые из научно-фантастической серии фильмов "Звездные войны", и начали выражать скептицизм.

Группа Верхней границы внимательно изучала возможности лучевого оружия. Некоторые — я в том числе — на начальных стадиях исследования были убеждены, что лазеры или другие разновидности оружия, использующего луч, окажутся наилучшим решением. И то, что на поверку оказалось не так, вовсе не должно означать, что эта техника не является необычайно важной и перспективной и что Соединенные Штаты не должны прилагать все силы к исследованиям в этом направлении.

Преимущество лучевого оружия перед всеми другими системами космической обороны состоит в том, что его разрушительная сила передается со скоростью света. Теоретически, космическая станция, вооруженная лучевым оружием могла бы очень быстро уничтожить множество объектов в космосе или даже самолетов в атмосфере. Нет никакого сомнения в том, что Советы прилагают огромные усилия и тратят большие средства на совершенствование такого оружия. Его военный потенциал и важность для Соединенных Штатов слишком велики, чтобы мы могли не думать о возможности внезапного успеха советских ученых в области лучеиспускающих установок.

Верхняя граница отказалась от применения лазерных систем для начальных стадий системы космической обороны, потому что они не укладывались в заданные нами временные рамки. Слишком много еще неясного в этой сфере, слишком много вопросов нужно решать, и на это уйдет время.

Военная программа Верхней границы не включает в себя никаких фантастических проектов. Она базируется на уже имеющейся технике и требует усилий главным образом от инженеров — не от ученых. Именно поэтому не все ученые, в принципе выступающие за СОИ, выражают энтузиазм по поводу наших рекомендаций: многие ворчат и говорят, что они слишком прямолинейны и "научно незстетичны".

КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА НА ПЕРВОЙ СТАДИИ

Чтобы проиллюстрировать возможность создания космической системы обороны, группа Верхней границы выбрала систему, которую мы назвали ГОБР-1 (Глобальная оборона против баллистических ракет). Создана она была мистером Фредом Реддингом, который тогда работал инженером-исследователем в Стэнфордском исследовательском институте. Мы отнюдь не имели в виду, что эта система представляла собой единственно возможное решение. Скорее, проект делался с целью показать, что существует *по меньшей мере одна* система, которую можно построить в приемлемые сроки за приемлемую цену. Он представлял из себя примерный набросок пути, а не точный маршрут следования.

Разрабатывая ГОБР-1, Реддинг в значительной мере использовал — и правильно делал — огромный объем работ, проведенный мощным коллективом ученых и инженеров Министерства обороны (около пяти тысяч человек) еще в 1962 году. Еще тогда эта группа пришла к заключению, что систему, подобную системе ГОБР-1, можно было бы построить и ввести в действие за шесть лет. Реддинг добавил технические достижения последних двух десятилетий и обнаружил, что такой же проект в наши дни можно осуществить с меньшими затратами, большей уверенностью и за более короткий срок. Этот прямой, базирующийся на здравом смысле подход помог укрепить ГОБР-1 против критических атак — а уж атаки не замедлили последовать.

Один ключевой элемент необходимой информации не был доступен ученым в 1962 году: схема размещения советских ракет дальнего действия. Представляется удачным для концепции ГОБР-1, что Советы расположили пусковые площадки своих ракет по всей своей огромной территории. Вдобавок, советские ракеты, запускаемые с подводных лодок, тоже имеют очень большой радиус действия, так что они будут такими же удобными целями для ГОБР-1, как и запускаемые с земли. В результате такого размещения, оказывается возможным расположить спутник на орбите в такой позиции, что он сможет перехватывать советские ракеты на значительном участке их полуторачасового полета вокруг Земли.

Конечно, на значительной части своей орбиты спутник будет находиться над Южной Америкой, Австралией и другими районами, где он не сможет перехватывать советские ракеты.

(Немаловажно, что часто он будет над Ливией, Красным Китаем и Кубой, где он тоже может пригодиться.) Для того, чтобы в любой момент времени достаточное число спутников находилось в позиции удобной для поражения советских ракет, их придется запустить в довольно большом количестве. Понадобятся и дополнительные спутники — для защиты остальных от попыток противника разрушить оборонную систему. Система ГОБР-1 потребует 432 спутника. Исследователи из других организаций рекомендовали ограничиться 200 или 300 спутниками, но большего размера. Есть и проекты, предлагающие использование 1000 спутников.

Спутники эти будут запущены на орбиту высотой 300 миль над Землей при помощи космического челнока (который может нести 12 или больше за один полет) или обычными пусковыми ракетами. Размер спутника для системы ГОБР-1 был выбран таким, чтобы его могла вывести на орбиту первая ступень ракеты МХ. Спутники могут находиться на орбите до бесконечности, потому что на такой высоте не приходится ожидать так называемого орбитального снижения — то есть постепенного падения обратно на Землю. Но технические узлы будут постепенно выходить из строя, так что через каждые пять лет спутники будут заменяться. Возможно — усовершенствованными моделями.

Спутники будут состоять из корпуса, компьютера, сенсора, блока связи, ракетного двигателя и от 40 до 50 маленьких ракет способных перехватывать советские ракеты дальнего действия. Мозг спутника — его компьютер — должен будет точно знать в каждый момент, в какой точке орбиты он находится, чтобы иметь возможность запускать ракеты-перехватчики точно по цели. Это не так трудно, как кажется, потому что при постоянно установленной орбите отклонения так незначительны, что местоположение оказывается прямой функцией времени и его легко ввести в программу.

Спутники настолько просты по своему устройству, что группа Верхней границы стала называть их "грузовиками". Эти грузовики несут вахту в околоземном космическом пространстве — от поверхности земли до примерно 500 миль. Они обнаружат залп советских ракет примерно за 1000 миль, проследят путь ракеты до той точки, где ракета-перехватчик сможет поразить ее и затем передадут эту информацию другим грузовикам. Когда компьютер грузовика вычислит, что один или несколько его перехватчиков могут сбить приближающуюся ракету, он автоматически отдаст команду и направит их в соответствующую

точку космического пространства.

Перехватчик устроен так же несложно, как и вся система. Его задача состоит в том, чтобы рвануться с большой скоростью на поражение цели. У него есть собственный сенсор, который должен обнаружить ракету, когда она будет на достаточном расстоянии, и небольшой реактивный двигатель, позволяющий ему маневрировать и поражать цель с высокой точностью. Есть большая вероятность того, что перехватчик может врезаться в советскую ракету всей массой. Двадцать лет назад проектная группа Министерства обороны считала, что точность попаданий перехватчика будет равна плюс-минус два фута (около 60 см.). Но для большей уверенности решено было, что за мгновение до столкновения перехватчик будет выбрасывать облако "шрапнели" диаметром около 25 футов (7,5 м.).

Достаточно того, чтобы хотя бы одна шрапнельная часть попала в советскую ракету. Кинетическая энергия — вот что произведет разрушительный эффект. Формула очень проста: энергия равна половине массы, помноженной на скорость в квадрате. Скорость спутника будет примерно 17 000 миль в час. Добавив скорость перехватчика и скорость цели, мы получим скорость столкновения 20 000 миль в час. При такой высокой скорости достаточно ничтожной массы, чтобы обрушить на цель огромный заряд кинетической энергии. В действительности, если бы обычный кубик льда — или любой другой предмет в космосе — врезался в советскую ракету на такой скорости, он бы уничтожил ее. Жители Канзаса и других штатов, где часты смерчи, видели соломины, вбитые в телеграфные столбы, как гвозди, тем же самым принципом кинетической энергии.

В нормальной, мирной ситуации ГОБР-1 будет под постоянным контролем наблюдателя на Земле. Это необходимо, потому что в противном случае система, оставленная целиком на волю автоматического управления, начнет сбивать космонавтов, научные спутники, испытательные ракеты. Информация, собранная и обработанная грузовиками на орбите, будет постоянно передаваться в Соединенные Штаты и в союзные страны наземному командованию или командам управляемых космических станций. Штаб-квартира всей системы будет скорее всего располагаться в большом укрепленном убежище в глубине Чейенских гор в штате Колорадо. В периоды затишья система ГОБР-1 будет целиком под контролем человека и никого сбивать не станет.

Если международная ситуация обострится, вся система

может быть переведена на полу-автоматический контроль. В этом случае следует установить предельное число "разрешенных" запусков ракет с враждебной территории. Превышение этого числа приведет к тому, что ГОБР-1 автоматически откроет огонь по летящим ракетам.

В периоды особенной напряженности, такие, например, как кубинский ракетный кризис (1962 г.), ГОБР-1 будет переводиться в состояние полной боевой готовности и стрелять по любой ракете, поднявшейся с вражеской территории. Советский Союз и другие потенциальные противники будут предупреждены в этом случае, что любой запуск ракеты в данном случае будет считаться военным актом. Надо надеяться, что систему никогда не понадобится приводить в состояние полной боевой готовности, но сама возможность осуществить это является абсолютно необходимым условием для того, чтобы сделать сдерживающий эффект ГОБР-1 максимальным и чтобы свести к минимуму уязвимость грузовиков, а также разведывательных спутников и спутников связи, уже находящихся на орбите, столь важных для всей системы нашей безопасности.

ГОБР-1, конечно, могла бы сбивать наши собственные ракеты, как и всякие другие. Но этого не случится, потому что в компьютерный мозг грузовиков будет введена информация, предотвращающая это. Но для тех, кого тревожит возможность случайного начала термоядерной войны, способность системы ГОБР-1 сбивать ракеты, запущенные по ошибке, окажется важным преимуществом. Хотя вариант "обезумевшего офицера" (который по собственной инициативе, без приказа начальства, осуществил бы запуск ракеты и тем спровоцировал бы начало войны) кажется маловероятным, возможность того, что фанатик типа Муамара Кадаffi или аятолы Хомейни создаст подобную ситуацию, не уменьшается, а возрастает год от года по мере распространения атомного оружия. ГОБР-1 сможет свести на нет угрозу случайного начала атомной войны.

Такова в общих чертах схема ГОБР-1. Система не имеет ядерных устройств. Ни единая живая душа на Земле не может пострадать от нее — никакой элемент системы не сможет пробиться на Землю сквозь атмосферу. И она использует уже существующую и отработанную технологию, которую можно ввести в строй быстро и за приемлемую цену. ГОБР-1 позволит нам отказаться от обанкротившейся стратегии МЭД и в то же время защитит нас от ядерного удара.

ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ

ГОВР-1 поубавит уверенности советским генералам, подумывающим о том, чтобы нанести первый удар по Соединенным Штатам или по нашим союзникам. В течение пяти или шести лет вся система будет выведена на орбиту. Она сможет уничтожать от 50% до 80% от общего числа ракет, поднявшихся с территории Советского Союза или из-под воды. Но это можно признать удовлетворительным только на первой стадии.

Система ГОВР-2 должна создаваться на базе более усовершенствованной технологии и предназначаться для того, чтобы усилить, а впоследствии, может быть, и заменить ГОВР-1. Она должна быть спроектирована таким образом, чтобы удлинить отрезок времени, в течение которого ракеты могут быть уничтожены с семи-девяти минут начальной стадии полета до получаса, то есть на все то время, которое ракетам необходимо, чтобы достичь атмосферы над Соединенными Штатами. Ее задача будет состоять в том, чтобы уничтожить 80% всех боеголовок, прорвавшихся через первый слой обороны (ГОВР-1), так чтобы в целом от 90% до 96% от всего числа запущенных советских ракет оказались уничтоженными на пути к цели.

Так как эта вторая очередь космической обороны может быть спроектирована не раньше семи-восьми лет, а введена в строй лишь лет через десять, следует обратить внимание и на другие имеющиеся у нас возможности, о которых мы еще, может быть, и не слышали.

После того как программа СОИ получила официальную поддержку, техническая осуществимость оборонной системы, предлагавшейся Верхней границей, была подтверждена экспериментально. 10 июня 1984 года ракета ИСВМ была сбита в космосе на высоте 120 миль перехватчиком того типа, который предполагается использовать в ГОВР-1. Перехватчик был, конечно, запущен с Земли (с острова в западной части Тихого океана), а не со спутника. Но действовал он точно так же, как будет действовать запускаемый со спутника. У него был сенсор, способный уловить тепло человеческого тела на расстоянии 1000 миль! Он обнаружил ракету, изменил курс и поразил цель, которая разлетелась на миллионы осколков. Это *можно* было бы осуществить двумя-тремя годами раньше, но до тех пор пока СОИ не было признано, на подобную демонстрацию ее осуществимости не отпускались фонды.

Конструкторы СОИ использовали в основном технологию,

предлагавшуюся проектом Верхней границы, но применило и новые конструкции. Был достигнут существенный прогресс в плане уменьшения размеров и веса ракеты-перехватчика. Чем меньше вес и выше скорость перехватчиков, тем легче использовать их в системе космической защиты.

С другой стороны, и лазерная техника прогрессировала с такой скоростью, какой первоначальные разработки Верхней границы не предвидели. Лазерное оружие для СОИ больше не выглядит фантастикой. Президент Рейган мог бы принять решение о создании оборонной космической системы до конца срока своего президентства. Он без риска мог бы распорядиться уже сейчас о создании системы, использующей ракеты-перехватчики, но делается все более и более вероятно, что он сможет приказать и создание лазерных систем. Так или иначе нет оснований "ждать будущего президента" для принятия этого ключевого решения — начать создание космической обороны.

Советы и их союзники на Западе, выступающие против СОИ, поняли, что президент Рейган не откажется от поддержки новой стратегии. Вся их надежда на то, чтобы покончить с СОИ, возложена на будущую администрацию. Пока же они стараются тормозить продвижение СОИ при помощи угроз, уговоров, пропаганды (а иногда и при помощи грязных трюков). Внутренние противники будут помогать им, урезая бюджет СОИ и пытаясь создать впечатление, что договор ПРО представляет собой "священную икону", которая будет осквернена созданием космической обороны.

Решение должно быть принято до ноября 1988 года, то есть до дня президентских выборов.

НАЗЕМНАЯ ОБОРОНА

Для тех, кто чувствует себя более уверенно на Земле, чем в космосе, Верхняя граница разработала несколько наземных вариантов. Среди них — системы, защищающие пусковые шахты от советской ракетной атаки при помощи пулеметов — да-да, именно пулеметов — и при помощи того, чем так долго пренебрегали, — гражданской обороны.

По оценкам Верхней границы первый слой космической обороны ГОБР-1 может быть создан за пять-шесть лет. Если бы его создание можно было завершить года за три, мы бы не стали беспокоиться о создании наземной противоракетной защиты.

Система, базирующаяся в космосе, в достаточной мере подточила бы советские надежды на успех первого удара и тем самым закрыла бы "окно уязвимости". Но мы должны закрыть это окно быстрее, чем за пять-шесть лет.

Системы, предлагаемые военными, также требуют слишком длинных сроков для ввода в строй: МХ — десять лет, бомбардировщик Б-1 — шесть лет, антиракетные ракеты, базирующиеся на Земле — шесть лет.

Мы хотели найти систему, которая могла бы "закрыть окно уязвимости" года за два-три, а затем переоборудована для выполнения более простой задачи: уничтожения тех советских ракет, которые просочатся через космическую оборону.

Ограничив задачу наземной противоракетной защиты, мы смогли подобрать систему, которая была одновременно недорогой и быстро осуществимой. Все прошлые и имеющиеся на вооружении программы, предлагавшиеся армией, проектировались для защиты большого пространства — всего ракетного полигона. Это означало, что противоракетная система должна была перехватывать любой вражеский космический корабль, входящий в атмосферу вблизи защищаемого поля. В свою очередь, это означало, что система должна уметь отличить реальную ракету от разбрасываемых ею ложных целей и затем перехватить на высоте примерно 8 миль. Для такой задачи требовались очень сложные, дорогие и уязвимые радарные установки. Главные компоненты подобной наземной обороны делались сами по себе привлекательными целями для советских ракет. Их дороговизна требовала того, чтобы их самих защищали в свою очередь.

Группа Верхней границы отказалась от этого общепринятого подхода к противоракетной наземной обороне. Мы старались найти установку, которая защищала бы всего одну пусковую шахту — ту, к которой она прикреплена, — против любой боеголовки, приближающейся к этой шахте, и лишь на тот период времени, который необходим для запуска нашей ракеты. От прежних проектов она должна была отличаться так же, как противовоздушная оборона аэродрома отличается от стрелка с пулеметом, посаженного в хвостовой отсек бомбардировщика. Такая установка должна быть нацелена в тот узкий конус пространства, откуда могла прилететь вражеская ракета, нацеленная на данную шахту, и уничтожить первые две или три — не больше и не меньше.

И мы нашли то, что искали. Система "Свармджет" была

описана довольно подробно уже в первоначальном докладе Верхней границы. Она использует простой радар, измеряющий только расстояние до приближающейся боеголовки и вычисляет точку перехвата. После этого тысячи небольших ракет ("сварм" по-английски "рой, стая") без взрывного заряда выпускаются в воздух, чтобы перехватить приближающуюся боеголовку примерно за километр от шахты. Если боеголовка взорвется в момент столкновения (а скорее всего так и произойдет) "Свармджет" вместе со своим радаром будет уничтожен. Но на замену ему из-под земли должна подняться другая аналогичная установка, чтобы встретить следующую боеголовку.

Уже после опубликования первоначального доклада Верхней границы мы обнаружили, что ту же задачу может выполнить крупнокалиберный пулемет класса "Гатлинг". Фирма "Дженерал Электрик" усовершенствовала эту тридцатимиллиметровую пушку-пелюмет и сейчас поставляет ее в больших количествах американским ВВС и голландскому флоту. Испытания этого оружия дали замечательные результаты. Из пушки вели огонь по приближающейся ракете (симулирующей советскую), и достаточно было одного попадания, чтобы ракета разлетелась. Две пушки такого типа, ведущие огонь по приближающимся из космоса объектам, дают почти стопроцентную гарантию того, что советская боеголовка не сможет приблизиться к пусковой шахте современной ракеты "минутмен" достаточно близко, чтобы повредить ей.

Начать установку подобных орудий вокруг наших пусковых шахт можно уже сейчас. Стоить это будет примерно по 10 миллионов долларов на каждую имеющуюся ракету. Если размещать новые ракеты Эм-Экс в старые шахты ракет "минутмен" (их имеется около 100), это обойдется в один миллиард долларов. Сравните это с 20-60 миллиардами, требуемыми для всех других вариантов защиты Эм-Экс! Наземную противоракетную защиту такого типа можно установить еще до того, как новые ракеты Эм-Экс будут готовы к установке. Все наши ракетные силы на земле можно защитить за сумму, равную половине того, что требовали прежние проекты.

Наконец, к наземным средствам защиты относится и гражданская оборона. Она может спасти миллионы жизней в условиях атомной войны. Будущее гражданской обороны прочно связано с будущим стратегической обороны. Ей должны быть выделены средства равные примерно 10% бюджета СОВ.

Г л а в а 6

МИРНЫЕ ПРОГРАММЫ

Извлечение безграничных запасов энергии и полезных материалов из космоса может оказаться важнейшей задачей нашей цивилизации на ближайшие 100 лет.

Доктор Питер Глейзер

В своей речи о положении в стране в 1983 году президент Рейган подчеркнул необходимость для Соединенных Штатов искать новые горизонты в сфере сложной техники. Нет лучшего способа последовать этому мудрому совету как принять программу Верхней границы в качестве национальной стратегии.

Открытие космоса для промышленного и коммерческого использования обсуждается нечасто, но в программе Верхней границы оно занимает важнейшее место. Военные возможности и индустриализация космоса должны идти параллельно. Технологические принципы, используемые в одной сфере, будут применимы и в другой. Только в том случае, если правительство сможет обеспечить безопасность космических предприятий от разрушения, захвата или вмешательства любого рода, частный сектор промышленности рискнет вкладывать большие капиталы в эту сферу.

Правительство должно сделать в космосе то же, что оно с успехом делало на земле: вести исследования, помогать в строительстве путей сообщения и обеспечивать безопасность. Соединенные Штаты уже осваивают солнечную систему. Мы послали человека на Луну, отправили исследовательские аппараты к другим планетам, которые прислали нам невероятные фотографии колец Сатурна и Юпитера. Никто иной как правительство разрабатывало средства сообщения — от корабля "Аполлон" до космического челнока. Теперь оно должно обеспечить следующий стимул — поддержать частную инициативу по освоению космоса.

При этом космос был одной из тех сфер деятельности правительства, которые дали мощный толчок промышленности и торговле. Сегодня, благодаря устремлению в космос, мы имеем бурно-растущую микро-электронную промышлен-

ность, космическую теле- и радиосвязь, приносящую уже сейчас миллиард долларов прибыли в год и обещающую вырасти к 1990 году до 20 миллиардов. Даже неподгорающие сковородки в американских кухнях являются побочным продуктом космических программ. На каждый доллар налогоплательщиков, вложенный в космос, мы получили шесть долларов, вернувшихся в хозяйственный оборот страны. Предполагаемый возврат от программ СОИ оценивается в 20 триллионов.

В общей сложности группа Верхней границы предложила восемь различных программ. Три из них — чисто военные, и они были описаны выше. Остальные пять в разной степени соединяют военные и мирные задачи. На этом ярко видна глупость нынешней волны пропаганды, кричащей о "милитаризации" космоса.

Мирные программы связаны, главным образом, с решением двух проблем, интересующих частный сектор в первую очередь. Одна — улучшение транспортных возможностей, другая — расширение коммерческого использования. Обе проблемы тесно связаны друг с другом. Коммерческое использование космоса находится в прямой зависимости от снижения стоимости доставки одного фунта грузов на орбиту. До тех пор пока цена доставки равна тысяче долларов за фунт, никакой продукт, стоящий меньше тысячи за фунт, не будет послан в космос. Иными словами, редкие медикаменты будут производиться на орбите; силиконовые кристаллы — возможно; шарикоподшипники — нет.

Именно поэтому транспортные системы, с точки зрения Верхней границы, представляют собой проблему первостепенной важности. Космический челнок, при всех его замечательных качествах, можно уподобить самолету ДС-3. Теперь пора создать что-то подобное космическому Боингу-747. Нужно прилагать больше усилий и вкладывать больше средств в создание нового класса космических летательных аппаратов. Один из возможных вариантов — усовершенствованный челнок. Другой: космический самолет, многоцелевой летательный аппарат, способный перемещаться в космосе в разных направлениях и управляемый одним человеком. Такой аппарат или подобный ему будет, конечно, применим как для мирных, так и для военных целей. Космический самолет будет запускаться "со спины" Боинга-747 и для перехода с орбиты на орбиту будет возвращаться в атмосферу, чтобы избежать большого расхода топлива, связанного с маневрированием в космосе.

Космос представляет собой уникальную среду, позволяющую производить ценную продукцию, которую невозможно произвести с выгодой в земных условиях. Космос обеспечивает наличие почти абсолютного вакуума — то, что на Земле можно получить только ценой огромных затрат. Космос обеспечивает невесомость — то, что на Земле можно получить только на определенные отрезки времени. В космосе нет микробов (за исключением тех, которые космонавт доставил под собственным скафандром), следовательно в нем существует та высочайшая степень стерильности, которую на Земле удалось обеспечить ценой больших затрат лишь в нескольких лабораториях и больницах. Космос, имеющий температуру всего лишь 4 градуса выше абсолютного нуля, представляет собой безграничные возможности для поглощения тепла ("тепловая емкость" на техническом жаргоне), а значит в нем нет проблемы "куда выбрасывать тепло?", вырабатываемое промышленными процессами и сейчас поглощаемое атмосферой, реками, морями, что ведет к нарушению баланса окружающей среды. В космосе также содержатся огромные запасы энергии и материалов, имеющихся на Земле в ограниченном количестве.

Во время четвертого полета челнока "Колумбия" один эксперимент явился прелюдией к созданию космической фабрики. В этом эксперименте очень ценные лечебные вещества были отделены от других химикалиев — процесс, который не удавалось осуществить на Земле. Этот эксперимент проводился совместно фармацевтической компанией Джонсон-и-Джонсон и компанией космических полетов Макдоннелл-Дуглас. В будущем мы сможем производить в космосе в больших количествах такие чудодейственные лекарства, как интерферон, который дал замечательные результаты в лечении рака, но который на Земле удастся производить лишь в ничтожных дозах. И это лишь начало тех возможностей, которые откроются перед американской промышленностью, если мы освоим и обезопасим верхнюю границу в космосе.

Один из наиболее волнующих проектов: использование неистошимых запасов солнечной энергии для производства электричества на Земле. И на пути осуществления его нет никаких технических препятствий, как было убедительно показано совместным экспериментом, проведенным агентством НАСА и Министерством энергетики.

Спутник, оперирующий на солнечной энергии, запускается на орбиту высотой 23 500 миль. Там он зависает,

находясь постоянно над одной и той же точкой Земли и, в то же время, постоянно освещаемый солнцем. Спутник составлен из миллионов солнечных батарей, превращающих солнечную энергию в электричество, и антенны, превращающей электричество в микроволны (наподобие тех, что переносят телевизионный сигнал) и направляющей их на Землю. На Земле большая приемная антенна превращает микроволны обратно в электричество, поступающее уже непосредственно в сеть. Лазерный луч, испускаемый из центра приемной антенны, нацелен на центр посылающей антенны спутника и таким образом держит их постоянно нацеленными друг на друга. Система не наносит никакого ущерба окружающей среде, никак не угрожает жизни на Земле. Самолеты, птицы и бабочки могут пролетать сквозь луч без всякого вреда для себя.

Один такой спутник может произвести столько же электроэнергии, сколько производят пять станций на угле или на ядерном топливе — достаточно, чтобы снабдить электричеством крупный город с пригородами, такой как Нью-Йорк или Токио. Наконец-то мы начнем добавлять что-то к земным ресурсам, а не истощать их. Энергетический спутник будет непосредственно использовать ту же солнечную энергию, которую сейчас мы используем в скрытом виде, аккумулированной в горючих веществах. И, в отличие от существующих источников энергии, которые так трудно добывать и перевозить, топливо для энергетического спутника не будет стоить ничего.

На земле есть места, где борьба за добычу топлива для приготовления еды и обогрева создает кризисные ситуации. У некоторых отсталых народов маленькие девочки проводят большую часть дневных часов не за играми или учебой, а за скатыванием навозных лепешек, которые затем высушиваются и используются как топливо для деревенских печек. В других местах лесной покров содран полностью с горных склонов, что приводит к катастрофической эрозии, наводнениям, уничтожению фауны.

Энергия солнца может быть доставлена в такие районы при помощи спутников. Это помогло бы им перейти от сельскохозяйственной техники каменного века к элементарной электрификации, но без необходимости создать предварительно сложную инфраструктуру портов, дорог, железнодорожных линий, электростанций, без привлечения квалифицированной рабочей силы — без всего того, что требуется обычным процессом индустриализации. Все, что нужно, — принимающая антенна

и линии электропередач.

Уже к 1980 году было ясно, что с технической точки зрения извлечение солнечной энергии из космоса — осуществимая задача. По мере того, как наши ученые совершенствовали солнечные батареи и другие необходимые элементы, энергетические спутники становились все более привлекательным решением энергетических проблем на Земле. Машины-автоматы, способные собрать такую крупную конструкцию в космосе тоже, по сути, были уже созданы.

Несмотря на то, что получение солнечной энергии из космоса технически осуществимо, правительство не спешит развивать этот проект. Его недостатки — стоимость и уязвимость. Если бы у нас были такие спутники на орбите уже сегодня, враждебная страна легко могла бы вмешиваться в их работу или даже уничтожить. Ни правительства, ни частные предприниматели не станут вкладывать десятки миллиардов долларов, необходимых для создания космических электростанций, до тех пор пока они остаются совершенно незащищенными. Таким образом военная защита, являющаяся обязательным элементом стратегии Верхней границы, является необходимым условием создания в будущем подобных систем.

Сегодня стоимость создания электростанции-спутника на солнечной энергии слишком велика по сравнению со стоимостью строительства обычной угольной или ядерной станции в индустриально развитых государствах. Однако для слаборазвитых стран, которые не имеют ни топлива, ни индустриальной инфраструктуры для строительства электростанций обычного типа, использование космической электростанции обошлось бы дешевле. Конечно, сами они не имеют возможности построить ее. Но ирония состоит в том, что многие слаборазвитые страны, по политическим мотивам, поддерживают главное препятствие на пути создания энергетического спутника — законы ООН о космосе. Подобная политика будет тормозить использование космоса так же, как международные законы о морских перевозках и разработках тормозят использование богатств морского дна. Политические интересы могут лишить индустриальные нации возможности использовать огромные ресурсы космоса на благо всех народов.

Дороговизна энергетических спутников главным образом вытекает из дороговизны доставки людей и материалов на геосинхронную орбиту. Таким образом будущее космической энергетики в значительной мере зависит от усилий Верхней

границы по снижению стоимости перевозок в космосе. Но одновременно должна проводиться разносторонняя кампания за то, чтобы Соединенные Штаты и страны свободного мира заняли твердую позицию по вопросу использования огромных ресурсов космоса для улучшения условий жизни на Земле.

Энергетический спутник — только одна из возможностей мирного использования космоса. Примечательно, что наши европейские союзники, поначалу настроенные весьма критически и нерешительно в отношении СОИ, затем оценили коммерческий потенциал программы даже скорее, чем ее защитники в Соединенных Штатах. Например, мистер Джиованни Агнелли, главный управляющий корпорации "Фиат", выразил это весьма прямо. В своей речи перед европейскими промышленниками, собравшимися в Брюсселе в ноябре 1985 года, он заявил, что СОИ обеспечило такой толчок техническому прогрессу во всем свободном мире, какой невозможно было до сих пор создать в демократических государствах без прямой угрозы неминуемой войны. По его мнению, преимущество Стратегической оборонной инициативы Рональда Рейгана состоит в том, что она создала этот стимул для технического творчества в мирное время — и с целью сохранения мира. Мистер Агнелли призвал Европу к сотрудничеству с СОИ, если она не хочет остаться позади технического броска вперед, который уже набирает скорость. Он также подметил показательный момент, связанный с космическими программами Соединенных Штатов, сказав: "Вероятно это не случайность, что в период с 1972 по 1980 год, когда в Америке наступило затишье в сфере исследований космоса, в американской промышленности замечался экономический спад. И трудно объяснить простым совпадением активизацию экономики, пришедшую на возобновление космических полетов".

Невозможно оспаривать тот факт, что вклад средств в космические исследования приводит к бурному росту технических изобретений и к повышению предприимчивости в других сферах хозяйственной жизни. Но зрелище экономических и коммерческих успехов на Верхней границе — в космосе — радует далеко не всех. Так и слышишь стоны некоторых: "Сначала военные пробрались туда со своим наступательным оружием (баллистическими ракетами дальнего действия), затем их разведчики (спутники-шпионы), а теперь и их военные базы (СОИ). А вслед за ними идут торговцы и каучуковые бароны, жадные до наживы! Где, о где наша мечта о мирном, интернациональном космосе?!"

Говоря откровенно, эта идеалистическая мечта разбивается о реальность, как разбивались все мечтания подобного рода. Первые тропы в неведомые земли всегда прокладывают военные. В 1800-е армия поставляла землемеров, картографов, инженеров, а также обеспечивала защиту, необходимую для того, чтобы наша страна могла приступить к преодолению западной границы. Сегодня, оглядываясь на недавние годы, мы легко можем увидеть, как нам удалось достичь Луны: мы взяли пучок военных ракет, превратив их в ракету "Сатурн", собрали команду отчаянных пилотов-испытателей из военной авиации, окрестили их астронавтами и вознеслись на Луну. И именно военные, вынужденные следить за каждым шагом скрытного и опасного противника, разработали технические шедевры, позволяющие безошибочно ориентироваться в космосе.

На любой границе, которая была преодолена в течение истории нашей страны, купцы направляли свои шаги туда, где они могли надеяться на получение выгоды и ожидать хотя бы некоторой военной защиты для своих капиталовложений. После того, как элементарная безопасность была обеспечена и возникали начатки нормальной экономической деятельности, по тропам, проложенным солдатами и купцами, начинали двигаться поселенцы.

Кое-кто предпочел бы, чтобы первыми появлялись носители света, обращающие язычников. Но в реальной жизни так никогда не случалось. Не хочется прокальвать воздушные шары мечтателей, но все же следует спросить, почему освоение космоса должно пойти другим порядком.

В чем бы ни виделась нам наиболее завлекательная задача — добыча полезных ископаемых на астероидах, исследование Марса, строительство Лунной станции, колонизация космоса, — она окажется осуществимой, только если будет опираться на твердый фундамент СОВ и новых технических достижений, создаваемых ею.

Некоторые критики указывают на последние неудачи космической программы как на свидетельство того, что космос покорить невозможно. Космосу суждено навеки остаться враждебной и чуждой средой, говорят они, в которую смогут проникать лишь люди, готовые рисковать своей жизнью, как это сделали семь наших космонавтов, погибших в начале 1986 года. Нет никакого сомнения, что многие говорили то же самое, когда первые суда уходили в океанское плавание и не возвращались в порт, когда первопроходцы исчезали в пустынях амери-

канского Дикого запада и пропадали навеки. Но на протяжении всей истории человек отвечал на вызов, бросаемый неведомым, выискивая новые ресурсы и устремляясь вперед до тех пор, пока не преодолевал границу, ранее казавшуюся неодолимой.

Программа СОИ и является такой концентрацией ресурсов страны, осуществимой для американцев 1980-х годов. Она дает нам возможность сосредоточить усилия на освоении космоса и для завоевания его для Свободного мира. Военная необходимость придала необходимый толчок нашим усилиям, коммерческие интересы пойдут следом. Человечество начнет обживать космос, но только в том случае, если сможет использовать свое присутствие там с выгодой для себя. Мы не собираемся быть там ради одного факта присутствия.

Поэтому-то все сторонники космических исследований должны поддержать СОИ — если не за то, что она предлагает ядерное решение ядерной проблемы, грозящей Земле, то хотя бы за то, что она явится ускорителем для творческого предпринимательства, в свою очередь необходимого для масштабного продвижения в космос.

Существуют, однако, силы, препятствующие проникновению свободного предпринимательства в космос. Международная политика, социалистические идеи и бюрократическое сопротивление соединились, чтобы воспрепятствовать частной деятельности в космическом пространстве. Безграничный океан космоса менее свободен от государственного контроля, чем наши земные океаны.

Главной задачей Верхней границы сегодня должно быть отстаивание права корпораций и граждан Свободного мира вкладывать средства в космос и заниматься там полезной деятельностью, не связанной с военными целями.

Будущее индивидуальных свобод и системы свободного предпринимательства зависит от того, удастся нам отказать правительству в *монопольном* праве на операции в космосе или нет. Конечно, потребуются какая-то система правительственного контроля и выдачи лицензий, но она не должна быть более жесткой, чем та, что ныне контролирует деятельность свободных предпринимателей на Земле и в океане.

Обживание космоса и других планет должно быть правом тех, кто способен и готов осваивать новые возможности, открывающиеся здесь для улучшения жизненных условий или для спасения от преследований, войны, перенаселенности.

Советы, так же как многие политики и бюрократы в

Соединенных Штатах, хотели бы закрепить за государством полный контроль над любыми операциями в космосе и запретить всякую частную инициативу в этой сфере. И в первую очередь они хотели бы уничтожить возможность для частных лиц и корпораций использовать космическое пространство для каких-то предприятий, приносящих доход. Само формулирование законов и договоров, таких, например, как Договор Объединенных наций о космическом пространстве, исподволь и незаметно стремилось к тому, чтобы частная инициатива в космосе была объявлена незаконной.

Мотивы, двигавшие Советами, были ясны: предотвратить всякий сбор и передачу информации через космические средства связи и наблюдения, которые находились бы в частных руках, а не в руках правительства. Любое правительство можно шантажировать или запугивать дипломатическими угрозами, добиваясь того, чтобы оно скрывало опасную для коммунистов информацию или прекращало деятельность, препятствующую целям мирового коммунистического движения. Более того, любой правительственный контроль в космосе распространяется именно на частную деятельность. Это дает Советам и другим противникам частной инициативы возможность вовремя узнавать, что именно затевается в космосе, а следовательно и возможность своевременно выражать протест или принимать контрмеры.

Отказ в праве свободного предпринимательства в космосе должен быть объявлен нарушением основных принципов прав человека и системы свободной инициативы. Подобный отказ способствовал бы распространению и усилению неприемлемой для нас философии социализма и коммунизма. Если восторжествует концепция полного правительственного контроля над любой деятельностью в космосе, это приведет к тому, что, по мере индустриального проникновения на инопланетные тела, будет безмерно укрепляться мировой социализм. Добавьте к этому отказ в праве частной деятельности, и конечным итогом окажется универсальный коммунизм — итог, которому Америка и американцы так противятся на Земле.

Сейчас существует реальная возможность сделать свободный поток информации доступным любому человеку на Земле, который получит в руки соответствующее принимающее устройство, — распространить Первую поправку к американской конституции (право свободного получения и распространения информации и идей) на весь Земной шар. Но возможность эта будет упущена, если американское правительство получит полный

контроль над вещанием через спутники и, посредством международных постановлений, будет принуждаемо к цензурованию передач, которые окажутся не по вкусу другим правительствам (например, советскому). А ведь коммунисты больше всего на свете боятся, что поток правдивой информации хлынет через Железный занавес. И они будут стараться предотвратить это, настаивая на правительственном контроле над всеми операциями в космосе, включающими сбор и передачу информации.

Существует серьезная опасность, что, подчиняясь международному, политическому и бюрократическому давлению, правительство воспротивится экономическому прогрессу в космосе, основанному на частном предпринимательстве. Мы можем оказаться в мире, где свобода и частная собственность навсегда останутся на пусковой площадке и не будут допущены в космос.

Выступая на 25-летию организации НАСА, президент Рейган сказал: "Если нам удастся открыть дорогу свободному предпринимательству в космос, никому за нами не угнаться!" И он был прав. Но далеко не всех радует подобная перспектива.

РЕАКЦИЯ СОВЕТОВ

Ни одна американская акция в атомный век не вызвала такого переполоха и возмущения среди советского руководства как призыв к созданию системы СОИ. Чтобы остановить ее, Кремль мобилизовал всю мощь своей пропагандной машины, своего дипломатического и разведывательного аппарата.

В свое время Советы оставили стол переговоров о контроле за вооружениями, заявив, что не вернутся до тех пор, пока американские ракеты "першинг" и "круз" не будут удалены из Европы. Но в 1984 году, когда они поняли, что президент Рейган всерьез намерен изменить американскую стратегию, Советы, возглавляемые в то время бывшим начальником КГБ Андроповым, кинулись обратно к столу переговоров.

Эта смена советской политики была поистине знаменательной. Кремль затратил огромные усилия на то, чтобы предотвратить размещение американских ракет в Европе. Благодаря поддержке Москвы — финансовой и прочей — в Европе и Северной Америке было организовано мощное движение протеста. Правительства стран Западной Европы были под сильным давлением. Возврат Советов к переговорам сильно подрывал начатую кампанию.

Особенно поражало то, что поворот советской политики шел на пользу предвыборной кампании президента Рейгана. Ведь одним из главных козырей демократической партии в предвыборной борьбе было утверждение, что Рейган не сумел добиться прогресса в деле контроля за вооружениями. Было ясно, что возврат Советов к переговорам выбивал этот козырь из рук демократов, наглядно демонстрируя, что непреклонность президента по отношению к Москве была политически оправданной и мудрой.

Когда переговоры возобновились, стало ясно, что Советы задались целью угробить СОИ. Любое их предложение включало в себя условие, требовавшее, чтобы Соединенные Штаты отказались от развертывания космической обороны. Если они не требовали прямого отказа, то пытались наложить всевозможные ограничения, которые должны были навсегда оставить СОИ в стадии лабораторных исследований. Советы даже начали

проявлять гибкость в вопросах, связанных с наступательным оружием, проверкой на местах и других ключевых моментах переговоров, при условии что Соединенные Штаты согласятся отменить развертывание СОИ или, по крайней мере, отложить его на 20 лет.

Западные умники и политикины выражают по этому поводу удивление — и напрасно. Если бы они внимательно наблюдали поведение Советов в течение последних пятнадцати лет, они могли бы предвидеть подобный поворот. (Кстати, первоначальный доклад Верхней границы, опубликованный в 1982 году, предсказывал эту перемену советской политики.) В течение многих лет Советы так или иначе демонстрировали свое убеждение в том, что советское космическое оружие окажется ключом к достижению мировой коммунистической гегемонии. Отсюда можно было сделать вывод, что только используя свое превосходство в космической технике, смогут Соединенные Штаты воспрепятствовать успеху советских замыслов.

Хорошо, что советская стратегия не является секретом; плохо лишь то, что ее игнорируют почти все, кто выступает и пишет по вопросам ядерного равновесия. Советы никогда не скрывали того факта, что их ядерные силы созданы с расчетом на нанесения первого удара, который должен будет обезглавить ядерные силы противника, а вовсе не для нанесения ответного удара в том случае, если кто-то нападет на СССР. Структура советских ядерных сил демонстрирует именно такую направленность.

После огромных затрат и усилий по созданию арсенала стратегических ракет Советы достигли такой мощи, что сейчас они могут — используя всего лишь четвертую часть своего арсенала — уничтожить первым ударом все наши наземные ракеты и бомбардировщики, а также ракетные подводные лодки, находящиеся в море. Арсенал этот состоит из 308 ракет СС-18, несущих по меньшей мере 3080 боеголовок большой точности, с зарядом равным половине мегатонны. Силы первого удара подкреплены 360 ракетами СС-19, тоже весьма точными и несущими в общей сложности 2760 боеголовок.

Остальная часть советских стратегических ракет (общее число — 1500), расположенных в шахтах и на подводных лодках, предназначена для того, чтобы удержать Соединенные Штаты от нанесения ответного удара. Эти дополнительные ракеты представляют собой силы *третьего* удара. Советский Союз

не верил в необходимость создания ядерных сил, предназначенных исключительно для нанесения ответного удара, и никогда не занимался их созданием.

В этом и состоит фундаментальная разница между структурами советских и американских ядерно-ракетных сил. Здесь таится главная опасность современной стратегической ситуации и выходит на поверхность тот факт, что Советы вовсе не следуют доктрине, исповедуемой американской стороной: "только ответный удар".

Другая характерная черта советской стратегии — огромные усилия, затрачиваемые на создание, параллельно с наступательным ядерным оружием, мощной системы стратегической обороны. Советы отнюдь не разделяли концепции американской стратегии МЭД, отрицавшей значение оборонных сил в ядерный век. Они затрачивали огромные средства на создание таких сил, не обращая внимания на договор ПРО, — средства, возможно, даже превышавшие то, что они тратили на строительство наступательных ракет.

Главные усилия Советов были направлены на то, чтобы, используя и переговоры о контроле за вооружениями, и увеличение числа своих ракет, создать ситуацию, позволяющую им уничтожить одним ударом основную часть американского ядерного арсенала. Возможному ответному американскому удару они противопоставляли как свои силы третьего удара, так и мощную систему военной и гражданской стратегической обороны. Если бы им удалось достичь такой ситуации, советское руководство вправе было рассчитывать на достижение глобального триумфа без пролития крови. Скрытых или явных угроз было бы достаточно, чтобы сломить волю Запада к сопротивлению и заставить его уступить советским требованиям.

Именно здесь в игру включаются советские космические усилия — как ключевой элемент в стратегии достижения мирового господства. Советы давно считали космос важнейшей ареной борьбы. Они понимают, что контроль над околоземным пространством будет жизненно важным для проведения любых военных операций. Их пропаганда называет Советский Союз "береговой линией Космоса". Подростков учат, что космонавт есть "образец Нового советского человека".

Но то, что это не только пропаганда, видно из фактов. В конце 1950-х и в 1960-е, все еще сильно отставая от Соединенных Штатов в области ядерного оружия, Советский Союз

выделил огромную часть своих технических средств и рабочей силы на завоевание космоса. Советы первыми запустили искусственный спутник, первыми отправили в космос человека.

Советские космические усилия были ошеломительными. Их спутники и космические корабли по суммарному весу в 10 раз превзошли американские. С конца 1970-х они имеют в космосе постоянную станцию с экипажем на борту. В 1986 году они запустили новую станцию под названием "Мир".

И все это делалось под эгидой военных, почти исключительно для выполнения военных задач. В Советском Союзе нет гражданского космического управления подобного НАСА в Америке. Все запуски проводятся командованием Стратегических (ракетных) войск СССР, созданных в конце 1950-х Никитой Хрущевым. Для Советов космос — это сфера, где необходимо добиться военного превосходства.

Таким образом советская программа "Звездных войн" развивается уже в течение почти трех десятилетий. До сих пор она создавала только наступательное оружие. Первым был ФОБС, ядерный заряд, установленный на спутнике, который должен был запускаться по целям на территории Соединенных Штатов. (Позднее от него отказались из-за недостаточной точности.) В середине 1970-х Советы испытали и запустили анти-спутниковую систему, угрожающую американским разведывательным спутникам. Далее, Советы тратят миллиарды рублей на разработку всевозможных технических новинок, используемых в космических антиракетных установках. В течение ближайшего десятилетия мы можем ожидать развертывания в Космосе советской системы стратегической обороны — и это вдобавок к мощной системе обороны, уже имеющейся на Земле. *И мы можем быть уверены, что они приложат все усилия, чтобы сохранить свою монополию в этой сфере.*

Усилия в этом направлении Советы делают в течение последних десяти лет, но их как бы не замечают. Ясный сигнал был получен во время обсуждения договора СОЛТ-2. Тогда стала ясна угроза, которую советские анти-спутниковые системы представляли для наших разведывательных спутников. Военные рассматривали эти советские системы как реальную угрозу лишить Соединенные Штаты "зрения" в случае войны. Но даже ярые сторонники контроля за вооружениями были обеспокоены, потому что эти системы ставили под угрозу главный элемент контроля — возможность эффективной проверки выполнения достигнутых соглашений.

По крайней мере мы могли поднять вопрос о советском противоспутниковом оружии на переговорах в Женеве — что американская сторона и сделала. Советы ответили, что готовы рассмотреть этот вопрос, если мы согласимся включить в программу переговоров и космический челнок — как *оружие*. Американская делегация была изумлена. С чего вдруг транспортное средство рассматривается Советами как угроза?

Американские делегаты не в силах были увидеть того, что для советской стороны было очевидно с самого начала. Транспортный агрегат, курсирующий между Землей и космосом, будет использован для создания космической обороны. Наши делегаты не только забыли о значении космоса для обороны, они даже не отдавали себе отчета в том, что оружие, которое они обсуждали — ракеты дальнего действия, — является *космическим* оружием.

Другой явный знак советских намерений подавить в зародыше американские попытки использовать космос для обороны был дан сразу после запуска космического челнока Колумбия 14 апреля 1981 года. Уже через две недели Леонид Брежнев выступил с призывом к Организации объединенных наций запретить запуск в космос каких бы то ни было военных систем. В конце 1981 года Советы выступили в ООН с формальным предложением о заключении подобного соглашения. Как это ни печально, уже через несколько недель многие американские сенаторы и конгрессмены поддержали инициативу коммунистов.

В начале 1982 советская пресса начала прямую атаку на концепцию Верхней границы (и лично на меня) за поддержку идеи космической обороны. С одной стороны, это было лестно, но с другой, демонстрировало огромную тревогу Кремля по поводу того, что Соединенные Штаты могут отказаться от своей ошибочной стратегии и тем самым смешать все советские планы.

Когда президент Рейган в марте 1983 года объявил о переходе к Стратегической оборонной инициативе, Андропов (который занял место Брежнева) снова выдвинул требование объявить "космическое оружие" вне закона. А когда Министерство обороны Соединенных Штатов провело успешное испытание и 10 июня 1984 года сбило летящую в космосе ракету, Черненко (занявший место Андропова) послал советскую делегацию обратно к столу переговоров, чтобы покончить с СОИ дипломатическим путем.

Горбачев энергично продолжает ту же политику. Атаки на СОИ не прекращаются ни на минуту. На многих языках выходят тонкие брошюры, объявляющие "Звездные войны" опасной манией, милитаризацией космоса, скрытой попыткой подготовить ядерный удар по СССР из космоса. В отличие от обычной дешевой продукции советской пропагандной машины, эти брошюры печатаются на глянцевой бумаге, с цветными иллюстрациями. Нет таких угроз или такого умасливания, которые не были бы пушены в ход.

Решимость Советов остановить СОИ любой ценой не может быть объяснена простым сопротивлением американскому техническому прогрессу, который лишает советскую сторону военного превосходства. Главное, что тревожит Кремль, — СОИ разрушают его стратегический замысел. Знаменитый китайский стратег Сюнь-Цзы еще две тысячи лет назад заметил, что наилучшей военной стратегией является та, которая разрушает стратегию противника. Советы понимают лучше, чем кто-нибудь другой, что отход Соединенных Штатов от доктрины Взаимного гарантированного уничтожения и замещение ее доктриной эффективной обороны сделает их стратегию "Первый удар — Третий удар" бесполезной. К сожалению, большая часть населения и даже некоторые деятели в Вашингтоне не в силах увидеть этот ключевой момент.

Возможно, тревога, вызываемая у Советов проектом СОИ, имеет даже более глубокие корни. Они предвидят, что научные и инженерные усилия по созданию космической обороны приведут к мощному техническому скачку. Они боятся, что все сообщество развитых стран свободного мира поднимется на новый уровень в военной и экономической сфере, где парализующий эффект марксизма-ленинизма сделает советскую систему не конкурентно-способной. Они знают, что если творческим силам западных ученых и инженеров будет дана возможность реализовать себя на полную мощь, КГБ не сможет воровать научные секреты достаточно быстро, чтобы спасти СССР от отставания.

Если СОИ выйдет из стадии исследований и начнется развертывание системы в космосе, Советы увидят пугающую картину: космический капитализм, процветающий на том месте, где они мечтали создать околосреднее Социалистическое море.

ПРОТИВНИКИ ПРОГРАММЫ

Как было указано в предыдущей главе, руководство Советского Союза имеет весьма веские причины для того, чтобы противодействовать программе СОИ всеми имеющимися средствами. Гораздо труднее понять и объяснить громогласную оппозицию новой стратегии, возникшую в некоторых кругах американского общества и в других странах свободного мира.

Внутриамериканская оппозиция исходит в основном от четырех групп: от тех, кто подарил нам МЭД, доктрину о невозможности обороны; от бюрократов, видящих в СОИ угрозу своим вотчинам; от тех, кто рассматривает СОИ как угрозу ядерному замораживанию; от тех, кто автоматически занимает позицию "против консерваторов", сторонников Рональда Рейгана. Эти группы включают в себя активистов "борьбы за мир", левых радикалов, ученых, настроенных против ядерного оружия и оборонных усилий, левых демократов и газетно-журнальных умников. Самыми честными среди отвергающих являются те, кто просто настолько сжился с доктриной Взаимного гарантированного уничтожения, что начал считать эту странную идею каким-то неизменяемым законом природы, чем-то, что человеку переделать не под силу.

Представителем группы, атакующей стратегию Верхней границы только потому, что она отрицает доктрину МЭД, является создатель этой доктрины, бывший министр обороны Роберт Макнамара. Отвергающих из бюрократического аппарата назвать нелегко; они обычно упоминаются в газетах как "чиновник, который предпочел остаться неназванным", или "хорошо осведомленные правительственные круги", поносящие СОИ. Левых борцов за мир и ядерное замораживание представляют "Союз озабоченных ученых", "Фонд сближения между Востоком и Западом" и Джейн Фонда. Чисто политическую оппозицию всему, что поддерживает Рональд Рейган, составляют круги либеральной прессы.

К какой бы группе ни принадлежали отвергающие (а некоторые принадлежат сразу к нескольким), их возражения с течением времени сгруппировались в несколько главных формулировок.

В самом начале, еще до того как президент выступил в поддержку доктрины СОИ, наиболее активно выступали против нее чиновники. Некоторые отделы Министерства обороны противодействовали особенно рьяно.

Прилежные бюрократы из Управления по контролю за вооружениями, из Государственного департамента и военных ведомств в течение пятнадцати лет трудились над тем, чтобы усовершенствовать политику и программы, направленные на поддержание доктрины МЭД. Когда группа Верхней границы бросила вызов этой доктрине, много горшков было побито в Вашингтоне. Принять идеи Верхней границы означало принять что-то новое – а нет такой бюрократии, военной или гражданской, которой это было бы по вкусу, – означало необходимость признать, что больше десяти лет они распахивали не то поле. Неудивительно, что некоторые чиновники в правительственном аппарате начали искать возможностей очернить новую стратегию, а не путей поддержания ее.

За пределами правительственных кругов идеи Верхней границы не только не вызвали оппозиции, но скорее получили массовую поддержку. Даже либеральные журналисты одобрительно описывали оборонные предложения, связанные с новой стратегией. Все резко изменилось, когда в поддержку Верхней границы выступил президент Рейган. Это был ясный сигнал, что Верхняя граница является идеей "консервативной"; и пресса реагировала соответственно.

Что касается руководителей "движения за мир", они парили в идеях ядерного замораживания и не обращали внимания на концепцию Верхней границы. Прошло около года с речи президента, произнесенной 23 марта 1983 года, прежде чем они сообразили, что СОИ убивает замораживание. После этого все дула были повернуты на новую стратегию, которую они решили называть "Звездные войны".

Откуда бы ни исходили возражения – от Советов, от бюрократов, от прессы или от левых, – все они так или иначе падают под какую-нибудь из следующих формулировок:

- 1) Защита против советских баллистических ракет неосуществима.
- 2) Советы без труда прорут любую оборону.
- 3) Программа "Звездных войн" стоит непомерных денег, а именно триллион долларов.
- 4) СОИ уничтожит договор ПРО и все надежды на контроль за вооружениями.

5) СОИ задумана как защита для ракет — не для людей.

6) Вся затея представляет собой замаскированную попытку милитаристов и Рональда Рейгана создать ситуацию, при которой можно будет безнаказанно напасть на Советский Союз; все разговоры об обороне — чистый камуфляж.

7) Программа "Звездных войн" ведет к милитаризации космоса и по сути означает размещение в космосе ядерного оружия.

Если прочесть этот список возражений внимательно, можно обнаружить явные противоречия. Неясно, выступают ли отвергающие против СОИ потому, что она неосуществима или потому что осуществима? Если оборона невозможна, какой смысл тревожиться о дестабилизации наших отношений с Советами, которая может оказаться следствием СОИ? И каким образом подсчитываются расходы на "неосуществимую" оборонную систему?

Противоречия эти возникают потому, что оппозиция СОИ имеет политический характер. Большинство аргументов, опирающихся на дороговизну или технические трудности, являются лишь маскировкой все той же приверженности доктрине МЭД, которая рассматривает ядерный шантаж как статус-кво. Для тех, кто связал свою политическую, университетскую или журналистскую карьеру с утверждением, что единственный выход из ядерной дилеммы — приспособление к Советскому Союзу путем переговоров о контроле за вооружениями, мысль о перемене стратегии невыносима. Им *нужна* доктрина МЭД для достижения их политических целей.

Мало кто из противников СОИ решится признать, что они по сути отстаивают основанную на идее мести, целиком связанную с идеей ядерного удара доктрину МЭД. Некоторые из сторонников ядерного замораживания, видимо, даже не сознают, что они одновременно поддерживают доктрину МЭД, которая навеки оставляет их лицом к лицу с тем, чего они больше всего боятся, — шатким равновесием взаимного ядерного шантажа.

Большинство отвергающих не защищают МЭД, не говорят, что эта стратегия лучше безъядерной СОИ, но утверждают, что СОИ не спасает нас от МЭД или что она является просто ее *продолжением*. Они предпочитают сосредоточиваться на побочных вопросах — техники, стоимости, советской реакции, предпочитают создавать уязвимые муляжи — например, непроницаемую оборону — и затем нападать на них, лишь бы не сознаться вслух, что они поддерживают тот самый ядерный шантаж, с которым призывают бороться.

Попробуем внимательно рассмотреть эти возражения и перечислить контраргументы Верхней границы.

От советских баллистических ракет нет защиты.

Это возражение за последние годы сильно поблекло, его редко доводится слышать в честном споре. Ни один влиятельный деятель не станет сегодня утверждать, что создание космической обороны технически невыполнимо. Даже ученые, выступающие против СОИ, признают осуществимость программы с технической точки зрения. Споры идут о том, насколько совершенной она окажется и что могут предпринять Советы для того, чтобы прорвать оборону.

Когда слышишь разговоры о том, что "Звездные войны" неосуществимы, всегда где-то мелькнет вводная фраза типа "чтобы создать безупречную оборону" или "для строительства непроницаемой оборонной системы". Конечно, о таком техническом совершенстве говорить нет смысла. Ни один защитник СОИ никогда не обещал создать непроницаемый щит, поэтому в данном случае отвергающие спорят с пустотой.

Одним из первых аргументов в пользу технической выполнимости СОИ явился тот факт, что двадцать лет назад мощная группа ученых и инженеров пришла к выводу: космическая оборонная система осуществима. Эта группа была создана в 1959 году президентом Эйзенхауэром именно с целью разработки систем защиты от межконтинентальных ракет. К середине 1962 года коллективу ученых и инженеров был придан вспомогательный персонал, так что в общей сложности проблемой занималось пять тысяч человек. Эта группа пришла к заключению, что к 1970 году, затратив 30 миллиардов долларов, можно создать базирующуюся в космосе, неядерную, основанную на использовании кинетической энергии оборонную систему. Такой вывод следует признать знаменательным, если учесть, что доступные в те времена компьютеры были довольно примитивными. Они использовали катоды и диоды, вследствие чего конструируемые спутники должны были бы весить раз в десять больше тех, которые предполагается использовать в проекте Верхней границы. Единственной доступной тогда ракетой-носителем была ракета "Сатурн", впоследствии доставившая наших космонавтов на Луну. Предполагавшаяся в те времена долговечность спутников была равна восемнадцати месяцам, в то время как сегодня

нышние спутники могут оставаться на орбите до пяти лет. Группа ДОД не имела доступа к данным о размещении советских баллистических ракет просто потому, что в то время их пусковые шахты еще не были построены. Она предсказывала (и оказалась права), что технические возможности обработки необходимых данных будут возрастать, а вес соответствующей аппаратуры и стоимость запуска на орбиту одного фунта груза будут уменьшаться.

Кто-то, конечно, возьмется доказывать, что группа ДОД состояла из мечтателей, рисовавших вилами по воде. Но репутация людей, входивших в этот коллектив, говорит против подобного суждения. Правда состоит в том, что уже двадцать лет назад талантливые и энергичные инженеры знали, как создать оборонную систему на Верхней границе. Этот факт должен быть укором современным технократам в государственных учреждениях, имеющим на вооружении гораздо более развитую технику и обладающим точным знанием о размещении советских ракет, но в то же время выражающим сомнение в осуществимости программы СОИ.

В течение последних лет Соединенные Штаты провели испытания основных элементов системы, необходимых для создания космической обороны. 10 июня 1984 года ракета, несущая пустую боеголовку, была запущена с военно-воздушной базы Вандерберг в Калифорнии. Примерно 20 минут спустя с испытательного полигона на атолле Кваджалейн в Тихом океане был запущен перехватчик.

Находясь примерно на высоте 100 миль в космосе, перехватчик обнаружил боеголовку на фоне холодного космического пространства, приблизился к ней и развернул металлическую сеть примерно 15 футов в диаметре. Затем произошло столкновение. Оба тела разлетелись на миллионы мелких кусочков.

Впоследствии инженеры доложили, что в сетке не было необходимости, потому что перехватчик ударил прямо в боеголовку. "Мы попали пулей в пулю", — сказал один из них. И это тем более поразительно, что в эксперименте перехватчик был намеренно сбит с курса на 20 миль. Датчики, установленные на его борту, исправили ошибку и вывели перехватчик на прямое столкновение с боеголовкой. Никакого взрывного устройства не понадобилось. Боеголовка была разрушена одной силой столкновения, то есть за счет той самой кинетической энергии, которую предлагали использовать основатели Верхней границы. Это испытание пробило первую брешь в стене, воздвигнутой сторонниками

лозунга "оборона невозможна", наглядно продемонстрировало, что боеголовки можно успешно сбивать в космосе.

1 июля 1986 года министр обороны Каспар Уайнбергер доложил о еще одном успешном испытании оборонной ракетной системы, использующей кинетический принцип. В этом испытании баллистическая ракета среднего радиуса действия (такие ракеты нацелены на наших союзников и на наши войска за океаном) была уничтожена оборонной ракетой, запущенной с Земли. Мы снова сбили пулю пулей.

За два года работы над СОИ прогресс был поразительным. Причем не только в сфере уже имеющейся техники, такой как кинетические системы, предлагавшиеся Верхней границей, но и в сфере лазерных систем. Ученые и инженеры, работающие над программой СОИ, создают успешно действующие модели быстрее, чем противники программы успевают придумывать новые возражения и доказательства неосуществимости системы.

В 1985 году было высказано утверждение, что "компьютеры не могут справиться с задачами СОИ". С этим заявлением выступил "один из ведущих специалистов мира по компьютерам", доктор Дэвид Парнас. Парнас присутствовал только на одном заседании комиссии Министерства обороны, рассматривавшей проблемы использования компьютеров для СОИ, быстро уволился и публично объявил о том, что проблема неразрешима. (Эта акция, направленная против СОИ, быстро вознесла его в ранг "мирового эксперта". Другие специалисты, которые не согласились с ним и продолжали работу, никогда не были так превознесены прессой.)

Парнас предупреждал, что СОИ потребует применения компьютеров, способных делать миллиард операций в секунду! Но чего Парнас (этот великий эксперт) не знал, был тот факт, что Соединенные Штаты уже в начале 1970-х запускали в космос компьютер, способный делать 1,2 миллиарда операций в секунду, а в Пентагон уже были привезены для сборки части компьютера, способного производить 10 миллиардов операций.

Генерал Джеймс Абрахамсон, который возглавлял Управление СОИ с момента его основания, упомянул об этой проблеме в речи 1 июля 1986 года. Он сказал: "Техническая часть программы СОИ не представляет серьезных трудностей. Это, конечно, не пустяк, но с ней справиться можно. Политическая часть — вот в чем проблема. Если мы не создадим космическую оборону, это произойдет не потому что задача нам не под силу. Это случится потому, что народ будет не в силах осознать ее важность

или потому, что мы не сохраним решимость”. Сказано немного неловко, но абсолютно верно.

Проблема не в технике — только в политике.

Советы без труда прорвут любую оборону.

Будучи всерьез озабочены безопасностью космических кораблей, члены группы Верхней границы уделили анализу этой проблемы больше времени и сил, чем другим. Наш подход заключался в том, чтобы мысленно противопоставить оборонную космическую систему любой возможной угрозе — от разбрасывания песка на пути спутников до воображаемых советских аппаратов, использующих лазерное оружие. Мы обсуждали возможность нанесения удара по нашим спутникам как в военное, так и в мирное время. И хотя, вне всякого сомнения, мы не пришли к выводу, что наша система неуязвима, нам не удалось обнаружить никакого имеющегося советского оружия, которое могло бы вывести оборонную систему из строя. Каждой угрозе можно было противопоставить комбинацию технических контрмер или соответствующих маневров космических кораблей. Кроме того мы обнаружили, что те же контрмеры могут заметно снизить уязвимость американских спутников, уже находящихся в космосе, которые так важны для нашей безопасности.

Если рассматривать оборонные спутники по отдельности, их выживаемость по отношению к советской угрозе выглядит с технической точки зрения довольно блекло. Однако если брать всю систему в комплексе, ее способность противостоять нападению оказывается во много раз выше. Система ГОБР, предложенная Верхней границей, намного превосходит другие системы по выживаемости благодаря многочисленности спутников, их относительной простоте и их способности защищать друг друга от прямой атаки. В этом плане, большое число аппаратов, использующих кинетическую энергию, имеют значительное преимущество перед аппаратами, несущими лучевое оружие, ибо последние не могут быть запущены в таком же количестве.

Но главным аргументом в пользу создания космической обороны остаются соображения стратегического порядка. Главная стратегическая задача такой обороны — предотвратить внезапный удар советских ракет. Целью в данном случае является не выживание спутников, не защита от советского удара возмездия и не устранение советской ракетной угрозы. Если постоянно

напоминать себе об этом, станет ясно, что даже если Советы когда-нибудь изобретут оружие, способное пробить брешь в космической обороне достаточную для запуска ракет дальнего действия, они не могут рассчитывать на то, что их внезапный удар окажется успешным. Они будут знать, что после атаки на нашу космическую оборонную систему наши ракеты не станут дожидаться уничтожения на земле. Таким образом если кто-то доказывает, что успешная советская атака на нашу космическую оборонную систему осуществима, это отнюдь не снимает необходимости создавать оборону — именно для того, чтобы предотвратить внезапный советский удар.

Не следует также забывать, что многие из перечисляемых советских систем, которые можно было бы использовать против ГОБР-1, требуют длительного времени и крупных капиталовложений. Например, одно из исследований рассматривало возможность того, что Советы сосредоточат большое число своих ракет дальнего действия на небольшом пространстве, чтобы "пробуровать" нашу космическую оборону. Конечно, физически это возможно. Но советские стратеги должно хорошенько подумать, прежде чем решиться на такое. Стоить это будет дорого, а займет лет десять. И опять же, внезапный советский удар будет отсрочен надолго.

В 1983 году, вскоре после мартовской речи президента, "Союз озабоченных ученых" выпустил работу, показывающую, каким образом Советы могут "легко" преодолеть космическую оборону. Доктор Ястроу, видный физик и основатель Годдардовского космического института, разбил их построения в своей книге "Как сделать ядерное оружие устаревшим". Он проделал это настолько доказательно, что больше эти так называемые "простые" советские контрмеры даже не упоминаются противниками СОВ.

В аргументах отвергающих используется двойной стандарт при описании советских технических возможностей. Когда было предложено создать противоспутниковое оружие, потому что советские уже имели его, отвергающие стали говорить, что советская техника никуда не годится. Их противоспутниковое оружие описывалось как "примитивное", "ненадежное" и "малоэффективное", вопреки тому, что работа над ним велась 15 лет и оно уже было испытано. Когда же дело доходит до описания техники, которую Советы применяют для уничтожения нашей космической обороны, отвергающие расписывают ее как чудо технического совершенства.

Если Соединенные Штаты примут твердое решение создать оборону на Верхней границе, можно смело утверждать, что наша техника далеко обойдет советские попытки создать эффективную систему, способную пробить эту оборону.

Программа "Звездных войн" стоит непомерных денег, а именно триллион долларов.

Никто не знает точно, сколько такая оборонная система будет стоить, но представляется сомнительным, чтобы она стоила больше, чем, например, неудачная благотворительная программа производственного обучения, принятая в 1979 году. Эта программа стоит нам 12 миллиардов в год, что составляет около 5% государственного бюджета Соединенных Штатов.

Было бы неплохо, если бы можно было заплатить всего лишь 5%, добавив их к оборонному бюджету, за возможность защитить страну от ядерного удара. Но на самом деле увеличивать военный бюджет даже не понадобится. Наоборот, бюджет можно будет сокращать, по мере того как космическая оборона будет вводиться в строй.

Ведь существует очень много дорогих программ, направленных на поддержание стратегии контр-удара, в которых отпадет нужда, если мы окажемся способны защитить себя от ядерной атаки.

Так например, имеется проект размещения ракет МХ, именуемый "авто-трек", предложенный правительством Картера. Он стоил бы от 60 до 80 миллиардов долларов. Он подразумевал строительство 200 дополнительных ракет МХ — по цене 350 миллионов за ракету.

Позднее правительство Рейгана предложило разместить 100 ракет МХ компактным пучком, что стоило бы примерно 36 миллиардов.

Из этих расходов только 20% предназначалось на создание самих ракет. Остальное представляло собой стоимость строительства укрытий, необходимых потому, что у Соединенных Штатов не было защиты против советских ракет!

Это лишь короткий перечень дорогих программ, в которых отпадет нужда или которые будут стоить дешевле, если мы построим Космический щит. Оборона стоит дешевле, чем незащищенные наступательные системы.

Конечно, оборонные спутники Космического щита будут

недешевы. Стоимость наших спутников, находящихся сейчас на орбите, колеблется от 50 до 250 миллионов долларов, в зависимости от их сложности и удаленности от Земли.

Но, как я уже указывал, эти спутники строились по индивидуальным проектам, к ним нельзя было применить методы серийного производства. Редко когда изготавливалось три спутника одной модели.

Если мы решим построить 500 оборонных спутников одного типа, стоимость производства резко снизится, она будет равна примерно 40 миллионам за один аппарат. В сумме это составит 20 миллиардов долларов — цена немалая даже для правительства Соединенных Штатов, — но она гораздо меньше тысячи миллиардов (одного триллиона) о которой говорят противники СОИ.

Если один спутник ценой 40 миллионов собьет всего лишь одну ракету стоимостью 350 миллионов, соотношение цен окажется в нашу пользу. Но каждый спутник будет спроектирован таким образом, чтобы сбивать несколько ракет или их боеголовок.

Именно поэтому высказываемое мнение о том, что Советы просто преодолеют космический щит, построив больше ракет, является ложным. Мы сможем запускать больше оборонных спутников и они будут стоить нам меньше.

Когда вы просуммируете предполагаемые выигрыши в затратах на оборону с экономическими преимуществами оборонных установок перед наступательными, финансовый баланс Космического щита окажется явно положительным.

Когда же вы добавите сюда еще огромный стимул, которым явится строительство космической обороны для нашей техники, вы поймете, что СОИ выгодно не только стратегически, но связано также с блестящими перспективами развития экономики.

Позвольте мне привести выдержку из отчета, выпущенного в марте 1986 года компанией "Бизнес-коммуникейшен":

Влияние СОИ не будет ограничено пятью годами исследовательских работ. В сфере сложной техники возникнет масса новых возможностей, как связанных непосредственно с СОИ, так и использующих технические открытия, сделанные побочно.

Потенциал коммерческих возможностей, вызванных к жизни новой программой, представляется огромным.

По оценкам нашей компании, активизация национальной экономики, связанная с СОИ, будет колебаться в диапазоне от 5 до 20 триллионов долларов. Например, одни только исследования новых датчиков приведут к созданию новых отраслей техники с общим объемом продаж равным примерно 190 миллиардам.

Огромный потенциал технического развития, связанный с СОИ, может сделать Соединенные Штаты лидирующей страной в сфере сложной техники. Эта угроза в значительной мере подталкивает некоторые круги в других странах выступать против СОИ. За границей, в том числе и в Советском Союзе, очень озабочены теми потенциальными возможностями, которые таит в себе программа СОИ в сфере развития сложной техники. Многие страны уже поняли, что СОИ не остановить, и они не хотят отстать от Америки на этом пути. В результате несколько европейских стран и Япония выражают желание принять участие в научно-технических разработках. Великобритания уже подписала Меморандум взаимопонимания, другие страны тоже выражают серьезную заинтересованность. Компания "Бизнес-коммуникэйшен" считает, что иностранное участие будет ограничено по причинам экономического, оборонного и технологического порядка. Заморское участие будет достаточно активным, чтобы обеспечивать поддержку СОИ, но оно не будет угрожать лидерству Соединенных Штатов в этой сфере. Развитие сложной техники может привести к таким грандиозным переменам, которые сравнимы только с переменами, принесенными Промышленной революцией.

Таким образом, мы видим, что экономические аргументы отвергающих не имеют под собой основания. Часто используемая ими цифра "триллион долларов" не опирается ни на какие конкретные исследования. Впервые она возникла в докладе "Союза озабоченных ученых", направленном против СОИ, который ныне уже повсеместно дискредитирован. Сами авторы признают, что цифра эта была взята из воздуха.

Стратегия, предлагаемая Верхней границей, не только позволит нам сократить военный бюджет, но и принесет огромные выгоды благодаря технико-экономическому скачку в сфере сложной техники. Со всех точек зрения, СОИ — выгодная сделка.

*СОИ уничтожит договор ПРО и все надежды на договор
о контроле за вооружениями.*

В соответствии с доктриной МЭД, главной целью Соединенных Штатов на переговорах о контроле за вооружениями является поддержание ядерного баланса страха. Если бы, как предлагает Верхняя граница, стратегией Соединенных Штатов стало не стремление к равным возможностям разрушения, а стремление к равным возможностям обороны, то есть к Взаимному гарантированному выживанию, наш подход к проблеме должен был бы измениться.

Сама идея Верхней границы уже представляет собой по сути элемент контроля за вооружениями, причем эффективного контроля. Она останавливает рост ядерной угрозы, делая ядерное оружие менее результативным. По мере развития новой техники, самое грозное современное оружие — баллистические ракеты дальнего радиуса действия — изымается из категории "оружия, от которого нет защиты".

Это — реалистический подход к контролю за вооружениями, проверенный историей. Когда-то арбалеты считались изобретением Дьявола, и делались серьезные усилия объявить это оружие вне закона, к чему привлекалась даже католическая церковь. Однако все эти попытки провалились; только улучшение качества стальных доспехов сняло угрозу арбалетов. В начале 1900-х годов появился другой вариант "неотразимого оружия", созданного благодаря успехам индустриальной революции — линкор. Старательно разрабатывались и формулировались международные соглашения, ограничивающие численность линкоров, но все они провалились. Государства перестали строить линкоры лишь тогда, когда развитие авиации сделало их уязвимыми.

Сегодня любой дипломат может подготовить справедливое и легко контролируемое соглашение с Советами об использовании арбалетов и линкоров. Но даже самые искусные дипломаты не смогут выработать эффективное соглашение о ядерных баллистических ракетах до тех пор, пока новая техника не начнет переводить это оружие в разряд устарелого. Сегодняшние советские тенденции в создании мощного арсенала ракет дальнего действия ясно показывают, что при отсутствии противоракетной защиты у Соединенных Штатов и их союзников этот арсенал является фундаментом всей их военно-стратегической политики. Поэтому-то, с советской точки зрения, число и качество

этих ракет не подлежит обсуждению. И это положение дел будет продолжаться до тех пор, пока Соединенные Штаты не создадут оборонную систему, лишаящую Советы возможности успешно нанести внезапный удар по нашим ядерным силам.

Главенствующее положение ракет дальнего действия в военном мышлении обеих сторон и трудности проверки на местах делают перспективы заключения эффективного соглашения о контроле за вооружениями весьма бледными. Збигнев Бжезинский, который в годы правления президента Картера пытался достичь такого соглашения, недавно выразился очень красноречиво. "Контроль за вооружениями, — сказал он, — приобрел характер фетиша".

Первоначально целью контроля за вооружениями было усиление безопасности Соединенных Штатов и свободного мира. Предполагалось, что контроль этот создаст "равновесие страха", обеспеченное ограниченным числом ядерных ракет невысокой точности с обеих сторон, нацеленных на беззащитные народы другой стороны. За всем этим стояло горячее желание Соединенных Штатов сэкономить деньги. Казалось, что благодаря договорам СОЛТ Соединенные Штаты будут избавлены как от дорогостоящих расходов на стратегическую оборону, так и от необходимости модернизировать свое наступательное ядерное оружие. Побочным продуктом контроля за вооружениями должен был стать "климат доверия" между кремлевскими лидерами и руководителями свободного мира, который каким-то образом ослабит враждебность, созданную претензиями советского марксизма-ленинизма на мировую гегемонию.

Ничего этого не произошло. Подход Соединенных Штатов имел шанс на успех только при условии, что *обе* сверхдержавы примут доктрину Взаимного гарантированного уничтожения. Советы отвергли эту доктрину вполне недвусмысленно, справедливо окрестив саму идею "буржуазной наивностью": "буржуазной", потому что исходным импульсом было желание сэкономить деньги, "наивностью", потому что она призывала оба народа отказаться от самозащиты, а от Советов еще и требовала отказа от значительной части марксистских заповедей.

В результате возникла ситуация, диаметрально противоположная первоначальным целям Соединенных Штатов. Советы затратили огромные средства и создали мощный арсенал ядерных ракет дальнего радиуса действия, способных нанести внезапный удар. Например, лишь за последние пять лет они выпустили 5000 боеголовок для ракет ИСВМ. Такие же средства затратили

они и на создание стратегической обороны, нарушая договор ПРО, когда им это было нужно. Вместо того чтобы сэкономить деньги, опираясь на стратегию МЭД и договоры СОЛТ, Соединенные Штаты пришли к ситуации, при которой дальнейшее следование программе "только наступательное оружие" оказывается чудовишно дорогостоящим. Сюда входят стратегические бомбардировщики, каждый по 250 миллионов долларов, которые должны находиться в воздухе, чтобы уцелеть в случае внезапного удара, а также баллистические ракеты по 350 миллионов, которые еще требуют дорогостоящих подземных пусковых площадок, чтобы их не могли поразить советские ракеты, ныне достигшие высокой точности. Но хуже всего то, что камень, положенный в основание всех усилий Соединенных Штатов по достижению контроля за вооружениями, договор ПРО, привел к положению, когда мы совершенно беззащитны перед внезапным ударом, в то время как у нас была техника, которая могла бы избавить нас от этой опасной ситуации.

Наконец, кто может утверждать, что все наши усилия привели к созданию "климата доверия"? Советы использовали привязанность Соединенных Штатов к доктрине МЭД и договорам СОЛТ для того, чтобы создать мощные ракетные силы, явно предназначенные для нанесения внезапного или опережающего удара. По мере того как эти силы росли, Москва делалась все *более* воинственной и неуступчивой. Стремительное развитие техники и упрямая привязанность Советов к идее мирового господства разбили на мелкие куски логику и надежды конца 1960-х на эффективный контроль за вооружениями. Остался один символ — фетиш, лишенный содержания.

Тем не менее, контроль за вооружениями остается весьма влиятельным фетишем. Любой западный политик вынужден бить поклоны перед этим кумиром. Советские руководители умеют манипулировать его силой, когда это им нужно, как, например, недавно, когда они потребовали начать переговоры о космическом оружии. Несмотря на их возмутительный отказ обсуждать что-нибудь помимо космического оружия, несмотря на требование, чтобы Соединенные Штаты заранее приняли их точку зрения, часть администрации Рейгана готова была капитулировать. Историческая возможность для Соединенных Штатов выбраться из заколдованного круга наращивания наступательного ядерного оружия и перейти к безъядерной оборонной технике почти была брошена к ногам могучего идола.

Это событие, однако, дает надежду на то, что сила идола

идет на убыль. Если бы Советы предложили переговоры о космическом оружии лет пять назад, им, скорее всего, удалось бы захлопнуть эту единственную дверь, оставшуюся нам, чтобы выскочить из западни МЭД, в которую мы сами загнали себя в начале шестидесятых.

Идол слабеет потому, что его верховные жрецы вынуждены защищать морально скомпрометированную доктрину МЭД, до сих пор служившую основанием американских усилий установить контроль за вооружениями. Договор ПРО, хотя и подпорченный советскими нарушениями, остается своего рода священной коровой в глазах тех, кто твердо верит в контроль. Договор этот, сформулировавший обещание Соединенных Штатов не защищать свой народ, потому что стратегическая оборона является "дестабилизирующей и провокационной", не имеет никакого смысла вне доктрины МЭД. Поэтому-то догматики держатся за МЭД, хотя не могут дать никакого рационального объяснения своей приверженности переговорам о контроле, которые в прошлом не принесли никаких результатов. Им следовало бы помнить — но они не хотят — мудрое условие, которое было внесено в договор ПРО покойным сенатором Генри Джексоном: если договор к 1977 году не принесет реальных результатов по ограничению *наступательных* систем, Соединенные Штаты могут считать его недействительным.

До тех пор пока защитники контроля за вооружениями не сумеют отделить договоры от доктрины МЭД, позиция их будет становиться слабее и слабее. Каковы бы ни были достоинства чисто наступательной, исключаящей оборону, доктрины в середине 1960-х, сейчас ее нелегко отстаивать перед лицом советского ударного потенциала. МЭД представляет собой бессмыслицу с военной точки зрения, она может предложить лишь постоянный ядерный кошмар, она идет вразрез с нашими этическими представлениями. Только абсолютно новый подход сулит какое-то будущее контролю за вооружениями. Мы должны вести переговоры о Взаимном гарантированном выживании, а не пытаться продолжать переговоры о Взаимном гарантированном уничтожении. Те, кто стоит за контроль, могли бы сделать первый шаг в этом направлении — поддержать Верхнюю границу и стратегическую оборонную инициативу президента Рейгана. При этом от приверженности старой доктрине следует отказаться.

Как только мы снимем цепи, наложенные на контроль за вооружениями доктриной МЭД, у нас появляются интересные и обнадеживающие перспективы. Разве не могли бы Соединен-

ные Штаты обратиться к руководству Советского Союза с таким примерно предложением:

”Вы, советские лидеры, и ваши предшественники неоднократно утверждали, что у вас нет намерения нанести внезапный удар по Соединенным Штатам и их союзникам. Мы бы хотели верить этому, но, к сожалению, вы создали огромный арсенал ядерных ракет дальнего радиуса действия, обеспечивающих возможность нанесения такого удара. Поэтому мы, Запад, не можем ставить нашу безопасность в зависимость от вашего слова. Мы также озабочены тем, что атомная война может начаться из-за ошибки, в результате случайного запуска баллистических ракет или в результате безумной атаки какой-то из стран Третьего мира.

Мы решили разместить в космосе неядерную оборонную систему, чтобы исключить возможность внезапного нападения. Эта система не может причинить никакого вреда ни одному жителю Советского Союза. Если вы, действительно, не имеете ни малейшего намерения нанести внезапный удар, вы будете рассматривать эту нашу акцию как бессмысленное разбазаривание средств.

Мы, американцы, тоже всегда заявляли, что не имеем намерения первыми наносить удар по Советскому Союзу. Мы считаем, что организация наших ядерных сил подтверждает эти заверения. Однако вы, Советы, не обязаны верить нам на слово и, возможно, предпочтете опираться на собственную силу.

В этом случае мы предлагаем вам создать такую же неядерную оборону, какую мы предполагаем разместить в космосе. Мы полагаем, что ваш технический уровень позволяет вам осуществить это. Если нет, мы готовы объяснить вашим ученым, инженерам и военным, как это нужно делать. И это не простодушное бескорыстие. Дело в том, что мы ничего не имеем против того, чтобы у Советского Союза появилась возможность отразить внезапный удар, а возможность предотвратить случайное развязывание войны настолько же в наших интересах, как и в ваших.

Мы предлагаем заключить соглашение между Соединенными Штатами и Советским Союзом, по которому обе стороны получают право размещать в космосе столько

оборонных систем, сколько каждая чувствует необходимым для защиты своей территории от удара ядерными ракетами дальнего радиуса действия. Мы также выработываем условия проверки того, чтобы эти системы оставались чисто оборонными — задача относительно несложная, потому что эти системы невозможно спрятать от наблюдателей другой стороны.

Мы предлагаем далее, чтобы сразу после размещения оборонительных систем, началось резкое сокращение ракет дальнего радиуса действия с обеих сторон. Если эти ракеты строились в таком большом количестве из опасения, что многие из них будут уничтожены внезапным ударом, эти опасения должны быть сняты оборонительными системами; следовательно можно будет обойтись гораздо меньшим числом ракет. Если число ракет увеличивалось в расчете на нанесение успешного внезапного удара, космическая оборона разрушает эти расчеты; опять же можно обойтись меньшим числом. Каковы бы ни были основания для наращивания ядерного арсенала, создание оборонной системы снимает их. Поэтому давайте вместе выработывать планы сокращения наших арсеналов.”

Сработает ли такой подход? Возможно, нет. Но если Советы откажутся уступить, это будет неопровержимым доказательством для Запада, что возможность нанесения внезапного удара ядерными ракетами дальнего действия является основой их стратегического планирования. Могут ли они так выдать себя? И не послужит ли это убедительным доказательством для всего Западного мира, что одностороннее создание космической обороны было абсолютно необходимо?

Никогда нельзя сказать заранее, какова будет реакция Советов, но существует большая вероятность, что, как только Москва убедится, что Запад всерьез решил создавать космическую оборону, она согласится сделать гарантированное выживание *взаимным* и приступит к переговорам. Во всяком случае такой отход от безуспешных до сих пор усилий по созданию контроля за вооружениями стоит того, чтобы Запад хотя бы сделал попытку осуществить его.

Ученые, инженеры и другие специалисты, составляющие группу Верхней границы, могут гордиться тем, что им удалось разработать план смены стратегии, дающий нам не-ядерный выход

из ядерной дилеммы, стоящей перед нами. Мы не изобретали новой технологии; мы лишь показали, что оборонная система осуществима при использовании уже имеющейся техники. Мы предложили продуманный путь отхода от опасной и провалившейся стратегии МЭД.

Мы призываем сторонников контроля за вооружениями расширить их горизонты и исследовать новые оснаждающие возможности, которые могут оказаться более успешными, чем обанкротившиеся формулы прошлого.

СОИ задумана как защита для ракет – не для людей.

Это стало популярным аргументом противников СОИ. Они пытаются таким образом скрыть свою приверженность доктрине МЭД, которая как раз отказывается защищать жизни американцев. Они пытаются свести на нет моральные преимущества СОИ, уделяющей большое внимание защите населения, ясные всем здравомыслящим людям.

Аргумент по-своему забавен. Сторонники его говорят, что если даже несколько ракет прорвутся сквозь космическую оборону, они причинят чудовищный урон; следовательно, если вы не можете обеспечить идеальной обороны, вы не можете выставить СОИ как меру защиты населения. По сути они говорят, что 10 прорвавшихся ракет представляют такую же опасность для населения, как и 1000 ракет, поражающих нашу территорию в случае отсутствия обороны.

Сторонники этого аргумента, похоже, готовы примириться с полным уничтожением страны, которое произойдет если сдерживающий эффект нашего наступательного оружия не работает в какой-то момент. Они предпочли бы *не иметь* сдерживающих сил, базирующихся на обороне, которые могли бы по крайней мере свести разрушение к минимуму. Они говорят, что если людям нельзя обеспечить абсолютную безопасность, их следует оставить абсолютно беззащитными! Для человека рассудительного в таком заявлении мало смысла.

Прежде всего, оборона, предлагаемая Верхней границей, представляла бы из себя сильнейшую сдерживающую силу, способную предотвратить намеренную атаку на Соединенные Штаты и наших союзников, и как таковая и явилась бы лучшим возможным способом спасения жизней. Во-вторых, космическая оборона легко может справиться с одной или несколькими

ракетами, выпущенными по ошибке или запущенными каким-нибудь фанатичным лидером из Третьего мира. И наконец, если сдерживающий эффект не сработает, оборонная система предотвратит тотальное уничтожение страны, которое, в противном случае, произойдет неминуемо.

Космическая система обороны будет стремиться сбить как можно больше ракет, не разбирая, на кого они летят. Если вражеская ракета была нацелена на нашу пусковую шахту, система СОВИ будет защищать нашу ракету. Если перехваченная ракета летела убивать людей, система будет защищать людей. Чем эффективнее оборона, тем больше объектов — ракет или населенных пунктов — будет спасено.

Конечно, если Советы решат нанести удар всей своей мощью по нашим городам, защитить от такого нападения их не удастся. Если весь имеющийся арсенал в 10 000 боеголовок будет предназначен для выполнения такой безумной задачи, несколько сотен ракет прорвутся сквозь оборону и причинят неслыханные потери и разрушения. Но в этом случае ответом на безумный акт будет удар всеми ядерными и неядерными силами Соединенных Штатов и их союзников по Советскому Союзу, который не оставит там камня на камне.

Если бы советское руководство сошло с ума, их нельзя было бы удержать от развязывания атомной войны ни наступательными, ни оборонительными сдерживающими силами. Сама идея сдерживания основана на допущении, что наш противник — в здравом уме.

Но в данном случае речь идет не просто о допущении. Советская ядерная угроза построена на весьма трезвом, хладнокровном, логичном расчете. Нет никакого сомнения, что тысячи боеголовок, наведенные на нашу страну, имеют своей целью не города. Нет никакого сомнения, что число советских ракет продиктовано числом объектов, которые, как они считают, необходимо уничтожить, чтобы нанести ядерный удар *успешный в военном отношении*. Следовательно большинство их нацелено на наши военные базы и установки. Сюда входят, конечно, наши силы ядерного возмездия, но также и другие важные центры гражданского и военного управления.

Не из-за человеколюбивого желания пощадить американских граждан Советы наводят свои ракеты на военные объекты. Удар по этим объектам все равно унес бы миллионы жизней. Но Советы не видят проку в том, чтобы завоевать Америку, в которой останутся только разрушенные города, заполненные

мертвецами.

Таким образом, ударной силой, которой мы должны противопоставить оборонную систему СОВСЕ, является арсенал ракет, предназначенных для нанесения внезапного удара. Когда наша оборона сделает эту ударную силу бесполезной для выполнения поставленной перед ней цели, Советам придется изменить функцию своих ядерных сил, то есть превратить их в силы возмездия: из сил "первого удара" сделать их силами "ответного удара". Они даже могут использовать другие виды оружия, как например низколетящие ракеты и бомбардировщики, чтобы сделать свои силы возмездия более гибкими и разнообразными. И надо отдавать себе отчет в том, что для сил "ответного удара" целями будут скорее всего наши города. Если бы весь советский ядерный арсенал был наведен на наши населенные пункты как угроза "ответного удара", мы бы, действительно, не смогли защитить наше население от такой атаки.

Но нет ничего проще чем предотвратить нанесение ответного удара. Для этого Соединенным Штатам следует лишь не наносить первого удара самим. Однако вообразить, что Соединенные Штаты когда-нибудь осуществят подобную акцию не сможет ни один здравомыслящий человек как на Западе, так и в Советском Союзе. Следовательно, нам не будет нужды опасаться ядерных сил возмездия.

СОВСЕ нацелено на защиту населения: во-первых, тем, что оно приводит вероятность атомной войны так близко к нулю, как это только возможно; во-вторых, предотвращая возможность случайного удара ядерных ракет; в-третьих, ослабляя страшный разрушительный эффект внезапного удара, если таковой будет нанесен вопреки всем мерам сдерживания.

Вся затея представляет собой замаскированную попытку милитаристов и Рональда Рейгана создать ситуацию, при которой можно будет безнаказанно напасть на Советский Союз.

Нужно быть весьма убежденным "анти-рейганистом", чтобы придерживаться этой линии аргументации. Однако она часто используется как Советами, так и левыми политическими кругами в Соединенных Штатах и Европе. По сути они обвиняют во лжи и темных замыслах не только президента и американское правительство, но и значительную часть

Конгресса и всех тех, кто поддерживает программу космической обороны.

Логика строится таким образом: "Все мы знаем, что создать непробиваемую оборону против внезапного советского удара невозможно; поэтому *на самом-то деле* мы собираемся построить оборонную систему достаточно прочную, чтобы помешать бедным Советам нанести ответный удар, после того как *мы* нанесем внезапный удар по ним. Следовательно, СОИ по сути является не обороной, а нападением."

В этой аргументации зияет большая логическая брешь. Ибо используется она теми же людьми, которые говорят, что СОИ не сможет защитить наше население. В свою очередь это означает, что никакой защиты от ответного удара у нас не будет и следовательно Соединенные Штаты не посмеют нанести сами внезапный удар.

Противники СОИ, придерживающиеся этой аргументации, любят цитировать министра обороны Уайнбергера, который сказал, что мы были бы весьма встревожены, если бы Советы никого не спросив разместили в космосе оборонную систему. Так почему же мы удивляемся, когда Советы реагируют точно так же на *наши* намерения построить космическую оборону?

Здесь опять отвергающие не понимают (или отказываются признать), что организация советских ядерных сил указывает на их предназначенность для нанесения внезапного, а не ответного удара. Если бы наши ядерные силы были организованы таким образом, Советы имели бы основания для тревоги. Но и наша декларируемая стратегия, и организация наших ядерных сил нацелены на нанесение только ответного удара; в соединении с космическим щитом они не будут представлять угрозы нанесения внезапного удара. Другое дело, советские ракетные войска.

Те, кто считает, что американский космический щит будет представлять страшную угрозу для Советского Союза, идут дальше в своих диковинных рассуждениях и предсказывают, что реакция Советов может быть отчаянной. Те самые люди, которые высмеивали саму идею, что Советский Союз может использовать свое превосходство в ядерном оружии против нас, теперь утверждают, что Советы нападут на нас, если мы в своем возмутительном поведении дойдем до того, что решим защищать себя.

Каким-то образом вся советская рассудительность и искреннее желание предотвратить ядерную войну – качества, которые, по мнению некоторых, делают Советский Союз достойным доверия партнером на переговорах о контроле за вооруже-

ниями, — должны во мгновение ока испариться, если мы посмеем направить наши ресурсы на самозащиту. Если мы разместим оборонную, неядерную систему, которая не может нанести ни царапины хотя бы одному советскому подданному, характер Советов резко изменится и они начнут Третью мировую ядерную войну.

Программа "Звездных войн" ведет к милитаризации космоса и по сути означает размещение в космосе ядерного оружия.

Космос уже давно милитаризован. Впервые он был использован в военных целях немцами, запускавшими свои ракеты Фау-2, которые несли разрушение и смерть жителям Великобритании в годы Второй мировой войны. Сейчас наиболее распространенным космическим оружием являются потомки ракет Фау-2, баллистические ракеты дальнего радиуса действия, число которых измеряется в тысячах. *Они-то* и являются оружием, милитаризующим космос.

Примечательно, что советские и западные противники СОИ отказываются считать это устрашающее ядерное оружие космическим. Их позиция так же нелепа, как если бы они отказывались называть линейный корабль морским оружием, пока он стоит в порту, или бомбардировщик — частью военно-воздушных сил, пока он стоит в ангаре. Если признать эти ракеты тем, чем они и являются — космическим оружием нападения, то СОИ, ставящая своей целью воспрепятствовать этим ракетам достичь своих целей, должна была бы, по совести, называться методом *демилитаризации* космоса.

Одной из наиболее жульнических тактик нападений на СОИ являются попытки убедить людей в том, что космическая оборонная система использует ядерное оружие. "Союз озабоченных ученых" распространял эту возмутительную ложь при помощи телевизионного ролика, направленного против "Звездных войн". На экране была маленькая девочка, глядящая в небо и читающая "Звездочка, звездочка, подмигни разочек". Одна из звезд срывается с неба и, прежде чем девочка успевает закончить свою считалку, бомба взрывается и стирает ее с лица Земли. "Остановить Звездные войны!" — восклицает ведущий.

Эта бессмысленная фальшивка была прокручена тысячи раз по всей стране. Стратегия ясна. Чтобы возбудить в людях

возмущение "Звездными войнами", пацифисты запрягают своего проверенного конька — страх перед атомной бомбой. Противоядерные группировки следует настроить против СОВ. Но это будет гораздо труднее, если люди узнают, что СОВ не предполагает использование ядерного оружия. Поэтому в дело пускается откровенный обман.

Правда состоит в том, что Верхняя граница с самого начала призывала к неядерному решению проблемы и президент многократно подчеркивал неядерную природу СОВ. Отказ от использования ядерных устройств отнюдь не является уловкой, направленной на успокоение противоатомного движения. Просто создание эффективной космической обороны не требует их, а использование их было бы связано со многими техническими неудобствами.

Отвергающие пытаются доказать, что СОВ наполнит космос атомными бомбами, и ссылаются при этом главным образом на введущиеся исследования по созданию *рентгеновского лазера*. Эта система существует лишь в виде лабораторной модели и она *не включает в себя* атомных зарядов. Взрывное ядерное устройство, имеющееся в ней, используется для генерирования лазерных лучей. Исследования ведутся не Министерством обороны, а Министерством энергетики.

Если даже эти разработки когда-нибудь приведут к военному использованию лазера, в одном можно быть уверенным: он никогда не будет запущен в космос. В этом согласны все активные сторонники его, в том числе доктор Эдвард Теллер. И причина кроется не в том, что рентгеновский лазер представлял бы собой "атомную бомбу" в космосе, а в том, что он был бы там крайне уязвим.

Таковы главные возражения отвергающих, используемые ими на сегодняшний день. Нет сомнения, что появятся и другие. Группа Верхней границы готова будет ответить и на них.

Глава 9 ПЕРСПЕКТИВЫ

Многого удалось достичь за годы, прошедшие с того момента, когда группа Верхней границы выступила со своими идеями, вызвавшими столь ожесточенные дебаты. Но слишком много еще предстоит сделать, а у главного сторонника Верхней границы, Рональда Рейгана, осталось не так уж много времени в Белом доме.

Главные наши цели остаются теми же:

- 1) Изменить стратегию Соединенных Штатов и всего свободного мира и перейти от Взаимного гарантированного уничтожения к сдерживанию противника путем создания эффективной обороны.
- 2) Обеспечить Соединенным Штатам и странам свободного мира свободный доступ в космос, чтобы использовать таящиеся там запасы материалов и энергии на пользу всему человечеству.

Хотя со времени ныне ставшей знаменитой речи президента, произнесенной 23 марта 1983 года, был достигнут значительный прогресс в направлении этих целей, много препятствий еще стоит на пути; случались и серьезные неудачи.

Прежде всего, первоначальная растерянность всех, кто хотел бы воспрепятствовать достижению этих целей — Советов, их вольных и невольных союзников на Западе и всех идеологических противников *любых* усилий Соединенных Штатов по укреплению обороны, — растерянность эта отходит на задний план. Им удалось скоординировать свои действия. Похоже, они убедились, что, пока президент Рейган у власти, СОВИ остановить не удастся. Поэтому применяется тактика задержек и проволочек, которая должна удержать программу СОВИ исключительно на стадии исследований в течение ближайших двух лет.

В эту тактику входит урезание бюджета, торможение или лишение финансовой поддержки именно тех программ СОВИ, которые могли бы принести реальные результаты уже к концу срока президента. Сюда же относится и подогревание интереса к наступательным системам, таким как ракеты "миджитмен" или бомбардировщики "стилф", являющимся конкурентами СОВИ.

Но главные усилия направлены на то, чтобы принести СОВИ в жертву на алтарь контроля за вооружениями. Эта тактика обычно заключается в попытках возродить "ненарушимость" договора ПРО и в призывах принять советское требование о продлении этого договора на 15 лет в обмен на частичное сокращение числа советских ракет. Если этот гамбит удастся, СОВИ будет отодвинута в сферу лабораторных исследований, где она наверняка тихо скончается.

Советские и американские противники СОВИ безуспешно пытались протолкнуть эту сделку в ноябре 1985 года, во время встречи президента Рейгана с советским лидером Горбачевым в Женеве. Летом 1986 года их усилия возобновились и были они организованы еще более умело.

Советы поняли, что для того, чтобы остановить СОВИ, потребуется пряник побольше, а кнут поменьше; и что попытки остановить *исследования* в этой области тщетны. Они пытались смягчить позицию президента, предлагая переговоры об уменьшении числа ракет, ослаблении ракетной угрозы для Европы и даже о контроле на местах.

Некоторые американские умники и политики заглатывают эту наживку. Многие американцы так полюбили "играть с цифрами" в контроле за вооружениями, что предложение уравнивать число разных видов оружия действует почти безотказно. Расхожая мудрость утверждает, что уменьшение числа ядерных зарядов с обеих сторон может существенно изменить стратегическую атомную дилемму, стоящую перед нами. Особенно смешно, когда те же самые люди, которые утверждают, что несколько атомных бомб могут уничтожить мир, с жадностью хватаются за возможность уменьшить ядерные арсеналы, скажем, на 10%.

Те, кого завораживают числовые изменения в ядерном балансе и кто призывает нас пожертвовать всеми возможностями, открываемыми для нас стратегической оборонной инициативой, явно неспособны видеть дальше собственного носа. Их взгляд на эффективный контроль за вооружениями предполагает не только, что ядерные силы Соединенных Штатов и Советского Союза равны, но, хуже того, что и у тех, и у других ракеты заготовлены на случай нанесения *ответного* удара.

Правда заключается в том, что ядерные силы Соединенных Штатов и Советского Союза в корне отличаются друг от друга по своим задачам и организации, а значит конкретное число боеголовок ничего еще не говорит о разрушительных возможностях. Американские ядерные силы предназначены для

того, чтобы выдержать советскую атаку и затем нанести ответный удар; то есть они являются ядерными силами "второго удара". В большинстве своем наши ядерные заряды размещены на подводных лодках и бомбардировщиках, которые не имеют ни достаточной скорости, ни достаточной точности наведения для того, чтобы нанести первый удар по советским ядерным силам.

Советские ядерные силы, напротив, были организованы и нацелены на нанесение опережающего удара по Соединенным Штатам одной частью ракет, с тем чтобы другая часть уцелела после ответного удара американцев или удержала их от нанесения такового; иными словами, ядерные силы Советов представляют собой силы "первого и третьего" ударов. Они имеют на вооружении ракеты быстрого запуска, одна четверть которых (ракеты СС-18) оснащена весьма точными боеголовками, способными нанести эффективный удар по американским силам ответного ("второго") удара через 30 минут после отдачи приказа об открытии огня. Остальные три четверти ракет оставлены для того, чтобы подкрепить первый удар или для того, чтобы удержать президента Соединенных Штатов от ответного удара теми ядерными силами, которые уцелеют на американской территории. Осознание этой ситуации привело к возникновению во времена президента Картера понятия "окно уязвимости".

Вот это-то главное несходство в организации советских и американских ядерных сил и делает просто арифметический подход к проблеме контроля за вооружениями не только глупым, но и опасным.

Нет сомнения в том, что американские силы "второго удара" представляют собой *цели* для советских сил "первого удара". Американские города являются целями для сил "третьего удара". Помня об этом, как нам следует рассматривать предложение Горбачева сократить ядерные силы на 50%, которое было представлено на рассмотрение американской делегации в Женеве?

Прежде всего, о каком бы сокращении ни договорились на переговорах, Советы осуществят его, уменьшив свои силы "третьего удара", которые слишком велики даже по завышенным советским требованиям. Но допустим даже, что они уменьшат на 50% число ракет из группы "первого удара" взамен на такое же сокращение американцами сил ответного удара. Это будет означать, что уменьшенные наполовину советские ядерные силы должны будут поразить наполовину меньшее число

объектов. Стратегическое неравновесие между американскими и советскими силами останется без перемен. Если даже вы будете сокращать на 50% боеголовки, а не ракеты, соотношение останется тем же самым.

Таким образом, если даже допустить, что удастся преодолеть бесчисленные трудности контроля за вооружениями, такие как контроль на местах и жульничество, игра цифрами на переговорах окажется заведомо проигранным делом.

Наш единственный правильный ответ на существующую дилемму лежит в Стратегической оборонной инициативе — не просто в исследованиях, но в осуществлении на деле. Даже не совершенная система космической обороны сможет восстановить ядерное равновесие, потому что тогда получится, что, сколько бы ракет ни имела та или другая сторона, она сможет использовать их только для нанесения ответного удара. В этом случае численное сокращение ракет станет не только разумной, но и достижимой целью. Это произойдет потому, что огромное число ракет советских сил "первого удара" утратит свое значение при наличии космической обороны.

Советы ясно показали, что им вовсе не по душе идея отказаться от возможности нанести "первый удар", ибо эта стратегия до сих пор была весьма успешной. Они побежали обратно к столу переговоров и пустили в дело все пряники и кнуты, какие только были у них в запасе, чтобы побудить нас отказаться от развертывания СОИ. Они даже предлагали сокращения, отлично зная, что их выигрышная стратегия останется неповрежденной, если только им удастся остановить СОИ (как останется неизменной и *проигранный* стратегия Соединенных Штатов). Советы понимают, что их позиция будет выгоднее, если они останутся даже с половиной своих ракет, которым будет обеспечен свободный полет к целям, чем если у них будет вчетверо больше ракет, шансы которых на достижение цели станут весьма неопределенными благодаря космической обороне.

Есть прямой смысл в том, чтобы защищать себя от ядерных ракет, особенно когда это можно сделать неядерными средствами. В чем нет смысла, так это в том, чтобы запретить СОИ выходить за рамки исследований и за это получить от Советов согласие на продление договора ПРО на 15 лет и взаимное сокращение ядерных арсеналов. В лучшем случае такая сделка может лишь обеспечить нам сохранение опасного ядерного неравновесия, но на более низком уровне. Если же мы разместим в космосе оборонную систему, мы вынудим Советов перестроить

их ядерные силы, превратив их из сил "первого-третьего" удара в силы "второго". Только тогда получится, что в нашей сделке с обеих сторон подсчитываются одинаковые ракеты, и мы потому сможем придти к соглашению, что с обеих сторон их набралось многовато.

Тактика торможения СОИ путем урезания бюджетных ассигнований и разговоров о контроле за вооружениями подкрепляется еще двусмысленностью позиции, занятой правительством. Его представители продолжают говорить о СОИ как о чисто исследовательской программе, которая лишь готовит почву для будущего, когда "какой-то будущий президент" примет решение о том, следует ли создавать космический щит. Официальное название бюро, занимающегося СОИ, было изменено с "Исследования и развитие" на "Исследования и технология", ибо "развитие" предполагает, что что-то делается за пределами лаборатории.

Тем не менее программа СОИ уже доказала, что несколько оборонных систем могут действовать достаточно эффективно и что, по крайней мере, два слоя весьма надежной обороны можно начать устанавливать без большого технического риска, или с риском, не превышающим ту ситуацию, когда президент Эйзенхауер приказал строить подводную лодку "Поларис".

Директор "Бюро СОИ" генерал Абрахамсон доложил сенату Соединенных Штатов, что система спутников, использующих кинетическую энергию для поражения целей (вариант того, что предлагала Верхняя граница), может быть запущена на орбиту в течение пяти или шести лет, если будет отдан соответствующий приказ и обеспечено финансирование.

Тем не менее официальное описание СОИ остается "числовые исследования". Это дает конгрессу предлог для урезания бюджета СОИ. А почему бы и нет, если результатов следует ждать не раньше, чем через 20 лет? Это дает сторонникам контроля за вооружениями обоснование их намерений выторговать у Советов сокращение числа ракет за отказ от СОИ. А почему бы и нет? Если это просто исследования, которые могут принести результаты через 20 лет, а могут и не принести, разве не будет полезнее сегодня пожертвовать ими ради уменьшения советского ядерного арсенала? Это дает сторонникам наращивания наступательного оружия в Пентагоне обоснование их требований, чтобы существующая стратегия сохранялась неизменной. Почему бы и нет? От СОИ ждать нечего раньше, чем через 20 лет, а между тем новые бомбардировщики, ракеты, подводные лодки

и прочее нам нужны уже сегодня.

Повторяющееся раз за разом упоминание "чистых исследований" подбадривает противников СОИ всех мастей. Это также обескураживает тех, кто поддерживает основную идею. Конгрессмены, включившие космический щит в свою программу, и массы рядовых избирателей, выступающих за него, имеют в виду не бесконечные исследования; они хотят, чтобы страна снова обрела способность защищать себя.

Почему же официальная позиция остается "только исследования"? Это является результатом политического и бюрократического давления. С бюрократической стороны действует сопротивление любым переменам. С политической — горячее желание левого крыла *обеих* главных партий получить поддержку все еще влиятельного "движения за мир". Это политическое направление особенно противится возможности, что такой консерватор как Рональд Рейган окажется человеком, который не только укрепил нашу безопасность, но и вырвал нас из-под давления ядерных качелей.

Эти силы пришли в движение *после* того, как президент объявил о своем намерении использовать возможности Верхней границы. К сожалению, сделав это заявление, президент позволил *противникам* своего взгляда объяснить, что он имел в виду. Бюрократия немедленно выдвинула требование безупречного совершенства щита, а политическая оппозиция и часть правительственного аппарата потребовала, чтобы программа не повредила договору ПРО.

Силы эти победили, и СОИ была переведена на статус исследовательской программы. Давление противников идеи было подкреплено и пожеланиями ученых, которые предпочли бы *исследовать до бесконечности*, потому что результатом будут миллионы долларов, текущие в лаборатории.

Серия катастроф, случившихся за последнее время при запуске космических аппаратов, тоже омрачила перспективы СОИ и Верхней границы, отодвинула возможности максимального использования космического пространства для мирных целей.

Между августом 1985 и августом 1986 восемь космических запусков, осуществлявшихся странами свободного мира, закончились полной катастрофой. В августе 1985 вскоре после запуска взорвалась ракета "Титан", запущенная с военно-воздушной базы в Ванденбурге, штат Калифорния, и несшая очень важный разведывательный спутник. Потом взорвался челнок "Челенджер" с семью космонавтами на борту. Затем еще один

”Титан”, тоже несущий разведывательный спутник со сложной аппаратурой, взорвался над той же базой в Ванденбурге. Потом потерпела неудачу ракета ”Найк-Орион” после старта в Уайт-Сэндс, Новая Мексика. Далее последовали катастрофы ”Дельты” над Кэйп-Канаверал, французского ”Ариана”, американского ”Эриза” и ”Минитмена”.

На сегодняшний день космические программы Соединенных Штатов и их союзников застопорены. В то время как мы терпели неудачу за неудачей, Советы осуществили 42 успешных космических запуска, включая запуск космической станции ”Мир” с экипажем на борту. Согласно солидной английской аналитической фирме, американцы, до этого лидировавшие в освоении космоса, оказались лет на 10 позади Советского Союза.

Объяснения, даваемые этим катастрофом, как официальные так и неофициальные, крайне неудовлетворительны. Первым делом обвиняют в головоутиастве НАСА, и для этого есть основания. Однако три взрыва случились с ракетами американских военно-воздушных сил и с французским кораблем. Можно ли поверить, что *все* эти организации были одновременно поражены эпидемией разгильдяйства? Маловероятно.

Эту невероятную цепь катастроф нельзя приписать и чистой случайности. Имея в виду, что до этого года аварии после запуска космических аппаратов были крайне редки, математическая вероятность того, что они случатся семь раз подряд равна одной миллиардной! Это все равно, что при игре в кости вы бы выбросили ”одиннадцать” 30 или 40 раз подряд. Если бы подобное случилось в игорном доме, можно не сомневаться, что задолго до тридцатого раза администратор захотел бы проверить ваши игральные кости.

Поэтому-то здесь нельзя исключить *злой умысел*. Внезапная вспышка профессиональной непригодности в трех разных организациях слишком маловероятна; простое совпадение идет против математической логики; очень похоже на то, что мы имеем дело с вмешательством человеческой воли. Не трудно догадаться, чье вмешательство мы должны подозревать в первую очередь: только СССР выигрывает здесь и только СССР имеет возможность направить своих агентов-диверсантов на уничтожение наших космических систем во время запуска. Доказательств диверсии не имеется, хотя одно обстоятельство выглядит весьма подозрительно: в отличие от всех прежних запусков в день крушения ”Чэленджера” в районе мыса Кана-

верал не было ни одного советского разведывательного корабля. Во всяком случае, при исследовании этих катастроф варианту диверсии должно быть уделено такое же внимание, как разболтанности сотрудников и чистой случайности.

В чем бы ни была причина наших последних неудач в космосе, мы должны быстро принять решение о том, что следует сделать для исправления ситуации. В первую очередь абсолютно необходимо восстановить наши транспортно-космические средства, ибо без них овладение космосом в оборонных и экономических целях невозможно. Должна быть построена настоящая "железная дорога" в космос, по которой можно будет перемещать людей и материалы. И, как и с другими путями сообщения, мы обязаны время от времени заниматься ремонтом.

В первую очередь следует возобновить полеты челнока. Безопасность этого аппарата сегодня ничуть не ниже, чем она была в течение пяти лет его безотказных запусков. Можно даже сказать, что она стала выше, после того как мы обнаружили один несовершенный узел и установили, что не следует проводить запуск при низких температурах. Совершенно непонятно, почему мы отсиживаемся на Земле, когда столько важной космической аппаратуры ждет запуска и есть смелые люди, готовые лететь в любую минуту.

Но в чем мы нуждаемся больше всего, это в привлечении частных компаний к освоению космоса. Следует всячески поддерживать имеющиеся фирмы и помочь им сделать для страны то, что сделали в свое время авиационные компании для освоения воздуха. И конечно, они должны получать прибыль от своей деятельности.

Если бы челнок находился в частных руках, он бы уже возобновил полеты. Челнок остается на Земле главным образом потому, что каждая неудача наносит ущерб престижу нации и потому что правительственные организации могут позволить огромным капиталовложениям оставаться замороженными. Частные фирмы этого не могут. Предприниматель идет на некоторый риск, чтобы получить прибыль от своих капиталовложений. При этом он — в отличие от правительственных учреждений — не обращает внимания на критику прессы.

Серия катастроф космических аппаратов подогрела активность противников СОВ в Соединенных Штатах и вызвала бурную радость в Кремле. Как американские, так и советские отвергающие поспешили заявить, что американская техника так несовершенна, что космическая оборона обречена на провал.

Можно было предвидеть подобное использование катастроф в пропагандных целях, если иметь в виду ярость, вызываемую у противников СОВИ поддержкой, которую оказывает новой стратегии президент.

Урон был нанесен серьезный, и следует принять активные контрмеры, чтобы гарантировать космическое будущее для свободного мира. По случайности ли, по разгильдяйству или из-за диверсий, но Соединенные Штаты в 1986 году оказались прикованы к Земле, в то время как Советы свободно летают в космос и имеют там две станции с экипажами. Советы энергично развивают свою программу "Звездных войн", начатую более пятнадцати лет назад, пока американцы спорят между собой, следует ли финансировать СОВИ, существующую всего лишь два года.

История ясно показывает, что те, кто первыми захватили новые сферы — такие как мировой или воздушный океан, — неизбежно побеждали своих противников. Если мы позволим Советам доминировать в космосе или контролировать доступ туда и ставить свои условия странам свободного мира, мы обречены потерять нашу свободу.

Верхняя граница стремится предотвратить захват космоса Советами. Космос дает нам историческую возможность защитить блага свободы и гарантировать прогресс и процветание будущим поколениям свободных людей. И напротив, окажись космос в руках тоталитаризма, надежды эти будут уничтожены на века.

Первоочередная задача — обеспечить проведение в жизнь стратегии Верхней границы до того момента, как президент Рейган уйдет из Белого дома. Стратегическая оборонная инициатива должна перейти от исследований к созданию космического щита. Правительству следует поощрять частные фирмы к участию в освоении космоса, а не препятствовать им.

Президент США Роналд Рейген

ОБРАЩЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ 23 марта 1983 г.

Темы, которых я хочу сегодня коснуться — мир и национальная безопасность — в равной степени важны и своевременны. Своевременны — так как я принял решение, обещающее в 21 веке надежду нашим детям. О сути этого решения я сообщу вам через несколько минут.

Важность темы определяется тем, что вам самим придется сделать соответствующий выбор. Речь идет об основополагающей совместной обязанности любого президента и любого народа — о защите и укреплении мира.

В начале этого года я представил на рассмотрение Конгресса оборонный бюджет, отражающий мнение многих специалистов, высказавших рекомендации относительно мер, которые мы и наши союзники должны предпринять, чтобы защитить наши народы на многие предстоящие годы.

Бюджет представляет из себя значительно больше, чем просто перечень затрат, ибо за его цифрами кроется способность Америки предотвратить трагические события и защитить свободу нашего образа жизни в опасном мире, который нас окружает. Бюджет является частью тщательного и долгосрочного плана возрождения американской мощи после многих лет пренебрежения и ошибок.

Оборонная политика Соединенных Штатов основана на простом принципе: мы никогда не нападем первыми. Наша страна никогда не будет агрессором. Мы поддерживаем наш оборонительный потенциал лишь для отражения агрессии, защиты свободы и мира.

С самого начала ядерной эры мы стремились уменьшить риск начала войны, поддерживая сильные сдерживающие средства и прилагая усилия по достижению контроля над вооружениями. Сдерживание, на наш взгляд, представляет из себя такое положение вещей, при котором противник, желающий создать угрозу США, нашим союзникам или нашим жизненным интересам, понимает, что понесенные им потери будут гораздо более значительными, чем приобретения. Поняв это, соперник не решится напасть. Мы выступаем за мир с позиции силы. Слабость лишь поощряет агрессоров.

Наша оборона должна строиться с расчетом понимания атакующего потенциала противника и готовности отразить возможное нападение. Мы не можем позволить себе иллюзию, будто бы агрессивные действия невозможны. Я пережил две мировые войны. Мы их не начинали и сделали все, что в наших силах, чтобы не оказаться вовлеченными в конфликт. К обеим войнам мы были недостаточно хорошо подготовлены.

В течение последних 20 лет Советский Союз наращивает военный потенциал, далеко выходящий за рамки законной оборонительной необходимости. Этот процесс продолжается и сейчас. За последние 15 лет в СССР создан мощный арсенал стратегических вооружений, который может быть использован непосредственно для удара по американской территории.

Последняя модель американской межконтинентальной баллистической ракеты «Минитмен-3» была принята на вооружение в 1969 году. С этого времени в СССР введены в строй пять новых классов ракет такого рода, а их общая численность возросла в восемь раз.

То же самое происходит и в других областях. За указанный период в СССР разработаны четыре типа ракет, запускаемых с подводных лодок, и спущено на воду более 60 подводных ракетоносцев. Мы, в свою очередь, разработали два типа ракет и практически демонтировали 10 лодок.

В Советском Союзе введены в строй более 200 бомбардировщиков нового типа «Бэкфайр» и разрабатывается принципиально новый бомбардировщик «Блэкджек». Мы же не разработали ни одной новой модели после того, как четверть века назад был принят на вооружение «Б-52». Несколько сот и этих самолетов были списаны.

К 1978 году СССР обладал примерно 600 ракетами среднего радиуса действия и приступил к размещению «СС-20» — нового типа ракеты с повышенной точностью, обладающей тремя индивидуальными боеголовками. У нас не было ни одной ракеты этого класса.

За минувшие годы преимущество СССР заметно усилилось. К концу 1979 года Брежнев объявил о существовании «военно-стратегического баланса». В то время СССР располагал примерно 800 боеголовками на ракетах средней дальности.

Год назад Брежнев предложил мораторий или замора-

живание установки «СС-20», располагая уже 1200 боеголовками на этих ракетах. У нас по-прежнему не было ни одной.

Министр обороны СССР Устинов провозгласил, что примерное равенство сил продолжает существовать, однако Советский Союз продолжает прибавлять к своему арсеналу примерно по три новых ракеты каждую неделю. Эти ракеты («СС-20») могут поражать цели в Западной Европе через несколько минут после запуска. У нас по-прежнему нет ни одной подобной ракеты.

В 1979 году мы и наши западноевропейские союзники решили приступить к размещению нового вида сдерживающего оружия. Первые ракеты будут размещены в конце этого года. В то же время мы готовы прекратить нашу программу, если СССР демонтирует свои ракеты. Мы называем такое предложение «нулевым вариантом».

Коснемся обычных видов оружия. С 1974 года США произвели 3050 боевых самолетов тактического назначения. В СССР таких самолетов произведено вдвое больше. В США за указанный период спущено на воду 27 подводных лодок атакующего класса. В СССР — 61.

Мы выпустили 11200 бронемашин, включая танки. В СССР — 54 тысячи.

Было время, когда количественное превосходство советской армии уравнивалось преимуществами нашей технологии. Сегодня СССР производит оружие примерно равного качества.

Рост советской военной мощи начал представлять прямую угрозу нашим жизненным интересам и интересам наших союзников.

Советский разведывательный центр на Кубе — крупнейшее сооружение такого рода во всем мире. С кубинских аэродромов поднимаются в воздух советские самолеты-разведчики дальнего радиуса действия. Объем военных поставок Кубе может быть сопоставлен лишь с поставками времен «кубинского ракетного кризиса».

В Никарагуа сооружена взлетно-посадочная полоса для советских боевых вертолетов «МИ-8». Аэродром прикрыт зенитными средствами и истребителями.

На крошечном острове Гренада, находящемся в южной части Карибского бассейна, финансируемые Советским Союзом кубинцы сооружают взлетно-посадочную полосу длиной

более трех километров. Гренада вообще не располагает собственными военно-воздушными силами. Для чего предназначен этот аэродром?

Невероятно быстрое увеличение военного потенциала Гренады никак не может быть объяснено соображениями безопасности для страны с населением в 110 тысяч человек, окруженной соседями, большинство из которых вообще не располагает собственными армиями.

Может возникнуть вопрос: собирается ли СССР использовать свои мощные вооруженные силы? В Афганистане и в Польше Советы доказали, что они могут не остановиться перед использованием силы.

Советские вооруженные силы должны рассматриваться, как чисто наступательные.

Я убежден, что все вы — так же как и я — хотите мира. Многие из вас считают, что замораживание уровней ядерных арсеналов будет способствовать делу мира. Допущенное сейчас замораживание, однако, усилит, а не ослабит угрозу начала войны. Заключение такого договора узаконит советское превосходство и не позволит нам модернизировать наши силы.

Благодаря вашей поддержке и благодаря двухпартийному одобрению Конгресса, ситуация в наших вооруженных силах начала меняться в лучшую сторону. Мы приступили к разработке стратегического бомбардировщика «Б-1». Каждый год на воду спускается по одной подводной лодке класса «Трайдент». Мы думаем о том, как обезопасить стартовые площадки наших межконтинентальных ракет.

Мы приступили к долгожданной модернизации обычных вооружений. Впервые за 20 лет армия получит новую модель танка. Укрепляется авиация. Наш флот, состав которого сократился с более чем 1000 кораблей до 453, вновь набирает силу.

Мы должны принять решение: принести ли определенные жертвы ради защиты мира и свободы или пренебречь своим долгом и пассивно наблюдать за ростом мощи наших врагов.

Я поделился с вами своим мнением о защите национальной безопасности. Мои предшественники в Белом доме не раз говорили вам о советской военной угрозе и предлагали меры по ее нейтрализации. Со времени, когда было изобретено ядерное оружие, оборонительная концепция неизменно

строилась на основе ответного удара — ядерного сдерживания.

Эта концепция была в свое время действенной.

В течение более чем 30 лет нам и нашим союзникам удавалось предотвратить начало ядерной войны. В последнее время, однако, мои советники, в число которых входят члены Объединенного комитета начальников штабов, выступили с инициативой, предполагающей, что наша безопасность может быть обеспечена не только наступательным оружием.

В ходе дискуссий на эту тему я все более и более склонялся к мысли, что недостойно рассчитывать только на ответный ядерный удар. Будучи уверенным в этом, я считаю, что мы должны обдумать и все другие пути, ведущие к уменьшению напряженности и достижению стабильного взаимного паритета.

Одним из важнейших действий в этом направлении, безусловно, явилось бы ограничение вооружений — в первую очередь, ядерных.

Если СССР присоединится к нам, мы добьемся стабилизации ядерного баланса. Но даже в таком случае останется необходимость полагаться на ответный удар. Не является ли более разумным — позаботиться о сохранении человеческой жизни, чем только искать средства для ее уничтожения?

* * *

После длительных консультаций с советниками я пришел к выводу, что такая возможность существует. Позвольте мне поделиться с вами представлением о вызывающем надежды проекте.

Мы должны разработать программу, основанную на чисто оборонительных мерах по отношению к советской ракетной угрозе. Давайте обратимся к мощи нашей технологии, которой мы обязаны созданием великой индустриальной системы и достижением нашего уровня жизни.

Что, если люди, живущие в свободном обществе, откажутся от представления, что их безопасность гарантирована исключительно возможностью нанесения ответного удара? Что, если мы сможем перехватить и уничтожить любую ракету еще до того, как она достигнет нашей территории или территории нашего союзника?

Я осознаю трудности технического воплощения такой

задачи. Возможно, такая цель не будет достигнута в рамках этого столетия. И все же уровень развития технологии настолько высок, что мы можем попытаться. Осуществление программы займет годы, а, возможно, и десятилетия. Будут неудачи и разочарования, но будут и успехи и радости.

В ходе осуществления программы мы не должны забывать о силах сдерживания и о возможности нанесения ответного удара, но не являются ли любые затраты оправданными ради избавления человечества от угрозы ядерной войны?

Я ясно представляю себе ограниченный и двусмысленный характер оборонительного оружия. По сравнению с наступательным оружием — оборонительные виды могут показаться уступкой агрессорам. И все же я обращаюсь к представителям науки нашей страны, к людям, которые дали нам ядерное оружие, с призывом обратить их замечательные способности для служения делу мира и человечества. Ядерное оружие должно стать бессильным и устаревшим.

Не забывая о наших обязательствах по противоракетному договору и о необходимости консультаций с союзниками, я отдаю распоряжение о начале исследовательских и практических работ по созданию программы, обеспечивающей нашу конечную цель — уничтожение угрозы, представляемой стратегическим ядерным оружием.

Эта программа может проложить путь к достижению договоренности о ликвидации самого ядерного оружия. Мы не добиваемся ни военного превосходства, ни политических выгод. Единственной нашей целью — разделяемой всем человечеством — является поиск путей для уменьшения ядерной опасности.

Сегодня мы предпринимаем попытку, обещающую изменить весь исторический процесс. Нам придется идти на риск и мы не ждем немедленных результатов, но я верю в осуществимость проекта.

Советская стратегическая оборона в космосе

Мероприятия последнего времени в рамках советской программы стратегической обороны включают:

- модернизацию и расширение единственной в мире действующей системы ПРО вокруг Москвы;
- сооружение в районе Красноярска радарной установки обнаружения и наблюдения за баллистическими ракетами, являющееся нарушением Договора о ПРО 1972 года;
- обширные исследования в области новейших систем ПРО, в том числе лазерного оружия, пучкового оружия и оружия на кинетической энергии;
- поддержание в состоянии готовности единственной в мире действующей противоспутниковой системы;
- модернизацию стратегических противовоздушных сил;
- улучшение пассивной обороны путем оборудования глубоких бункеров и убежищ для руководящего состава и повышения степени выживаемости от ядерного удара целого ряда систем наступательного оружия — путем увеличения их мобильности и усиления защитных сооружений.

*Из сборника «Советская военная мощь»,
Министерство обороны США, 1987 г.*

С самого начала ядерной эры СССР придает огромное значение обороне, как средству ограничения ущерба. Войска ПВО были выделены в самостоятельный вид Вооруженных сил в конце 50-х годов и с 1959 года считаются третьим по важности видом советских Вооруженных сил после ракетных войск стратегического назначения и сухопутных войск.

К середине 60х годов к задачам ПВО страны прибавилась противоспутниковая и противоракетная оборона. В результате этого, в настоящее время советская стратегическая ПРО включает единственную в мире действующую противоракетную систему, а также крупную, постоянно расширяющуюся программу научных исследований. В дополнение к этому, СССР имеет единственную в мире противоспутниковую систему, способную уничтожать важнейшие космические летательные аппараты США и других стран на околоземных орбитах.

Противоракетная оборона

Вокруг Москвы располагается единственная в мире действующая система ПРО. В 1978 году Советский Союз начал обновлять и расширять эту систему в рамках, определенных Договором о ПРО 1972 года. Первоначальная линия системы ПРО состоит из 4-х стартовых комплексов с 64 перезаряжающимися наземными пусковыми установками и радиолокационными станциями управления боем типов «Конура» (DOG HOUSE) и «Кошкин дом» (CATHOUSE), расположенных к югу от Москвы. Каждый комплекс включает в себя радары сопровождения и наведения TRY ADD и внеатмосферные ракеты наземного базирования с ядерным зарядом GALOSH, предназначенные для перехвата и уничтожения боеголовок ракет противника перед их входением в земную атмосферу.

После завершения модернизации система ПРО Москвы будет обладать двухэтажной системой обороны, состоящей из усовершенствованных противоракет дальнего действия GALOSH шахтного базирования и быстростартующих ракет

GAZELLE шахтного типа, предназначенных для поражения целей в атмосфере; радарных систем наведения цели, управления огнем и ведения боя; новой большой РЛС в г. Пушкино, предназначенной для управления боевыми действиями ПРО. Ракетные установки шахтного базирования вероятно смогут перезаряжаться. Новая оборонительная система будет состоять из 100 пусковых установок противоракет, разрешаемых Договором о ПРО, и может быть полностью развернута к 1987 году.

Советская система обнаружения и сопровождения цели в случае удара баллистических ракет состоит из спутников обнаружения пусков баллистических ракет, загоризонтных радаров и серии больших РЛС с фазированной антенной решеткой.

Существующая спутниковая система обнаружения пусков баллистических ракет может обеспечить примерно 30-минутное оповещение о запуске любой американской МБР и может определить общий район запуска. Две загоризонтных РЛС, нацеленные на районы запусков МБР США, также могут обеспечить 30-минутное предупреждение.

Следующая оперативная линия обнаружения баллистических ракет состоит из 11 больших РЛС дальнего обнаружения баллистических ракет типа «Курятник», расположенных в шести точках по периферии СССР. Эти радары могут определить масштаб атаки и подтвердить сигнал обнаружения со спутника и систем загоризонтных РЛС. Они также способны передать координаты наведения цели для ПРО. Со времени подписания Договора о ПРО характеристики этих РЛС улучшены.

В настоящее время в СССР сооружаются шесть новых больших РЛС с фазированной антенной решеткой, которые смогут прослеживать большее количество баллистических ракет с более высокой степенью точности, чем существующая сеть РЛС типа «Курятник». Пять из этих РЛС будут дублировать или дополнять сферу действия существующей сети РЛС типа «Курятник», но возможности их будут значительно шире. Шестая РЛС, строящаяся в Сибири под Красноярском,

замкнет цепь РЛС дальнего обнаружения баллистических ракет. Эти шесть новых больших РЛС с фазированной антенной решеткой образуют дугу, идущую от Кольского полуострова на северо-западе СССР, вокруг Сибири, до Кавказа на юго-западе страны. США сейчас сооружают новые РЛС дальнего обнаружения баллистических ракет, известные под названием «Пэйв Пос» (PAVE PAWS). Они расположены по периферии нашей территории и направлены вовне. Эти РЛС существенно уступают по своим возможностям огромным советским РЛС с фазированной антенной решеткой. Как США, так и СССР, подписывая Договор о ПРО, осознавали потребность в радарх дальнего обнаружения баллистических ракет. В то же время они понимали, что РЛС дальнего обнаружения баллистических ракет могут обнаруживать и сопровождать боеголовки на большом расстоянии и поэтому представляют собой значительный противоракетный потенциал, который сыграл бы существенную роль в общенациональной системе ПРО для предотвращения создания которой и был подписан данный договор. Вследствие этого США и СССР согласились, что в будущем РЛС дальнего обнаружения баллистических ракет должны быть размещены по периферии территории страны и направлены на внешнее воздушное пространство. Таким путем можно достичь естественной и желаемой цели раннего предупреждения и в то же время уменьшить до минимума опасность создания общегосударственной системы управления военными действиями.

Красноярская РЛС предназначена для обнаружения и слежения за баллистическими ракетами и обладает способностью дальнего обнаружения. Она является нарушением Договора 1972 года по ПРО, так как она не расположена согласно договору ни в 150-тикилометровом радиусе вокруг столицы страны (Москвы), ни на периферии территории Советского Союза и не направлена на внешнее воздушное пространство, как это требуется для РЛС дальнего обнаружения. Красноярская РЛС находится в 3700 км от Москвы

и в 750 км от ближайшей границы (с Монголией). Кроме того, она направлена не в сторону этой границы, а на северо-восток, покрывая примерно 4000 км советской территории.

Советский Союз заявляет, что Красноярская РЛС предназначена для слежения за космическими объектами, а не для дальнего обнаружения баллистических ракет и, таким образом, не представляет собой нарушение Договора по ПРО. Однако, по конструкции она не приспособлена для слежения за космическими объектами и в любом случае очень мало чем дополняет существующую советскую сеть сопровождения космических объектов. На самом деле конструкция Красноярской РЛС в основном идентична с конструкцией других РЛС, о которых известно — по признанию самих советских специалистов — что они предназначены для дальнего обнаружения и сопровождения баллистических ракет.

Рост сети больших РЛС с фазированной антенной решеткой для обнаружения и сопровождения баллистических ракет, частью которой является Красноярская РЛС, вызывает особую тревогу, если сопоставить этот рост с другими действиями СССР в области противоракетной обороны. Сооружение РЛС данного типа требует годы, поэтому наличие их у СССР позволит последнему довольно быстро создать, если он того пожелает, общенациональную систему ПРО.

В СССР также производится разработка компонентов новой системы ПРО, которая позволяет создавать отдельные участки ПРО в течение нескольких месяцев вместо нескольких лет, необходимых для строительства более традиционных систем ПРО. Советские действия в этой области потенциально нарушают Договор о ПРО, запрещающий развитие мобильных систем ПРО наземного базирования или их компонентов. По нашей оценке, Советский Союз, путем использования данных компонентов противоракетной обороны, сможет к началу 90-х годов быстро развернуть систему ПРО для усиления обороны Москвы и других ключевых пунктов в западной части СССР и к востоку от Урала.

К тому же, Советский Союз вероятно нарушил соглашение, запрещающее испытания компонентов ракетных систем «земля-воздух» в модификации ПРО тем, что он применяет зенитные управляемые ракеты в испытаниях систем ПРО. Кроме того, зенитные управляемые ракеты СА-10 и СА-Х-12 могут быть использованы для перехвата некоторых типов стратегических баллистических ракет.

В совокупности действия СССР в области ПРО представляются более значительными и более угрожающими, чем по отдельности. Взятые все вместе, они дают основания полагать, что Советский Союз возможно готовится к быстрому развертыванию противоракетной системы обороны, охватывающей всю территорию страны, что является нарушением положений Договора по ПРО.

Новейшая техника ПРО

В конце 60-х годов, продолжая по-прежнему делать упор на создание стратегической обороны, СССР приступил к проведению крупных исследований в области передовой технологии, часть которой может быть использована для противоракетной обороны.

Эта программа охватывает много технических аспектов, сходных с теми, которые разрабатываются в рамках американской программы стратегической оборонной инициативы (СОИ), однако по размаху своему она требует значительно больших производственных мощностей, материальных и людских ресурсов.

Лазерное оружие

Исследовательские программы СССР в области лазеров значительно обширнее соответствующих американских, в них вовлечено свыше 10 тысяч ученых и инженеров и более полудюжины ведущих научно-исследовательских центров и испытательных полигонов. Значительная часть этих исследований проводится на Сары-Шаганском ракетном полигоне, где ведутся также общие исследования в области ПРО. В состав оборудования этого центра, как предполагают,

входят несколько лазеров для ПВО, лазеры, способные вывести из строя некоторые компоненты спутников на орбите, а также лазер, который может быть использован для предварительных испытаний противоракетных систем. Соответствующая программа исследований в области лазерного оружия обшлась бы США примерно в 1 миллиард долларов в год.

Советские ученые осуществляют разработку трех типов газовых лазеров, могущих быть использованными для создания оружия — газодинамических, электроразрядных и химических. Успехи СССР в области увеличения мощности лазерного луча весьма впечатляющи. Советские ученые осознают возможности военного использования лазеров в видимом и УКВ диапазонах. Они разрабатывают рентгеновские лазеры, лазеры на свободных электронах и экскамерные (эксимерные) лазеры. Исследования в области создания ионно-аргонного лазера проводятся уже более десяти лет. Научно-технический уровень СССР повидимому позволяет обеспечивать энергетические потребности, аккумулирующие емкости и вспомогательные компоненты, необходимые для большинства лазеров и другого оружия направленной энергии. На принципе ракетной тяги разработан магнитногидродинамический генератор, мощностью 15 мегаватт подобного которому нет на Западе. Советские ученые вероятно способны создать специальные оптические установки, необходимые для того, чтобы засечь и поразить цель с помощью лазерного оружия. В 1978 году было построено 120-сантиметровое сегментное зеркало для астрофизического телескопа и было заявлено, что оно является прототипом 25-метрового зеркала. Наличие больших зеркал считается необходимым для применения лазерного оружия космического базирования.

В отличие от США Советский Союз в настоящее время продвинулся дальше в области научно-технических исследований. Он уже имеет лазерные установки наземного базирования, обладающие ограниченной способностью поражать

американские спутники, а к концу этого десятилетия может поставить опытные образцы противоспутникового лазерного оружия космического базирования. К концу 80-х годов Вооруженные силы СССР могут получить опытные образцы противоракетных лазеров наземного базирования и в начале 90-х годов начать испытания составных частей крупномасштабной системы лазерных установок.

Разумеется, на преодоление всякого рода трудностей ввода в строй систем лазерного оружия в полевых условиях потребуется дополнительное время. Поэтому действующие противоракетные лазерные установки наземного базирования скорее всего поступят на вооружение не ранее конца 90-х годов или после 2000 года. Если научно-технические разработки окажутся успешными, то СССР сможет развернуть действующие противоспутниковые лазеры космического базирования во второй половине 90-х годов, а после двухтысячного года установит системы лазерного противоракетного оружия космического базирования. Работы Советского Союза в области создания высокоэнергетического противовоздушного лазерного оружия вероятно приведут к развертыванию установок наземного базирования в начале 90х, а морского — в середине 90х годов.

Пучковое оружие

С конца 60-х годов советские военные исследователи изучают возможность использования космического пучкового оружия. Согласно оценке американских специалистов, в течение 90-ых годов советские ученые смогут провести испытания опытных образцов пучкового оружия для дезориентации радиоэлектронных систем спутников. За этим может последовать создание оружия, предназначенного для уничтожения спутников противника. На создание оружия, способного физически уничтожать ракеты-носители или боеголовки, вероятно потребуются несколько дополнительных лет исследований и разработок.

Радиочастотное оружие

В СССР проводятся исследования в области использования мощных радиочастотных сигналов, способных создавать помехи или выводить из строя основные электронные элементы боеголовок баллистических ракет или спутников. В 90-е годы можно ожидать появления опытных образцов радиочастотного оружия наземного базирования способного выводить из строя спутники.

Оружие на кинетической энергии

В Советском Союзе также ведутся различные исследования в области создания оружия на кинетической энергии, поражающее действие которого основано на принципе столкновения с целью небольшой массы летящей с большой скоростью.

В 60-х годах советские ученые создали опытный образец такой «пушки», стреляющей потоком частиц тяжелых металлов, таких как вольфрам или молибден, летящих со скоростью почти 25 км/сек в воздухе и свыше 60 км/сек в вакууме.

Компьютерная техника и датчики систем обнаружения

Успешное осуществление программ по созданию современного оружия, в том числе противоракетного и противоспутникового, во многом зависит от уровня компьютерной техники, в которой Запад опережает Советский Союз. Поэтому СССР прилагает большие усилия для приобретения технологических секретов Запада и повышения уровня своих знаний и возможностей в этой области. Важную часть этих усилий составляет все большее использование как открытого, так и незаконного доступа к западной технологии. Например, СССР долгое время проводил хорошо субсидируемые действия по приобретению американских новейших компьютеров, измерительных приборов и датчиков через третьи страны.

Разработка противоспутниковых систем

Более 12 лет Советский Союз обладает единственной в мире действующей

противоспутниковой системой. Принцип действия системы основан на запуске на ту же самую орбиту, что и спутник-цель, который уничтожается при сближении с помощью обычной боеголовки. Учитывая сложность запуска, слежения за целью и перехвата с помощью радара сопровождения, советская противоспутниковая система повидимому далеко не примитивна. Большинство испытаний этой системы были успешными, что показывает насколько действующая система находится в полной оперативной готовности. В дополнение к этому, противоракеты с ядерным зарядом типа GALOSH, установленные вокруг Москвы, обладают теми же оперативными возможностями, что и противоспутниковое оружие, а советские наземные лазеры могут выводить из строя ряд элементов спутников противника. Кроме того, как было отмечено ранее, в Советском Союзе проводятся исследования и разработка оружия, предназначенного в конечном счете для противоракетной обороны, однако первоначально оно может быть использовано в качестве противоспутникового оружия.

Деятельность в космосе

Советский Союз располагает несколькими космическими системами, используемыми как для военных, так и гражданских целей. Они включают космические корабли с экипажами, разведывательные и наблюдательные спутники, новые космические ракеты-носители и различные другие вспомогательные средства.

В СССР наблюдается заметный прогресс в осуществлении программ создания космоплана, а также «челночных» полетов, первый из которых намечен на конец 1986-го или на 1987-ой год.

Советская деятельность в космосе имеет в основном военный характер, подтверждением чего является тот факт, что по меньшей мере 70% космических запусков чисто военного характера и служат как оборонительным, так и наступательным целям. СССР пытается скрыть подлинную сущность большинства своих космических программ

заверениями, что запуски в космос носят «научный характер». Однако результаты этих «научных» полетов редко публикуются или даже оповещаются.

Военная поддержка из космоса

Советский Союз наращивает усилия по созданию и развертыванию космических систем, предназначенных для поддержки военных операций. В настоящее время действуют несколько космических систем разведки и наблюдения, из которых две не имеют себе подобных в США. Это — работающий на ядерной энергии радарный океанский разведывательный спутник (РОРС) и электронный разведывательный океанский спутник (ЭРОС), используемые для обнаружения и слежения за военно-морскими объектами. Два спутника РОРС были запущены в августе 1985 года и использованы для поддержки военно-морских учений, проведенных в сентябре того же года. Причем, это был не первый подобный запуск спутника РОРС непосредственно перед военными учениями.

Советская система разведывательных спутников достигла значительных успехов и пополнена многими важными нововведениями. Повышена решающая способность разведывательных спутников и постепенно улучшается качество радиоэлектронной разведывательной аппаратуры. Создана многосторонняя и гибкая система запуска и обслуживания орбитальных разведывательных аппаратов, которыми можно маневрировать в зависимости от обстановки и необходимости.

Пилотируемые космические средства

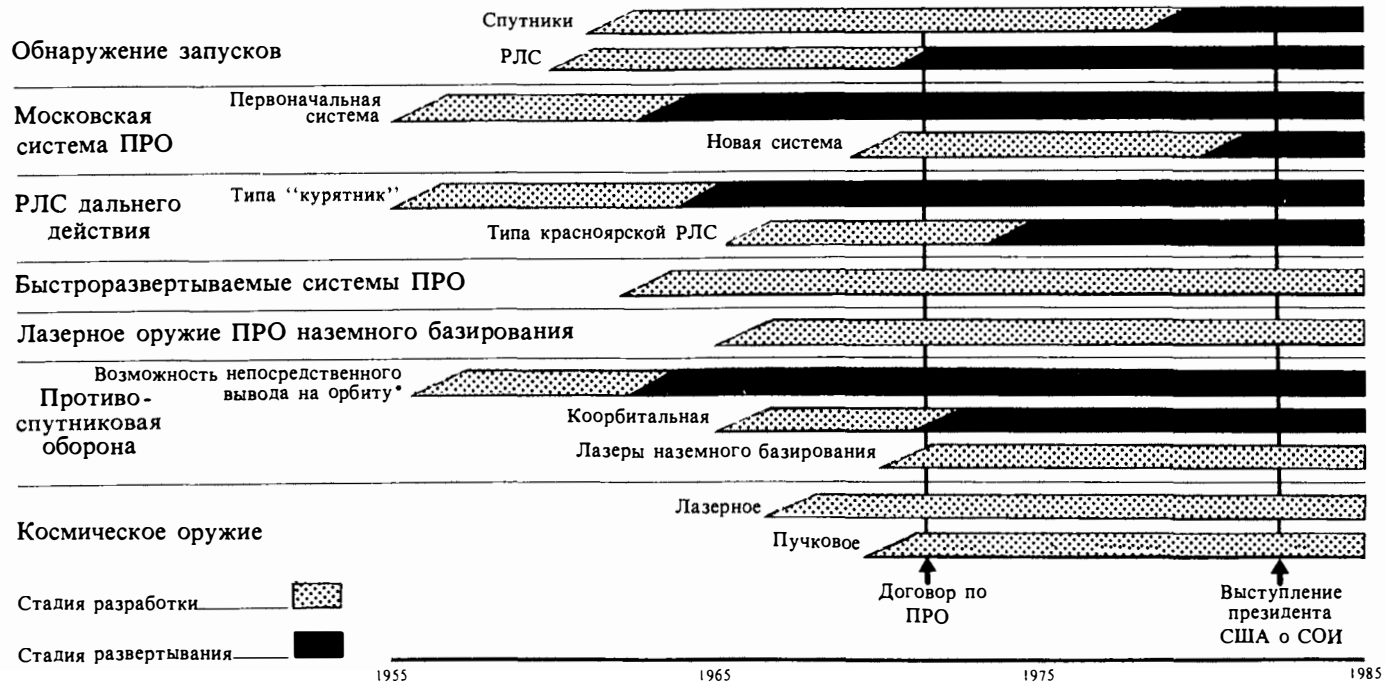
В начале 1985 г. имели место неполадки с советской космической станцией «Салют -7», приведшие к отказу в электрической системе станции. В марте было объявлено, что станция успешно выполнила намеченные задачи и будет законсервирована. Однако, в июне с космодрома Тюратам был запущен космический корабль «Союз Т-13» с двумя космонавтами на борту. С помощью ручного управления им удалось состыковаться с бездействующей станцией. Были предприняты

усилия по восстановлению работы станции и через две недели она уже функционировала нормально, а экипаж, возможно, приступил к проведению экспериментов военного характера.

Эти ремонтные операции в космосе послужили особо ценным опытом в деле обслуживания космических станций, которое будет способствовать усилиям СССР в создании на околоземной орбите постоянно действующей пилотируемой космической станции. В сентябре 1985 года Советский Союз впервые в истории полетов человека в космос осуществил смену экипажей, когда корабль «Союз Т-14» доставил еще трех космонавтов на космическую станцию «Салют-7». Затем один космонавт из экипажа «Союз Т-14» и один из экипажа «Союз Т-13» на космическом корабле «Союз Т-13» вернулись на Землю. Когда будет смонтирована большая секционная космическая станция, запуск которой вполне возможен в конце 80-х годов, смена экипажей станет обычным явлением. СССР сделал большой шаг вперед в создании такой космической станции, запустив на орбиту в начале 1986 года усовершенствованную станцию «Салют» с шестью стыковочными устройствами для ракет.

Дальнейшие успехи, направленные на создание новой космической станции, были продемонстрированы запуском «Космоса-1686», который состыковался с «Салютом-7» в начале октября 1985 года. Такие летательные аппараты имеют большую грузоподъемность и могут быть оборудованы как разведывательные станции, атомные подстанции или лаборатории для проведения разного рода исследований и экспериментов.

Советские программы ПРО и космической обороны

Советский Союз осуществлял программы ПРО и космической обороны, включающие применение передовой технологии и оружия космического базирования, еще до подписания договора по ПРО 1972-го года, причем размах и масштабы этих работ продолжают непрерывно расширяться. В течении того же периода разработки систем ПРО и космической обороны в США велись лишь в ограниченном объеме и с вовлечением ограниченных средств.

* Потенциальная возможность московской системы ПРО

Книги издательства «Телекс»

- Л. Ежевский, «Катынь-1940» (1983)
«СССР-Германия, 1939» (1983)
«СССР-Германия, 1939-1941» (1983)
С. П. Мельгунов, «Золотой немецкий ключ
большевиков» (1985)
«Убийство Столыпина. Свидетельства и документы»
(1986)

Сборники «Телекс»

- № 1 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»
(январь 1981)
№ 2 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»
(ноябрь 1981)
№ 3 «Кризис детанта. Американские ученые о политике
разрядки международной напряженности» (1982)
№ 4 «С позиции силы. Почему Запад, желая мира,
готовится к войне» (1982)
№ 5 «Рональд Рейган о внешней политике США. Речи,
заявления, интервью президента США за 1981-1983 гг.»
(1983)

Книги, подготовленные «Телексом» для публикации в других издательствах

- С. П. Мельгунов, «Красный террор в России»
(1979, изд-во «BRANDY»)
З. Гиппиус, «Петербургские дневники»
(1982, изд-во «Орфей»)

**Мы, американцы,
стремимся к тому, чтобы
освободить мир от угрозы
ядерной войны, более того,
от угрозы любой войны.
Количество ракет и других
орудий массового унич-
тожения должно непрерывно
сокращаться. Сегодня как
Америка, так и Советский
Союз, работают над созданием
оборонительного щита против
баллистических ракет;
я подчеркиваю —
оборонительного щита,
который сам по себе никому
и ничем не угрожает. Ради
безопасного мира я готов
использовать все возможности
современной науки и техники.**

Рональд Рейган

*Из телевизионного обращения
к советскому народу
1 января 1988 г.*